

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE

NR. 8

Mokslinių straipsnių rinkinys

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr. 8

MOKSLINIŲ STRAIPSNIŲ TĘSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto

Kauno humanitarinio fakulteto

Užsienio kalbų katedra

THE PROCEEDING EDITION OF SCIENTIFIC ARTICLES

Published by Vilnius University

Kaunas Faculty of Humanites

Department of Foreign Languages

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Издает кафедра иностранных языков

Каунасского гуманитарного факультета

Вильнюсского университета

Redakcijos adresas / Adress of the editorial / Адрес редакции

„Žmogus kalbos erdvėje“: straipsnių rinkinys (Online).

VU KHf

Muitinės g. 8

Kaunas LT-44280

Tel.: 8-37-42 24 77

El. paštas: ieva.labutiene@khf.vu.lt

Redagavo / Edited by / Редактировали

Alla Diomidova (rusų kalba/the Russian language/русский язык)

Loreta Kamičaitytė (anglų kalba/the English language/английский язык)

Jūratė Radavičiūtė (lietuvių kalba/the Lithuanian language/литовский язык)

ISSN 2424-385X

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2015

Recenzavo:

Prof. habil. dr. Omnia Amin. Zayed universitetas, Tvariųjų ir humanitarinių mokslų koledžas (JAE)

Prof. habil. dr. Dalia Eigirdienė. Kauno technologijos universiteto Socialinių, humanitarinių mokslų ir menų fakultetas (Lietuva)

Prof. habil. dr. Elena Malyševa. Omsko valstybinis universitetas Filologijos ir medijų komunikacijos fakultetas (Rusija)

Publikuoti rekomendavo Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto taryba.

Tarybos posėdžio protokolas Nr. 8, 2015 gegužės 20 d.

REDAKTORIŲ KOLEGIJA**Jūratė Radavičiūtė**

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto lektorė, dr. (04H), Lietuva, **vyriausioji redaktorė**

Ala Diomidova

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva, **vyriausiojo redaktoriaus pavaduotoja**

Tatjana Babko

Minsko valstybino lingvistinio universiteto docentė, dr. (04H), Baltarusija

Skirmantė Biržietienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Jurgita Kerevičienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Natalija Kuzmina

Dostojevskio Omsko valstybinio universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija

Vilma Linkevičiūtė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto lektorė, dr. (04H), Lietuva

Jurij Mašošin

Daugpilio universiteto docentas, dr. (04H), Latvija

Živilė Nemickienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Olegas Poliakovas

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva

Olegas Perovas

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentas, dr. (04H), Lietuva

Elena Remchukova

Rusijos Tautų draugystės universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija

Vadim Šubin

Maskvos valstybinio humanitarinio universiteto docentas, dr. (04H), Rusija

Nikolaj Vaskiv

B. Grinčenko Kievo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Ukraina

Dovilė Vengalienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

TURINYS
CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ

Вера Барбазюк (<i>Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия</i>)	7
Смысловая эволюция метафоры в контексте (на материале русских и английских публицистических и художественных текстов)	
Татьяна Бобкова (<i>Киевский национальный лингвистический университет, Украина</i>)	16
Лексикографический корпус как источник для словарей нового типа	
Aurelija Daukšaitė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Kaunas, Lietuva</i>)	29
<i>Representation of Trauma: Mission (Im)possible?</i>	
Йовита Даукшите (<i>Universitetas Vytautas Magnus, Kaunas, Lietuva</i>)	41
Языковые компетенции в контексте образования через всю жизнь	
Лариса Каминская (<i>Санкт-Петербургский государственный университет, Россия</i>)	52
Первый российский универсальный словарь «LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA AUGUSTISSIMAE CURA COLLECTA» (1787, 1789) как отражение языковой картины мира	
Йоанна Коженевска-Берчинска (<i>Szkola Wyższa Towarzystwa Wiedzy Powszechnej, Warszawa, Polska</i>)	63
Когнитивная метафора в публицистическом дискурсе. Инокультурное восприятие	
Екатерина Кравец (<i>Киевский национальный лингвистический университет, Украина</i>)	72
Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного сообщения (на материале японского и украинского языков)	
Людмила Кравцова (<i>Каунасский технологический университет, Литва</i>)	87
Отражение коммунистических и либерально-демократических идей в зеркале существительных со значением лица (по данным Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика)	
Ольга Леон (<i>Минский государственный лингвистический университет, Беларусь</i>)	107
Структура корректирующего метасообщения в политическом дискурсе (на материале англо-, немецко- и русскоязычных политических ток-шоу)	
Юрий Машошин (<i>Даугавпилсский университет, Латвия</i>)	123
Словесное описание функциональных элементов человека в криминалистике	
Софья Муджири (<i>Тбилисский государственный университет им. И. Джавахидовили, Грузия</i>)	135
Изменение идиоматического образа под влиянием рекламного рисунка	
Gemta Navickienė (<i>Kauno kolegijos Kėdainių Jonižo Radvilos studijų centras, Lietuva</i>)	146
On the Problems Encountered by Business English Students While Performing Comparative Linguistic Research	
Кристина Николова (<i>Российский университет дружбы народов, Москва, Россия</i>)	163
Социальная дифференциация массового адресата в текстах международной неправительственной организации Amnest International	
Ардалан Носрати (<i>Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь</i>)	172
Социолингвистический статус адресанта и адресата речевого акта пожелания	

- Екатерина Подсевак** (*Kиевский национальный лингвистический университет*) Лингвостилистическая характеристика техники в научно-фантастических произведениях Р. Брэдбери 182
- Laura Simonavičienė** (*Vytauto Didžiojo universitetas, Kaunas, Lietuva*) Kiek geras yra geras, o blogas – blogas? 192
- Варвара Соседова, Дмитрий Новиков** (*Московский государственный институт международных отношений (университет, Россия)*) Особенности передачи лингвокультурных концептов, вербализованных фразеологическими единицами, при переводе (на примере перевода ФЕ *stiff upper lip* с английского языка на русский) 206
- Ichiro Taida** (*I-Show University, Taiwan*) A Chronological Study Of The Editions Of The *Homeric Hymns* 218
- Ирина Таяновская, Неда Абдолрахим Хассан Шали** (*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*) Особенности передачи коммуникативно значимых смысловых элементов и отношений текста (на материале перевода литературно-художественного произведения с русского языка на фарси) 228

Вера Барбазюк

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский проспект, 49, 125993, Москва, Россия

Тел. +7 926 5305655, +7 495 6169538

E-mail: vera087@mail.ru

Область научных интересов автора: лингвосинергетика, синергетика образа, дискурс-анализ

СМЫСЛОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Метафора – одно из самых дискуссионных языковых явлений, заданных в языке и связанных с языком. Область языковой образности чрезвычайно широка. Неограниченным разнообразием (в плане выделяемых способов семантической переходности и смысловых оттенков) характеризуется состав метафор. В аспекте своего образного применения язык выходит за рамки составляющих его основу фиксированных структурных и семантических предписаний. Метафора превышает устойчивые семантические параметры языка – при том, что точкой отсчета при оценке глубины и масштаба образного отклонения служит непосредственная языковая семантика, представленная прямыми языковыми значениями. Метафора, как область нескончаемого семантического взаимодействия единиц языка, – ключевой фактор семантического развития языка.

Метафора представляет собой один из наиболее характерных видов иррациональной номинации в речи и в языке. Ее иррационализм изначально объясняется критериями случайной похожести соотносимых в ее семантическом пространстве объектов – виртуального и реального. Иррационализм метафоры не носит абсолютного характера, но более или менее подчинен решению вполне рациональной задачи – номинации реального объекта в аспекте референциальной функции метафоры. Метафора иррациональна по своему внутреннему семантическому механизму, но рациональна по своему внешнему функционально предназначению.

Данная статья посвящена проблеме смыслового развития метафор в контексте, требующей перехода от традиционной номинативно-статической трактовки к

динамическим принципам рассмотрения. На основе анализа выделяются шесть видов смыслового развития метафор в зависимости от степени смысловой концентрации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора, наррация, эволюционный семиозис, номинация

Метафора стоит в ряду наиболее изучаемых семантических объектов в современных лингвистике, филологии, семиотике. Вместе с тем, нельзя не признать, что существующие на сегодняшний день подходы в изучении метафоры не лишены определенных недостатков и не являются в полной мере эффективными, т.к. главным образом основываются на достаточно узких семантических предпосылках ее изучения. Метафора по большей части рассматривается статично, с узко номинативных позиций, как некий готовый образ, законченное речевое произведение (Опарина 1988: 69; Иванов 2009: 14).

На современном этапе развития теории метафоры все более остро стоит вопрос поиска динамических принципов ее изучения (Иванов 2002: 145; Шнякина 2010: 17). Особый интерес вызывает *эволюционный семиозис* метафоры в контекстном речевом узусе. Это требует расширения семантической трактовки метафоры и добавления к семантической составляющей метафоры нарративного компонента.

Мы полагаем, что конфронтация образующих семантическую структуру метафоры значений (прямого и переносного) может и должна быть дополнена сравнительным противопоставлением двух стоящих за каждым из значений нарративов: контекстуальной (объективно-описательной) и внутренней метафорической.

Особый интерес к данной проблеме вызван недостаточной теоретической разработанностью динамического подхода к метафоре и в необходимости поиска широких теоретических оснований данного подхода к метафоре с точки зрения условий и факторов не только ее внутреннего, но и внешнего контекстного становления (Падучева 2004).

Рассмотрение метафоры в динамике ее речевого становления требует расширения теоретико-методологического основания. Так, в частности, помимо опоры на методы лингвистической семантики, необходимым является обращение к принципам семиотики и лингвосинергетики.

Важно отметить, что смысловое развитие метафоры в контексте, так или иначе, предполагает ее нарративное развитие – выдвижение нарративного аспекта метафоры на первый план.

Представляется возможным выделение шести видов смысловой контекстуализации метафор. Критерием выступает степень подчинения или, наоборот, остранения метафоры от контекста, т.е. ее семантической зависимости или, наоборот, независимости от контекста.

Прежде всего, нами выделяется простая номинативная метафора. Как правило, служащая смысловой аксиологической характеристике объекта.

1. It is going to be just tough for publishers to overcome their *Original Sin* [<http://buzzmachine.com/2009/08/30/the-real-sin-not-running-businesses/>].
2. ....в России был сильнейший *припадок цензурной болезни* [Герцен А.И.]

Как видно из примеров, первый случай – это случай элементарного однократного применения метафоры в контексте. Метафора в этом случае может быть представлена одним словом или словосочетанием.

Такая метафора служит средством направленной смысловой характеристики объекта и относительно легко распознается как случай ограниченного метафорического переименования.

В такой метафоре наррация является ее скрытой стороной. Метафорическая наррация схематична, и структурно более экономна, чем реальное описание.

Обратим внимание на то, что две нарративные структуры – реальная и виртуальная – в общем и целом совпадают. По крайней мере, в любой метафорической номинации изначально предполагается такое совпадение как условие понимания метафоры.

Далее выделялись кореферентные, дублирующие друг друга метафоры, несущие в себе усиление аксиологической нагрузки по принципу градации:

1. But he also saw himself as part of *an international crusade*, a *Nordic warrior* who could inspire others [«BBC news», August 2012].
2. Принцесса Ди – это *идол, героиня и икона.....* [Безелянский Ю.Н.].

Здесь как бы происходит смена нарративов от метафоры к метафоре, но они объединены общим концептом, общей аксиологией.

Речь идет об образном переименовании одного и того же объекта путем использования нескольких параллельных метафор. Это можно назвать многократным кореферентным применением метафоры.

Все метафоры в рассматриваемых примерах связаны общим объектом наименования и соответственно общим конструктивным принципом, общим конструктивным заданием объекта, которое они должны – как совместно, так и каждое из них в отдельности –

реализовать в своем композиционном построении. Таким образом, все представленные в примерах метафоры тождественны (в общем и целом) референциально, но обнаруживают более или менее значительные различия в части своего символического потенциала.

Следует задуматься, чем может быть вызвано кореферентное использование различных метафор? Это может быть вполне объективная причина т.е. связанная с реальными семантическими возможностями метафоры. Иначе говоря, отдельная метафора оказывается неспособной вполне охватить свойства именуемого объекта (как их представляет себе говорящий) и требуется дополнительная повторная метафорическая номинация, чтобы вполне отразить значимые свойства объекта. В этом случае можно говорить о непосредственном взаимодополнительном использовании кореферентных метафор.

Далее - простое не-нарративное увеличение числа метафор в контексте (сигнализирует об усилении эмоционального состояния говорящего). Такого рода увеличение количества метафор свидетельствует об эмоциональном состоянии говорящего. Он обращается не к прямым значениям, а метафорическим.

1. Willard Mitt Romney stood on the verge of ultimate power as leader of the free world. Now, just moments later, he is about to vanish from the political stage. Perhaps forever. So what's a guy to do when *booted from the national spotlight* without a job? Well, if you're Romney, you don't have *to do a whole hell of a lot*. His millions spare him from worrying *about putting food on the table*. In six months, will he be *relegated to a mere historical footnote*? [«The Daily Beast», November 8, 2012].

2. Так что скандал на «Свободе» - это *семейная ссора*, где нет ни правых, ни виноватых. ... американцы поступили великодушно - *держат в своих руках все кнопки*... т.е. мудро продемонстрировали *softpower* [Артемьев М.].

Концентрация образности в контексте усиливается. Метафора расширяет свое присутствие в контексте. Однако при этом практически не возникает смыслового нарративного развития метафоры. Отсутствует эффект экспрессивного (аксиологического) и образного нарастания. Метафорическая образность от одной метафорической номинации к другой как бы последовательно сопровождает развертывание контекстной наррации согласно нарративной программе реальной ситуации описания.

В целом речь идет о количественном расширении метафорических номинаций в контексте. Такого рода номинации не образуют собственной нарративной программы, параллельной программе реального контекста.

Далее обратимся к примерам, в которых имеет место простое нарративное расширение метафоры. Уровень оценки растет, нарративное развитие метафоры параллельно контексту. Метафора действует по нарративной программе контекста, сопровождает контекст. При этом масштаб метафорической подмены увеличивается.

1. Но меня превратили в *лошадь ломового извоза*, всю жизнь я *плелся под кладью бездарных*,... неисчислимых бюрократических дел [Корель Д.].
2. *A massive asteroid has struck, sending shock waves through the media ecosystem. Old species disappear very rapidly; meanwhile various mutations emerge but most of them die off too. Only a few species will actually thrive, then diversify and take over* [McQuaid J.].

Весьма характерными являются пятый и шестой случай нарративного усиления метафоры в контексте. Это поэтическое и проverbsиальное аллегорическое развитие метафоры. В этих случаях интересно то, что метафора перестает жестко подчиняться нарративной программе контекста и развивается по своим внутренним законам. Именно в этих случаях и наблюдалась, прежде всего, поэтизация метафоры.

В поэтическом развитии метафоры важно выделить то, что это развитие не может быть беспредельным, т.е. достигать полной степени разрыва связи метафоры с контекстом. На каком-то этапе своего поэтического развития метафора должна вернуться к контексту, вновь связать себя с референцией. Потеря *референциальной опоры* знаменовала бы смерть образа и утраты им своей символической функции. Кроме того, в поэтической метафоре отмечается ослабление аксиологической экспрессивной нагрузки на фоне увеличения ее концептуальной функции. В целом, наррация здесь выдвигается на первый план, удаляется от референции, становится самодостаточной.

1. *A massive asteroid has struck, sending shock waves through the media ecosystem. Old species disappear very rapidly; meanwhile various mutations emerge but most of them die off too. Only a few new species will actually thrive, then diversify and take over.* We don't know yet what they look like [<http://johnmcquaid.com/2008/07/04/the-big-die-off/>].

2. Это роман о «Матрице». О том, как в России, в студне, оставшемся от разгромленного СССР, возникают *кристаллики новой реальности*. Офисы, где работают менеджеры. Пиар-компании, где священнодействуют имиджмейкеры. Политологические клубы, где заседают спичрайтеры. Рекламные бюро, где преуспевают дилеры. Торговые центры, где царят дистрибьюторы. *Этих кристалликов* множество. Они соединяются *плоскостями и гранями, переливаются, как голографическая картинка*, складываются в систему, охватывающую все пространство жизни. Эта система напоминает *электронную плату для суперкомпьютера*. В ней *движутся энергии, передается информация, она воспроизводит себя, защищается от опасностей, агрессивна, вездесуща. Основанная на кремнии и аммиачных соединениях, вытесняет реликтовые формы жизни, основанной на старомодных углеводородах* [Минайлов П.].

Еще более разительный контраст между образом и референцией возникает в аллегорической метафоре, обретающей форму пословицы:

1. Есть интересный тип людей – они красивы, талантливы, веселы, но при этом *токсичны*. Там где они присутствуют в ситуациях или отношениях происходит постепенное отравление окружающих. Именно талантливость, внешняя привлекательность, веселость не дают сразу же увидеть вредоносность человека. *Красивое ядовитое растение или насекомое не осознают вреда, который они кому-то приносят*. Как эта токсичность проявляется? [Москалев С.]
2. So, take positive steps each day towards building and promoting your home internet business. The reality is that you need to keep a long term focus. *Roman empire wasn't built in a day* neither will your *home internet business empire* [<http://www.articles3k.com>].

Здесь интересно то, что меняется вектор семантического уподобления: не образ подобен объекту, а объект полагается как реальность, уподобляемая образу. В такого рода образных нарративах в метафоре появляется назидательный, нравственный смысл.

Таким образом, выделенные нами шесть случаев образного метафорического остранения в контексте на основе усиления и выразительного развития нарративного начала в метафоре показывают общую направленность и механизм смыслового и выразительного развития метафоры в контексте.

Литература

- БАРБАЗЮК, В. Ю., 2013. *Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: ВУ МО РФ.
- ИВАНОВ, Н. В., 2009. Об одном способе анализа символической структуры метафоры средствами логики *In: Н.В. ИВАНОВ. Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст: Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации*. Москва: ЗАО «Книга и бизнес», 10–22.
- ИВАНОВ, Н.В., 2002. *Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса*. Дис. ... д-ра. филол. наук. Москва: ВУ МО РФ.
- ОПАРИНА, Е.О., 1988. Потенциальная метафора *In: Е.О. ОПАРИНА. Метафора в языке и тексте*. Москва: Наука, 65–78.
- ПАДУЧЕВА, Е. В., 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры.
- ШНЯКИНА, К. В., 2010. *Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор)*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва: ВУ МО РФ.

Источники

- АРТЕМЬЕВ, М., on-line. *Свободно о «Свободе»*. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/svobodno_-_o_svobode_30002 (см. 04.01.2014)
- БЕЗЕЛЯНСКИЙ, Ю.Н., 2003. *Жизнь и гибель принцесс: исторические эссе*. Москва: Радуга.
- ГЕРЦЕН, А. И., on-line. *Долг прежде всего*. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0052.shtml (см. 04.01.2014)
- МИНАЙЛОВ, П., 2004. PR-проект «Пророк». Москва. Молодая гвардия.
- МОСКАЛЕВ, С., on-line. *Токсичность*. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/toksichnost_31988 (см. 17.02.2014)
- КОРЕЛЬ, Д., on-line. *Александр Фадеев. Карьера, которой могло не быть*. Режим доступа:

http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_fadeev_karera_kotoroj_moglo_ne_byt_21687 (см. 24.12.2013)

MCQUAID, J., on-line. *The Big Die-Off, And The Long Tail Of Hyperlocal*. Режим доступа: <http://stoweboyd.typepad.com/message/page/18/> (см. 14.02.2014)

Vera Barbazyuk

Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Research interests: lingvosynergy, synergy of image, discourse-analysis

SEMANTIC EVOLUTION OF THE METAPHOR IN THE CONTEXT (BASED ON RUSSIAN AND BRITISH JOURNALISTIC AND LITERARY TEXTS)

Summary

The metaphor is one of the most controversial linguistic phenomena given in the language and related with the language. The sphere of linguistic imagery is extremely broad. Composition of metaphors is characterized by unlimited variety (in terms of both the methods of semantic transitivity and shades of meaning). In the aspect of its figurative use the language is beyond the scope of its constituent basis of fixed structural and semantic requirements. The metaphor exceeds stable semantic language settings, although a reference point to estimate the depth and scope of figurative language bias is a direct semantics provided by direct linguistic meanings. The metaphor as an area of endless semantic interoperability of units of a language is a key factor of the semantic development of a language.

This article deals with the problem of meaning in the context of the development of metaphors, which requires a shift from traditional nominative-static to dynamic interpretation of the principles of consideration. On the basis of the analysis, six types of semantic development of metaphors depending on the degree of semantic concentration are identified.

KEY WORDS: metaphor, narration, evolutionary semiosis, nomination.

Vera Barbazyuk

Rusijos Federacijos vyriausybės Finansų universitetas, Maskva, Rusija

Moksliniai interesai: lingvistinė sinergija, įvaizdžio sinergija, diskurso analizė

PRASMINĖ METAFOROS EVOLIUCIJA PASIRINKTAME KONTEKSTE
(PUBLICISTINIUOSE IR MENINIUOSE TEKSTUOSE ANGLŲ IR RUSŲ KALBOMIS)

Santrauka

Metafora – tai vienas iš daugiausiai diskusijų keliančių kalbinių reiškinių, kylančių iš kalbos ir susijusių su kalba. Kalbinės išraiškos priemonių sritis – labai plati. Priemonių, kurių pagalba kuriamos metaforos, pasirinkimas beribis. Naudojant menines išraiškos priemones kalba praplečia savo ribas: nepaiso nusistovėjusių struktūrinių ir semantinių normų. Metafora peržengia nusistovėjusias semantines kalbos ribas – jos prasmę ir meninę vertę galima įvertinti tik pasitelkiant tiesiogines žodžių reikšmes. Dėl neribotų galimybių kurti naujas prasmes pasitelkiant egzistuojančius kalbos vienetų, metafora yra viena svarbiausių kalbos vystymosi sąlygų.

Metafora yra viena iš dažniausiai naudojamų iracionaliųjų nominacijų šnekamojoje ir rašytinėje kalboje. Jos iracionalumo pagrindas – atsitiktinis virtualių ir realių metaforos semantinės aplinkos elementų derinimas. Metaforos iracionalumas nėra absoliutus, nes jos tikslas – realaus objekto nominacija metaforos referencinėje funkcijoje – yra racionalus. Metaforos iracionalumas slypi jos vidiniame semantiniame mechanizme, o racionalumas atsiskleidžia išorinėje funkcijoje, kurią ji atlieka.

Šiame straipsnyje nagrinėjama metaforos evoliucija pasirinktame kontekste ir teigiama, kad tradicinis statiškas nominacinis požiūris į metaforą turi būti keičiamas diniminiu. Atliktas tyrimas rodo, kad galima išskirti šešis metaforos prasminės evoliucijos tipus, kurie skiriasi prasminės koncentracijos lygiu.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: metafora, naratyvas, semiozės evoliucija, nominacija.

Татьяна Бобкова

Киевский национальный лингвистический университет

вул. Велика Васильківська, 73, Київ, Україна

Тел. +38-066-848-01-06

E-mail: tatva93@gmail.com

Область научных интересов автора: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, корпусная лексикография, синтаксис

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ КОРПУС КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СЛОВАРЕЙ НОВОГО ТИПА

В статье рассматриваются признаки лексикографического корпуса текстов как основы для составления словаря. Корпусная лексикография определяется как теория и практика составления корпусных словарей на основе свободного доступа к текстovým ресурсам, корпусных методов их обработки и выделения в качестве единицы значения коллокации. В основе развития корпусной лексикографии лежат технологические изменения и корпусная методология, способствующая формированию теоретических принципов. Базовыми для корпусной лексикографии являются понятие лексикографического корпуса и коллокации. Проанализированные дефиниции позволяют определить лексикографический корпус как электронный ресурс, используемый в качестве источника и программного инструментария для составления словаря. Основные характеристики лексикографического корпуса определяются его прикладным назначением. В статье характеризуется современное состояние и перспективы использования в лексикографии общедоступных украинских корпусов. В украинской корпусной лексикографии отмечаются разнонаправленные тенденции: как к использованию потенциала исследовательских и учебных корпусов текстов, так и к составлению лексикографических корпусов. В качестве примера лексикографического корпуса рассматривается Корпус законодательных текстов, в основу составления которого положены ключевые требования к корпусным ресурсам. Изложенное позволило определить общие принципы составления корпусных словарей как словарей нового типа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпус текстов, корпусная лексикография, лексикографический корпус, признаки корпуса, корпусный словарь.

В статье исследуются признаки лексикографического корпуса текстов как источника словарей нового типа. В современной лингвистике корпусная лексикография определяется как дисциплина, изучающая теорию и практику составления корпусных словарей. При этом корпусная лексикография предлагает кардинально новый подход к изучению лексической единицы (Biber *etc.* 1998: 21; Лендау 2012: 281). Если в фокусе внимания традиционных лексикографов находятся в основном системные связи лексической единицы, то для корпусного лексикографа основной интерес представляет поведение лексической единицы, ее значение в контексте, регулярные связи, стилевые и функциональные характеристики в аутентичных текстах разных жанров. Таким образом, корпусная лексикография, прежде всего, имеет дело с изучением значения или употреблением лексической единицы в контексте, а под дискурсом при этом понимается язык аутентичных текстов, составляющих корпус.

Теоретические принципы корпусной лексикографии были заложены в 1990-х гг. – период корпусной лингвистики второго поколения, когда уже был накоплен определенный опыт разработки корпусов, составления на их основе корпусных словарей и решен ряд философских, концептуальных и методологических вопросов теории корпуса. При этом современное состояние корпусной лексикографии кардинально отличается от традиционной вследствие ограниченности последней в объеме, доступе к лексикографическому материалу – корпусу и методах его обработки. Прежде всего, как инструмент корпус по своей природе оказал большое влияние именно на методологию исследования вследствие ускорения, систематизации большого количества данных в режиме реального времени (Tognini-Bonelli 2000: 210).

Впервые электронный корпус текстов был использован У. Френсисом и Г. Куцурою для составления частотного словаря словоформ – Computational Analysis of Present-Day American English (1967 г.). Частотные словари такого типа составляются в результате несложного алгоритма (Перебийніс *и др.* 2009: 55) и являются иллюстрацией простого использования корпуса в лексикографии. В 1980-х гг. объединение корпусной лингвистики и лингвостатистики содействовало появлению новых типов корпусных словарей в зарубежной лексикографии, таких как Collins Birmingham University International Language Database

(COBUILD) – проект Дж. Синклера и П. Хэнкса (1987 г.) и Cambridge International Dictionary of English – П. Проктера (1993 г.). Систематизация данных С. Лэндау (Лендау 2012: 280–281) свидетельствует, что в основе развития корпусной лексикографии, прежде всего, лежат технологические изменения в практике составления словарей:

1) 1970-80 гг. – создание электронных копий и копий на микрофишах (алфавитный указатель древнеанглийских текстов, Торонто);

2) середина 1980 гг. – интенсификация внедрения компьютерных технологий в издательском деле, постепенный рост емкости жестких дисков и скорости выполняемых операций;

3) вторая половина 1980-90 гг. – миниатюризация, дальнейший рост мощности и удешевление компьютеров;

4) 1990 гг. – обеспечение свободного доступа к корпусам второго поколения, возможность хранения большие объемов лексикографических данных.

Революционные технологические изменения привели не только к совершенствованию корпусной методологии лингвистических исследований, но были основой нового теоретического прорыва (Renouf 2007: 29). Для формирования теоретических принципов современной корпусной лексикографии базовыми являются понятия лексикографического корпуса и коллокации – совместной встречаемости слов (Sinclair 1991: 109). В этом смысле теоретические основы инноваций в области лексикографии были заложены работой Дж. Синклера (1991 г.) по переопределению единицы значения в свете корпусных данных (Tognini-Bonelli 2000: 214).

В основу корпусной лексикографии положено определение корпуса как электронной коллекции текстов, собранных в соответствии с экстралингвистическим критерием оптимального представления определенного языка или его вариантов в качестве источника данных для дальнейших лингвистических исследований (Sinclair 2005: 16). Однако данное определение нуждалось в уточнении, поскольку до того времени ни один из корпусов текстов не планировался для составления словаря. С этой целью в научный обиход вводится понятие **лексикографического корпуса**:

– корпус, используемый в качестве лексикографического или лексического источника с инструментарием для составления словаря (Ooi 1998: 47),

– коллекция текстов, собранная непосредственно с целью составления определенного словаря (Atkins *etc.* 2008: 54),

– сформированный по определенным правилам корпус текстов для использования лексикографами с целью создания электронной картотеки или отбора необходимых цитат с помощью конкорданса (Перебийніс *и др.* 2009: 7–18),

Анализ приведенных выше дефиниций показывает, что основным признаком лексикографического корпуса является его ориентированность на практическое использование для составления словарей.

Методология составления словаря предусматривает непосредственное наблюдение языковых фактов в текстах лексикографического корпуса. При корпусно-ориентированном подходе корпусные данные используются для верификации заранее сформулированной гипотезы, при корпусно-управляемом подходе отправной точкой для формулирования гипотезы являются факты корпуса (Tognini-Bonelli 2000: 236). Процедура лексикографического анализа является индуктивной: вывод о признаках лексической единицы, а также о ее включении в словник делается на основании исследования реальных текстов. Описание поведения единицы в тексте осуществляется с помощью программных средств обработки природно-языкового материала, применение которых способствует формулированию, оценке и верификации гипотез. При этом скорость и качество обработки запросов зависит от функциональных возможностей поисковых, статистических программ корпус-менеджера – неотъемлемой, но часто скрытой части корпуса. Именно поэтому представляется целесообразным уточнить определение корпуса «как большой представительной коллекции электронных текстов, использующей специализированное программное обеспечение» (Marcinkevičienė 2010: 12). Таким образом, под лексикографическим корпусом понимается текстовый ресурс, используемый в качестве источника и программного инструментария для составления словаря.

Доступность электронных корпусов в качестве основного источника лексикографического анализа, технологические возможности хранения, обработки больших объемов данных и применение конкордансинга как основной методики составления словаря ознаменовали собой «корпусную революцию» (Karlsson 2000: 427–428) в лексикографии. Использование конкорданса в лексикографии обеспечивает одновременный доступ к индивидуальной и социальной практике употребления единиц. При этом социальная практика восстанавливается с помощью выявления в конкордансе повторяемых моделей коллокаций, частота встречаемости которых позволяет оценить определенное слово, структуру или выражение по отношению к норме (Tognini-Bonelli 2000: 207).

Помимо электронной формы и программного обеспечения характеристики корпуса, такие как размер (Sinclair 1991: 61; Biber *etc.* 1998: 22–23; Kennedy 1998: 67–68), качество (Kennedy 1998: 67–68; Marcinkevičienė 2010: 14) и репрезентативность (Sinclair 1991: 13–20; McEney *etc.* 1996: 21–24; Renouf 2007: 30) определяются его основным назначением – служить основой для составления словаря. Предметом профессиональных дискуссий корпусных лингвистов является, прежде всего, соотношение характеристик размера и качества вследствие распространенности мнения о том, что исследование лексикона и особенно лексикографическая практика требуют обработки большого корпуса (Biber *etc.* 1998: 22–23). В тоже время адекватность грамматического анализа также обеспечивается использованием корпуса текстов объемом не меньше 1 млн. слов (Renouf 2007: 29). Разумеется, обработка данных больших корпусов открывает новые перспективы для выявления закономерностей и связей в языке. Однако на современной стадии развития корпусной лингвистики окончательно не установлено, какой именно размер корпуса текстов необходим для удовлетворения общих и конкретных целей лингвистов (Marcinkevičienė 2010: 14). Для преодоления существующей проблемы предлагается в зависимости от исследовательских целей использовать:

1) разные типы аннотированных корпусов текстов, а именно

а) малые – объемом 1 млн. слов для описания частотных лексических единиц,

б) средние – в 10 млн. для мультимедийного анализа и поиска отдельных речевых единиц, не существенных для воспроизведения общего состояния языка, и

в) большие – от 100 млн. слов для получения надежных статистических данных, а также описания грамматических особенностей употребления или редких явлений (Marcinkevičienė 2010: 14–15);

2) ранее разработанные корпуса. При этом размер используемого корпуса текстов должны быть адекватным цели и задачам лингвистического исследования (Kennedy 1998: 68).

На практике планирование и составление корпуса текстов редко определяются конкретным, узко-прикладным назначением, поэтому в качестве лексикографических часто используются имеющиеся в свободном доступе ранее разработанные корпуса. В украинской корпусной лексикографии наблюдаются разнонаправленные тенденции: как к использованию потенциала общедоступных исследовательских (Дарчук 2010; Данилюк 2013) и учебных корпусов текстов (Коломієць *и др.* 2012), так и к составлению небольших по

объему лексикографических корпусов (Bobkova *etc.* 2009; Darchuk *etc.* 2009; Bobkova *etc.* 2010). Проанализируем состояние и перспективы использования украинских корпусов в лексикографии с целью определения общих принципов составления корпусных словарей как словарей нового типа.

1. Исследовательские корпуса.

1.1. Разработанный с целью изучения проблемы грамматической служебности Корпус текстов украинского языка (около 10 млн. слов) (Данилюк 2013: 224–225), позволяет реализовать идею создания полного и адекватного **Словаря частиц**, включающего исследование разных функциональных признаков, а в перспективе и написание грамматики служебности (Загнітко *и др.* 2012: 21).

1.2. Корпус современного украинского языка, разработанный как информационно-справочная система для изучения различных вопросов исследования украинского языка. Для этого корпус объемом около 18 млн. слов аннотирован по качественным и количественным признакам на уровне морфемики, морфологии и синтаксиса, а также снабжен пакетами программ для электронных картотек и параметризированной базы данных, концепция которой предусматривает реальную возможность для составления **Универсального многоцелевого словаря** (Дарчук 2010: 47). На базе корпуса разработана серия словарей:

1.2.1. Алфавитно-частотные словари в автоматическом (без снятия омонимии) и полуавтоматическом режиме (со снятием лексико-грамматической и лексической омонимии) предоставляют грамматическую, лексико-грамматическую, стилистическую и статистическую информацию (абсолютная и средняя частота, мера колебания средней частоты, коэффициент стабильности) (Дарчук 2010: 47).

1.2.2. Словари поэтов, включающие алфавитно-частотный словарь слов и словоупотреблений, морфемный словарь и словарь корневых гнезд с частотными характеристиками, словари синонимов, омонимов, неологизмов, диалектизмов, архаизмов, фразеологизмов и словари тропов (Дарчук *и др.* 2004: 83).

1.2.3. Словари неологизмов, синонимов, антонимов, фразеологизмов, тезаурусы (Дарчук 2010: 47).

1.2.4. Конкорданс для реализации функции иллюстрации в Корпусе современного украинского языка и как вспомогательный инструмент определения лексико-семантической, синтаксической и стилистической характеристики слова (Дарчук 2010: 47).

2. Учебные корпуса.

2.1. Учебный корпус английских текстов Ukrainian Corpus of Learner English (UCLE). Составленный на материале корпуса **Актуальный англоязычный словарь студенческих эссе** позволяет установить типичные ошибки и осуществить качественный анализ письменных тестов студентов по признакам лексического разнообразия и частоты употребляемых слов (Коломієць *и др.* 2012: 30). В перспективе корпус может быть использован для разработки и оценивания методик обучения и создания словарей разных типов.

2.2. Многоязычный параллельный корпус устной речи (Лебедев 2012) общим объемом около 8 млн. слов разработан на базе субтитров сериалов. Корпус включает английские тексты и соответствующие переводы на украинский, немецкий, французский, испанский, греческий и русский. Программное обеспечение корпуса позволяет осуществлять поиск и устанавливать переводные эквиваленты слов и словосочетаний в контексте предложения, в перспективе может быть использован для составления переводных словарей.

3. Лексикографические корпуса.

3.1. Трехязычный корпус текстов по компьютерной лингвистике включает подкорпуса английских, украинских и русских текстов по 500.000 слов каждый. На базе корпуса составлен **Трехязычный словарь терминов компьютерной лингвистики**. Данные конкордансов используются для иллюстрации реального функционирования терминов в корпусе (Bobkova *etc.* 2009: 38).

3.2. Корпус текстов современной украинской лингвистики.

Данный подкорпус Корпуса современного украинского языка использован для верификации **Текстоориентированного тезауруса лингвистических терминов** (Darchuk *etc.* 2009: 70–71). Взаимодействие с подкорпусом текстов позволяет не только обновлять формализованную модель тезауруса, но в перспективе использовать разработанную систему как инструмент распознавания смысла текстов в автоматическом реферировании и аннотировании (Darchuk *etc.* 2009: 76-77).

3.3. Корпус законодательных текстов.

Данный корпус объемом в 1,25 млн. слов является составной частью Корпуса текстов современного украинского языка, включающего стандартный набор программ морфологического кодирования, лемматизации, поиска по словоформам, леммам и грамматическим кодам. Рассмотрим принципы составления корпуса законодательных текстов (Bobkova *etc.* 2010; Законодавчі тексти 2014), изначально планировавшегося для составления

Словаря коллокаций украинского юридического дискурса.

Выбор информационно насыщенных документов официального стиля определяется конечной целью данной работы – составлением словаря коллокаций. Известно, что тексты официальных документов характеризуются максимальным количеством коллокаций на тысячу слов (Борисова 1995: 17). Стиль юридических документов предполагает четкость, точность и стандартность формулировок, что выражается в насыщенности разного рода устойчивых сочетаний: наименований – *Паризька конвенція, Асамблея Союзу, Гаазька угода*; терминосочетаний – *міжнародна реєстрація, промисловий зразок, юридична особа*; языковых формул и клише – *перешкоджати застосуванню, в установленому порядку, додержуватись положень*; производных предлогов и союзов – *у відповідності з, у зв'язку з, у силу того, що*.

Документальным источником для подкорпуса является Собрание законодательства Украины с 1918 г. В основу разработки подкорпуса законодательных текстов положены ключевые требования к корпусным объектам, а именно: репрезентативность, сбалансированность лингвистического материала, ограниченность объема, стандартность и исследовательское предназначение. Лингвистический материал подкорпуса представляет собой сбалансированные по жанрам тексты законодательных документов: актов, указаний, деклараций, декретов, директив, договоров, законов и хартий. В соответствии с конечной целью – составлением словаря устойчивых сочетаний в ходе отбора текстов предпочтение отдавалось в основном документам объемом не менее 2 тыс. словоупотреблений.

Подкорпус законодательных текстов является одноязычным и однородным с точки зрения функционального стиля отобранных текстов. Результаты анализа текстов при отборе в подкорпус показали, что значительный процент в базе Собрания законодательства составляют документы на русском языке. В частности, акты с грифом “*Секретно*”, “*Совершенно секретно*” и “*Для служебного пользования*” представлены в базе данных Собрания только исходными данными на русском языке при отсутствии самого текста документов. Не соответствуют принципу однородности также тексты некоторых деклараций и договоров, так как их отдельные фрагменты представлены украинским и русским языком. В результате отбора в тело корпуса были включены документы на украинском языке, соответствующие принципу лингвистической однородности.

С целью соблюдения принципа хронологической однородности и максимального представления официально-делового стиля современного украинского языка было решено ограничить хронологические рамки подкорпуса – с 1992 г. и по настоящее время. Это

объясняется экстралингвистическими факторами, а именно провозглашением в 1992 г. государственной независимости Украины и, как следствие этого – активного развития законодательства. Отобранные таким образом тексты законодательных документов представляют *современное состояние украинского языка*, в частности, официально-делового стиля украинского языка.

В подкорпус включены полные тексты законодательных документов, что обеспечивает их структурную и лексическую завершенность. Конечный объем ресурса определяется целью его составления для словаря коллокаций. При этом коллокация определяется как двукратное появление сочетания двух слов на 1 млн. словоупотреблений корпуса, большой объем корпуса предполагает, очевидно, большее количество появлений (Marcinkevičienė 2010: 104). Статистический подход в выделении коллокаций в корпусе соотносится с определением по Синклеру языковой модели как сочетания слов, встретившегося в тексте по крайней мере дважды (Ooi 1998: 47). Установленные модели коллокаций планируется в дальнейшем верифицировать на корпусе текстов большего объема. На базе подкорпуса законодательных текстов планируется также составление тезаурусов существительных и глаголов. В этом смысле главной задачей является разработка максимально автоматизированной методики обработки больших массивов письменных текстов.

Анализ использования украинских корпусов текстов в лексикографии позволяет отнести составленные на их основе словари к словарям нового типа, в основу которых положены следующие общие принципы:

1. Корпусный – корпусно-ориентированный (Bobkova *etc.* 2009: 38; Загнітко *и др.* 2012: 21; Darchuk *etc.* 2009: 70–71) и корпусно-управляемый подход (Дарчук 2010: 47; Коломієць *и др.* 2012: 30).
2. Исследование функциональных признаков, понимаемых как характеристики поведения лексической единицы в тексте (Bobkova *etc.* 2009: 38; Дарчук 2010: 47; Загнітко *и др.* 2012: 21; Коломієць *и др.* 2012: 30; Darchuk *etc.* 2009: 75).
3. Изучение статистических характеристик лексических единиц (Дарчук 2010: 47; Загнітко *и др.* 2012: 21; Коломієць *и др.* 2012: 30).
4. Описание качественных признаков на основе количественных (Дарчук 2010: 47; Коломієць *и др.* 2012: 30; Darchuk *etc.* 2009: 76).
5. Лексико-грамматический подход к изучению лексических единиц (Дарчук 2010: 47).

Литература

- ATKINS, B. T. S., RUNDELL, M., 2008. *The Oxford guide to practical lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- BIBER, D., CONRAD, S., REPPEN, R., 1998. *Corpus linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- BOBKOVA, T., GRYDNEVA, L., LEBEDEV, K., KASIANENKO, M., LUKASHEVICH, V., PETRENKO, P., 2009. Corpus of computational linguistic texts. In: Ed. J. LEVICKÁ, R. GARABIK. *NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research*. Bratislava: Tribun, 35–40.
- BOBKOVA, T., VOLODKEVYCH, O., 2010. Corpus of Ukrainian acts of law. In: Ed. N. GLADUSH. *Book of abstracts. The sixth International Conference “Cultural research: Challenges for the 3rd Millennium”*. Kyiv: Kyiv National Linguistic University, 3.
- DARCHUK, N. P., SOROKIN, V. M., 2009. Text-Oriented Thesaurus Retrieval System for Linguistics. In: Ed. J. LEVICKÁ, R. GARABIK. *NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research*. Bratislava: Tribun, 65–77.
- KARLSSON, F., 2000. Lexikografie a korpusová lingvistika. In: *Studie z korpusové lingvistiky. Philologica*, № 3–4, 427–454.
- KENNEDY, GR., 1998. *Introduction to corpus linguistics*. London: Longman.
- MARCINKEVIČIENĖ, R., 2010. *Lietuvių kalbos kolokacijos*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla. Режим доступа: http://vddb.laba.lt/fedora/get/LT-eLABa-0001:B.03~2010~ISBN_978-9955-12-656-0/DS.001.0.01.BOOK [См. 08.08.2014].
- MCENERY, T., WILSON, A. 1996. *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- OOI, V. B. Y., 1998. *Computer corpus lexicography*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- RENOUF, A., 2007. Corpus development 25 years on: from super-corpus to cyber-corpus. In: Ed. R. FACCHINETTI *Corpus linguistics 25 Years On. Language and computers*, Vol. 62, 27–49.
- SINCLAIR, J., 1991. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press.
- SINCLAIR, J., 2005. Corpus and text – basic principles. In: Ed. M. WYNNE *Developing linguistic corpora: a guide to good practice*. Oxford: Oxbow Books, 1–16.
- TOGNINI-BONELLI, E., 2000. Corpus classroom currency. In: *Darbai ir Dienos*, № 24, 205–243. Режим доступа: <http://donelaitis.vdu.lt/publikacijos/bonelli.pdf> [См. 08.08.2014].

БОРИСОВА, Е. Г., 1995. *Коллокации. Что это такое и как их изучать.* Москва: Филология.

ДАНИЛЮК, І., 2013. Корпус текстів для вивчення граматичної службовості. *Ін: Лінгвістичні студії*, Вип. 26, 224–229.

ДАРЧУК, Н. П., АЛЕКСЕЕНКО, Л. А., ЗУБАНЬ, О. Н., СОРОКИН, В. М., 2004. Параметризованная база данных поэтической речи как источник и инструмент филологических студий. *Ін: Материалы Международной конференции “Прикладная лингвистика без границ”*. СПб: Инфо-да, 80 – 88.

ДАРЧУК, Н. П., 2010. Дослідницький корпус української мови: основні засади і перспективи. *Ін: Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія: Літературознавство. Мовознавство. Фольклористика*, Вип. 21, 45–49.

ЗАГНІТКО, А., СИТАР, Г., ДАНИЛЮК, І., 2012. Структура і модель бази даних “українські частки та їхні еквіваленти”. *Ін: Комп’ютерна лінгвістика: сучасне і майбутнє. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції*, № I, 21–22.

Законодавчі тексти, 2014. [on-line]. Режим доступа: <http://www.mova.info/corpus2.aspx> [См. 08.08.2014].

КОЛОМІЄЦЬ, В., КОТИК, С., 2012. Спеціальний навчальний корпус текстів UCLE: сучасний стан і перспективи використання. *Ін: Комп’ютерна лінгвістика: сучасне і майбутнє. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції*, № I, 29–32.

ЛЕБЕДЕСВ, К., 2012. Створення Багатомовного корпусу паралельних текстів. *Комп’ютерна лінгвістика: сучасне і майбутнє. Ін: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції*, № I, 36–37.

ЛЕНДАУ, С. І., 2012. *Словники: мистецтво та ремесло лексикографії*. Вид. 2-е. Київ: К. І. С.

ПЕРЕБИЙНІС, В. І., СОРОКІН, В. М., 2009. *Традиційна та комп’ютерна лексикографія*. Київ: Вид. Київського національного лінгвістичного університету.

Tatiana Bobkova,

Kyiv National Linguistic University, Kyiv, Ukraine

Research interests: applied linguistics, corpus linguistics, corpus lexicography, syntax.

LEXICOGRAPHICAL CORPUS AS THE SOURCE FOR NEW DICTIONARY COMPILATION

Summary

The article deals with features of lexicographical corpus as the source for dictionary compilation. Corpus lexicography is defined as the theory and practice of corpus dictionary compilation based on the availability of textual resources, corpus methods of research and regarding a collocation as a unit of meaning. Technological changes and corpus methodology, which promotes the formation of theoretical principles, are the basis of the development of corpus lexicography. The core concepts in corpus lexicography are the lexicographical corpus and the collocation. According to the analyzed definitions, a lexicographical corpus is an electronic resource used as a source and a programming instrument for dictionary compilation. The main characteristics of a lexicographical corpus are determined by its practical purpose. The article describes the current status and prospects of the usage of the available Ukrainian corpora in lexicography. There are multidirectional trends in Ukrainian corpus lexicography: both towards the exploitation of the potential of research and academic corpora and towards the compilation of lexicographical corpora. As an example of lexicographical corpus, the Corpus of Ukrainian Acts of Law, which is compiled according to the requirements to corpus resources, is analyzed. The presented information enables to define the main principles of compiling corpus dictionaries as the dictionaries of a new type.

KEYWORDS: text corpus, corpus lexicography, lexicographical corpus, features of corpus, corpus dictionary.

Tatjana Bobkova

Kijevo nacionalinis lingvistikos universitetas, Ukraina

Moksliniai interesai: taikomoji lingvistika, tekstynų lingvistika, tekstynų leksikografija, sintaksė.

LEKSIKOGRAFINIS TEKSTYNAS – NAUJO TIPO ŽODYNŲ PAGRINDAS**Santrauka**

Straipsnyje apžvelgiamos galimybės naudoti leksikografinius tekstynus naujo tipo žodynams sudaryti. Tekstynų leksikografija – tai tekstynų pagrindų kuriamų žodynų sudarymo teorija ir praktika, kurios pagrindas laisva prieiga prie teksto išteklių, tekstynų kūrimo metodų ir žodžių junginių kaip prasminių vienetų identifikavimas. Tekstynų leksikografija kuriama technologinių pokyčių ir tekstynų metodologijos pagrindu. Pagrindinės šios srities sąvokos – leksikografinis tekstynas ir žodžių junginiai. Apibrėžimų apžvalga leidžia daryti prielaidą, kad leksikografiniu tekstynu galima vadinti elektroninius išteklius, naudojamus kaip informacijos šaltinį ir įrankį žodynui kurti. Viena iš pagrindinių leksikografinio tekstyno savybių jo praktinis pritaikomumas. Straipsnyje aptariami dabartiniai ukrainiečių kalbos tekstynai ir jų pritaikymo galimybės. Ištyrus ukrainiečių kalbos tekstynus, buvo nustatytos kelios tendencijos: tekstynų naudojimas moksliniams tyrimams ir mokymui, bei leksikografinių tekstynų kūrimui. Straipsnyje analizuojamas Teisnių tekstų tekstynas, atitinkantis pagrindinius tokio tipo tekstynų kūrimo principus. Tyrimo metu gautos išvados leidžia teigti, kad tekstynų pagrindu kuriami naujo tipo žodynai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: tekstynas, tekstynų leksikografija, leksikografinis tekstynas, tekstyno bruožai, tekstyno pagrindu sudarytas žodynas.

Aurelija Daukšaitė

Vytautas Magnus University

K. Donelaičio st. 52-603 Kaunas, Lithuania

E-mail: a.dauksaite@uki.vdu.lt

Research interests: trauma theory and literature, discourse analysis, methodology of teaching English

REPRESENTATION OF TRAUMA: MISSION (IM)POSSIBLE?

Trauma theory relies on an assumption (which stems from Freud's studies) that trauma is experienced not at the time of a particular traumatic event but later through haunting memories, dreams, nightmares, and behaviour (that reveals traumatic experience). Because of this latency, it is impossible to achieve full knowledge of trauma, understand trauma and tell about it. The impossibility to understand and tell about traumatic experience is one of the most important problems in trauma discourse in various fields, including literary studies.

However, many works of fiction (and non-fiction) have been written about various traumatic experiences. So how can fiction tell about trauma if it is seen as the one that is impossible to tell about and represent? Writers use various strategies of text and narrative creation in order to imitate traumatic symptoms and thus represent trauma and its effects. They rely on such strategies (some of which can be seen as modern or postmodern) as fragmentariness, particular (repetitive) imagery, repetition (of grammatical patterns or sentences), gaps in text layout and content, nonlinear narrative structure, metaphors and others that help to represent trauma. On the other hand, Jean-François Lyotard's idea that "put[ting] forward the unrepresentable in presentation [...] impart[s] a stronger sense of the unrepresentable" (Lyotard 1993: 46) is also interesting. Thus, do the mentioned strategies represent trauma or strengthen the sense of unrepresentability?

KEY WORDS: trauma, representation, unrepresentability, trauma theory, trauma fiction.

Introduction

Trauma fiction usually depicts dramatic, terrifying or historically significant events to which a particular writer tries to attract his/her readers' attention or attention of the whole society, community or country. To be more precise, writers of trauma fiction intend to emphasise not only the importance of certain events, whether they are historical or not, but also their effect on people's

psyche, the importance of traumatic experience, indifference of the society toward a particular sensitive and/or traumatic issue, whether it is related to personal or collective experience, identity changes caused by trauma, understanding of the self, etc. These and other important topics do not leave their readers indifferent. What is more, “[s]ince writing is an act of remembrance, when the past has been especially marginalized and marked by oppressive forces, then the literary discourse turns into a source of restoration and regeneration” (Vega-Gonzalez 2004: 7). This is what trauma fiction (and non-fiction) often aims at as well. However, how can trauma be represented in literary works when it is assumed to be unrepresentable? It is the question that this article intends to discuss by relying on literary criticism and trauma studies.

Text and Trauma

Susana Vega-Gonzalez notes that the “passing on of the dead’s forgotten stories, giving them a voice in the novel’s discourse, is the only hope for eternity and remembrance” (Vega-Gonzalez 2004: 17). This is what trauma literature, which includes fiction and non-fiction, aims at, especially when historical events are concerned. A similar idea is expressed by Laurie Vickroy who thinks that “[t]rauma texts are a kind of testimonial literary history, a means of recovering cultural memories and traditions of groups often neglected or suppressed by mainstream culture” (Vickroy 2002: 172). Vickroy continues this idea by stating that “[t]estimonial literature (‘testimonio’) has been particularly effective for politically or socially marginalized people who have not traditionally had access to public discourse,” but such literature has also “had a huge impact on twentieth-century culture in preserving personal recollections of collective catastrophes” that usually concern “the individual as representative of a social class or group” (Vickroy 2002: 5, 172). Testimonial literature is literature that is usually written by those who have experienced traumatic situations and through writing tell about them. As a result, memoirs and autobiographies are genres of such literature (Vickroy 2002: 5, 9) and now often serve not only as sources about the past but also as an inspiration for contemporary writers of trauma fiction who write about (historical) traumas they have not experienced themselves.

Cristina Demaria and Macdonald Daly, in their “Introduction: The Genres of Post-Conflict Testimonies,” describe “*testimony* as a particular practice of representation” (Demaria and Daly 2009: 7, italics in original). At the same time, according to them, “it is [...] necessary to locate testimony in both broader (interdisciplinary) and more specific contexts and particular case-studies, to study and document various forms of memory of conflicts and trauma, taking into account the range of discourse types and genres of such forms: memories, visual texts, legal case materials,

political and historical discourses” (Demaria and Daly 2009: 10). In other words, the understanding of testimonies requires knowledge of and insights from other texts from various fields of study. Demaria and Daly explain that

All this is in order to investigate the construction of identities of the enemy and the self, the victim and the perpetrator, the representation of social trauma, its contextualized nature and its historical, social, economic, ethnic, religious and gendered roots. Indeed, [...] testimonies pose different problems, different questions determining and determined of course by their genres, but also by political values assigned to what becomes a testimony, by whom and from which point of view such process of labelling occurs, itself determined by the changing world of literary, social, cultural, psychological, and psychiatric theories. (Demaria and Daly 2009: 10)

It is also important to note that new textual forms and genres, for instance, “‘autofiction’, [...] ‘autography’, ‘confession’ or ‘remembrance’,” have emerged in addition to “various kinds of texts such as novels, autobiographies, pseudo-autobiographies, collections of testimonies and life stories, historical essays in fictional format, fiction in historical format, and their different mixing and intertwining” (Demaria and Daly 2009: 11, 16). Demaria and Daly put all of these texts under the umbrella term of “memory literature” that they see as a macro-genre (Demaria and Daly 2009: 16). Some others call it “trauma literature,” since memory and trauma are probably impossible to separate. Similarly, some consider trauma and memory studies to be different while others see them as one field of study because they borrow and use each other’s concepts and ideas.

According to Vickroy, over the past twenty years a lot of fictional works on traumatic experience have been written (Vickroy 2002: 2). Many of them are based on “the Holocaust, Vietnam, and incest, as well as postcolonial analyses of the psychic costs of colonization and racism” (Vickroy 2002: 2). Vickroy identifies the main and the most important contemporary writers that write on trauma. They are Toni Morrison, Marguerite Duras, Larry Heinemann, Jamaica Kincaid, Pat Barker, Dorothy Allison, and Edwidge Danticat (Vickroy 2002: 2). However, it is necessary to emphasise that more and more writers write about different traumatic experiences. Thus, Vickroy distinguishes four main functions of such trauma narratives: 1) to “attest to the frequency of trauma and its importance as a multicontextual social issue, as it is a consequence of political ideologies, colonization, war, domestic violence, poverty and so forth”; 2) to “raise questions about how we deal with loss and fragmentation of our lives”; 3) to present “the dilemmas experienced by characters in such narratives [and] confront [...] [ourselves] with many of our own

fears – of death, dissolution, of loss, of loss of control – and provide a potential space within which to consider these fears”; 4) to “elucidate the dilemma of the public’s relationship to the traumatized, [which has been] made problematic by victims’ painful experiences and psychic defences that can alienate others” (Vickroy 2002: 2). Trauma narratives also become a means of transmission of past traumatic experience and help to inform the audience. Therefore, visual material has also gained importance as a means of remembering trauma and representing it. For instance, illustrations and even “photography becomes the ground on which to build collective remembering amongst those who did not live through or witness trauma” (Demaria and Daly 2009: 12). As a result, the means of representation of trauma employed by writers probably depend on the aims of particular trauma narratives.

Dolores Herrero and Sonia Baelo-Allue discuss the relationship between trauma fiction and postcolonial fiction that is also relevant. They argue that

Although literary criticism may run the risk of homogenizing trauma, especially when applying trauma theory to a postcolonial context, it is undeniable that it can shed light on the interpretation of postcolonial traumatic fiction. After all, trauma fiction and postcolonial fiction are, more than not, closely related. [...] Trauma fiction has made use of experimental forms often used in some postcolonial narratives as a vehicle for communicating the unreality of trauma, while remaining faithful to the facts of history. (Herrero and Baelo-Allue 2011: xv)

They add that insights from other, non-literary, disciplines are also necessary “in the study of the aesthetic representation of trauma” (Herrero and Baelo-Allue 2011: xiv). Therefore, it seems that trauma theory, which started developing in the 1980s, is the interdisciplinary approach that Herrero and Baelo-Allue speak of, since the theory is a fusion of insights from various disciplines and is of great relevance to the analysis of trauma narratives of various genres and periods. Trauma studies started in areas directly unrelated to literature, overcame various crises related to the definition of trauma and started involving more and more different areas of research. Literary criticism developed in a similar way. According to Paul de Man, it faced a crisis in the 20th century when at first the main source of literary criticism was philosophy that was later changed by social sciences (such as sociology, anthropology, and psychoanalysis) till it was started to see literature as the main source of knowledge although de Man writes that such expansion of literary studies was long overdue and should be seen only as a rivalry of various disciplines, since even in the 19th century, there had been an attempt to relate social sciences and literary studies (de Man 1983: 3-5, 18-19).

Nevertheless, whether something is a crisis or not depends on the point of view, but what *is* seen as a crisis is described (in speech and writing) using the language of crisis, thus, the act of writing itself can also be seen as a crisis (de Man 1983: 6-7, italics mine). In the context of any crisis, it is often difficult to express what one intends to say not only in daily language but also in that of fiction and non-fiction (de Man 1983: 11-12, 17). Trauma is also a crisis; consequently, its language and writing become important to the extent that crossing of the boundary between trauma and its assumed impossible representation takes place through them.

Trauma: Language and Writing

Trauma theory relies on an assumption (which stems from Freud's studies) that trauma is experienced not at the time of a particular traumatic event but later through haunting memories, dreams, nightmares, and behaviour (that reveals traumatic experience). Thus, to understand traumatic experience is impossible because it is impossible to achieve full knowledge of trauma and tell about it. This impossibility to understand and tell about traumatic experience is one of the most important problems in trauma discourse in various fields, including literary studies, but, as discussed above, many works of fiction and non-fiction of various genres have been written on traumatic experience. How then is it possible to write about trauma when trauma resists representation? Gabriele Schwab answers this question by stating that there is a "need [of] a theory of traumatic narrative that deals with the paradox of telling what cannot be told or what has been silenced" (Schwab 2010: 48). However, she does not provide such a theory but claims that "[l]iterary writings of traumatic history often resort to experimental uses of language in order to approximate trauma through the tracing of its effects and inscription in mind, body, and language" (Schwab 2010: 29-31). In *Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma*, published in 2010, the literary critic "analyze[s] how literary texts and memoirs break through silences and trauma's attack on language to reintegrate conflicted histories into a communal and political space" (Schwab 2010: 32). In fact, Schwab notes that "an abundance of literature of witnessing, testimonials, and memoirs" has been produced in order to fight silence (Schwab 2010: 48), since "creative and integrative writing of trauma [...] comes with working through an event" (Schwab 2010: 25-26). Dominick LaCapra, a historian, mentions two very important concepts related to trauma – "acting out" and "working through" (Berger 1997: 576-577). Baelo-Allue states that "LaCapra has taken these two concepts from Freud and psychoanalysis and developed them in the context of trauma and historical studies" (Baelo-Allue 2012: 70). That is, literature might be seen as a site of symptomatic acting out and working through (Berger 1997: 576-577). Baelo-Allue

describes “acting out” as “the tendency to relive the past through flashbacks, nightmares, compulsively repeated words and images,” whereas working through as “the process by which the person tries to gain critical distance from the trauma, becomes able to distinguish between past, present and future and assume responsibility” (LaCapra 2001: 141-53; cited in Baelo-Allue 2012: 70). Both of them are employed as narrative strategies in texts on trauma.

However, trauma is often described as the one that is never over and is known for its constant return. Because of its return, trauma has a haunting effect and reminds about itself. Schwab thinks that not only trauma but also language that is used to speak about it is haunted:

Language itself becomes haunted, and haunted language uses a gap inside speech to point to silenced history. Haunted language refers to what is unspeakable through ellipsis, indirection and detour, or fragmentation and deformation. A whole range of rhetorical figures may be mobilized to perform the work of crypts in language: metaphor, metonymy, homophony, homonymy, puns, semantic ambiguities, malapropisms, anagrams, and rebus and similar figures that all combine concealment and revelation. This is not to say that the use of these rhetorical figures is always in the service of a crypt but rather that they lend themselves for linguistic encryptment because of their ability to conceal yet retain a revealing trace. (Schwab 2010: 54)

The mentioned concept of crypt is described by psychoanalyst Nicolas Abraham who imagines experiences of painful events as buried in a metaphorical grave – crypt (Schwab 2010: 1). Abraham and another psychoanalyst Maria Torok “have developed the idea – obviously also metaphoric, and connected with the semantic chain of burial and excavation – of the crypt as the psychic container of the unspoken secret” (King 2003: 15). Nicola King states that “it is impossible to imagine or formulate [traumatic] memory and its operations without the use of metaphor” (King 2003: 25), so it has been a common means of speaking about trauma for a long time. In his works of the 1980s, Freud used the “archaeological analogy” which is basically a “technique of excavating a buried city” (King 2003: 12). Freud’s digging metaphor (King 2003: 13) explains how (traumatic) memory works: we dig out the buried past and find images, fragments and other pieces of the past but not the full past. Another popular metaphor is the “finding of keys to open the locked doors of memory [that] suggest[s] the act of remembering as the uncovering of a *secret*” (King 2003: 15; italics in original). There also used to be a belief that one’s life events are as if recorded and thus available for recovery at all times, but various research suggests that memory cannot be compared to a video-

recorder or a storehouse because it does not work like that (King 2003: 14-15, 25). Contemporary writers invent new metaphors in order to speak about traumatic experience and memory as well.

According to Ihab Hassan, writers have a task to “encompass the reality of our time,” but they face the pressure of what is unspeakable (and thus unrepresentable) that “threatens always to disrupt our discourse even as we try to give it [...] shape” (Hassan 1980: 122). Julia Kristeva questions what unrepresentability is and answers her own question by saying that it is something that is impossible to say in any language because the meaning to be conveyed is too horrible and unthinkable (Kristeva 1980: 141). That is why she calls writing an “experience of limits” (Kristeva 1980: 137). To define this term she uses Georges Batailles’ explanation that language as a communicative system is limited (Kristeva 1980: 137). In other words, although language is our main medium of communication, its capacity to communicate is actually limited (Luckhurst 2010: 13). Therefore, it is difficult to speak about something that becomes the unspeakable not only because of particular crushing experience that resists representation but also because of the language that we use to describe it. Donald P. Spence claims that “memory can probably never be completely realised by language” (Spence 1982: 28; cited in King 2003: 17), but memories are nevertheless transcribed into language. Writing (written language), thus, is practical knowledge about specific experience in one’s imagination that is always imitated and mimicked (Kristeva 1980: 140). Jean-François Lyotard relates unrepresentability to postmodernism, since, according to him, the “postmodern would be that which [...] puts forward the unrepresentable in presentation itself; [...] that which reaches for new presentations, not in order to enjoy them but in order to impart a stronger sense of the unrepresentable” (Lyotard 1993: 46). Consequently, some (post)modern literary techniques should also be characteristic to trauma narratives.

The present article, however, does not argue that various techniques used in order to represent trauma strengthen the sense of the unrepresentable although it would be possible to question to what extent they help to represent trauma accurately. According to Herrero and Baelo-Allue, “[t]rauma fiction has made use of experimental forms” and “images to capture the horror of the traumatic experience without simplifying it” and communicate trauma as such (Herrero and Baelo-Allue 2011: xv; Baelo-Allue 2012: 66). These “literary techniques tend to recur in trauma narratives mirror, at a formal level, the effects of trauma and include [...] repetition and fragmentation” (Baelo-Allue 2012: 69). The former one (repetition) often concerns “language, imagery or plot” (Whitehead 2011: 86). “[S]ince traumatised individuals are possessed by images” (Baelo-Allue 2012: 71-72), which constantly remind about the traumatic event, and “obsessed with

[...] associations that can be linked to trauma” (Vickroy 2002: 31), literary works employ particular imagery that serves as a reminder of trauma. Walter Benjamin claims that memory, not only about traumatic experience but in general, consists of images but “they can only be reconstructed within the language that is always inevitably a translation or interpretation” (King 2003: 14). Anne Whitehead, meanwhile, states that “[r]epetition mimics the effects of trauma, for it suggests the insistent return of the [traumatic] event and the disruption of narrative chronology or progression” (Whitehead 2011: 86). Thus, the past never stays in the past but rather comes back to the present. This is the case with trauma that is said to be impossible to overcome due to its return; therefore, one has to learn to live with it. However, in trauma narratives repetition may also “act as a form of binding, which allows the reader to connect one textual moment to another in terms of similarity or substitution and so make sense of the narrative” (Whitehead 2011: 125). Here it is important to mention fragmentation (fragmentary memories and/or fragmentary narratives) that is also a common technique used in trauma fiction (Arizti 2011: 178). As Barbara Arizti puts it, fragmentary memories “generate a tension between remembering and forgetting” (Arizti 2011: 178), since, on the one hand, the traumatised want to forget their traumatic experience, but then it makes it difficult to tell about it. The difficulty to tell is also caused by the nature of this experience that is difficult to put into words. Consequently, textual fragmentation imitates these issues in works of literature. Vickroy mentions the following textual strategies that are often used in texts on trauma and are very much related to those that have already been discussed: “breaks in linear time, shifting viewpoints” and “textual gaps (both in the page layout and content)” (Vickroy 2002: 29). Esther Sanchez-Pardo emphasises that “[f]rom a textual and narratological perspective, it is important to analyse gaps in texts to compare what is silenced to what is stated in any specific text” (Sanchez-Pardo 2010: 39). That is, what is not said may be more important than what is said. Moreover, since it is difficult to remember and tell about trauma, incoherence is a common feature of trauma narratives although many writers get into “the representational trap of putting forth a coherent narrative in order to express a fundamentally incoherent” (Sanchez-Pardo 2010: 45-46) phenomenon of trauma. Many of the discussed strategies are employed in literary works on trauma because they are the actual features of traumatic memory that are turned into literary techniques (Baello-Allue 2012:77).

Conclusion

Although it is usually thought that trauma consists of a traumatic event and its consequences, trauma is not as a single event but rather a process, since it is not experienced at the time of the traumatic event but later through haunting memories, dreams, nightmares that are related to the

traumatic event, and particular behaviour that reveals traumatic experience. Due to this belatedness of trauma, it is assumed that it is impossible to understand and tell about traumatic experience, which makes it one of the most important problems in trauma discourse in various fields and, of course, in literary studies.

On the other hand, many works of fiction have been created about various traumatic experiences. Writers of these works try to solve the difficult problem of trauma representation with the help of various strategies in order to imitate traumatic symptoms and thus represent trauma and its effects. Such techniques as fragmentation, particular (repetitive) imagery, repetition, gaps in text layout and content, nonlinear narrative structure, the use of metaphors and others have been briefly discussed. However, as mentioned above, these techniques only imitate trauma. Thus, representation of trauma becomes possible only through its imitation. At the same time, it is important to point out that these imitation strategies do not seem to strengthen the unrepresentability of trauma suggested by Lyotard, but they do not grant accurate representation of trauma either, because language (written and spoken) as such is not an ideal means of representation. However, is there a more successful means?

References

- ARIZTI, B., 2011. Personal Trauma/Historical Trauma in Tim Winton's *Dirt Music*. In: D.HERRERO and S. BAELO-ALLUE, eds. *The Splintered Glass: Facets of Trauma in the Post-Colony and Beyond*. Amsterdam and New York: Rodopi, pp. 175-189.
- BAELO-ALLUE, S., 2012. 9/11 and the Psychic Trauma Novel: Don DeLillo's *Falling Man*. *Atlantis: Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 34(1), pp. 63-79. Available at: http://www.academia.edu/1616069/9_11_and_the_Psychic_Trauma_Novel_Don_DeLillos_Falling_Man [Accessed 06 August 2014].
- BERGER, J., 1997. Trauma and Literary Theory. *Contemporary Literature*, 38(3), pp. 569-582. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1208980> [Accessed 06 August 2014].
- DE MAN, P., 1983. Criticism and Crisis. In: *Blindness and Insight*. 2nd ed. Minneapolis: University of Minneapolis Press, pp. 3-19.
- DEMARIA, C., and M. DALY, 2009. Introduction: The Genres of Post-Conflict Testimonies. In: C. DEMARIA AND M. DALY, eds. *The Genres of Post-Conflict Testimonies*. Nottingham: Critical, Cultural and Communications Press, pp. 7-23. Available at: <http://www.new->

- ventures.net/PDF/Preview/The%20Genres%20of%20Post-Conflict%20Testimonies.pdf [Accessed 06 August 2014].
- HASSAN, I., 1980. The Question of Postmodernism. In: H. R. GARVIN, ed. *Romanticism, Modernism, Postmodernism*. London and Toronto: Associated University Presses, pp. 117-126.
- HERRERO, D., and S. BAELO-ALLUE, 2011. Introduction. In: D. HERRERO and S. BAELO-ALLUE, eds. *The Splintered Glass: Facets of Trauma in the Post-Colony and Beyond*. Amsterdam and New York: Rodopi, pp. ix-xxvi.
- KING, N., 2003. Memory in Theory. In: *Memory, Narrative, Identity: Remembering the Self*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 9-32.
- KRISTEVA, J., 1980. Postmodernism? In: H. R. GARVIN, ed. *Romanticism, Modernism, Postmodernism*. London and Toronto: Associated University Presses, pp. 136-141.
- LOPEZ SANCHEZ, G., 2010. 'Mind the Gap': Powers of Horror and Trauma in Ali Smith's *Hotel World*. *Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 32.2, pp. 43-56. <http://www.atlantisjournal.org/ARCHIVE/32.2/2010LopezSanchez.pdf> [Accessed 06 August 2014].
- LUCKHURST, R., 2010. Beyond Trauma: Torturous Times. *European Journal of English Studies*, 14(1), pp. 11-21. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/13825571003588427> [Accessed 12 November 2013].
- LYOTARD, J.-F., 1993. Answering the Question: What Is Postmodernism? In: T. DOCHERTY, ed. *Postmodernism: A Reader*. New York: Columbia University Press, pp. 38-46.
- SANCHEZ-PARDO, E., 2010. Who Will Carry the Word? The Threshold between Unspeakability and Silence in the Holocaust Narratives of Charlotte Delbo and Jorge Semprum. *European Journal of English Studies*, 14(1), pp. 37-48. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/13825571003588429> [Accessed 12 November 2013].
- SCHWAB, G., 2010. *Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma*. New York: Columbia University Press.
- VEGA-GONZALEZ, S., 2004. Sites of Memory, Sites of Mourning and History: Danticat's Insights into the Past. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 17, pp. 6-24. Available at: http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/1249/1/RAEI_17_18.pdf [Accessed 06 August 2014].
- VICKROY, L., 2002. *Trauma and Survival in Contemporary Fiction*. Charlottesville and London, University of Virginia Press.
- WHITEHEAD, A., 2011. *Trauma Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Aurelija Daukšaitė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: trauma theory and literature, discourse analysis, methodology of teaching English

REPRESENTATION OF TRAUMA: MISSION (IM)POSSIBLE?

Summary

Trauma theory relies on an assumption (which stems from Freud's studies) that trauma is experienced not at the time of a particular traumatic event but later through haunting memories, dreams, nightmares, and behaviour (that reveals traumatic experience). Because of this latency, it is impossible to achieve full knowledge of trauma, understand trauma and tell about it. The impossibility to understand and tell about traumatic experience is one of the most important problems in trauma discourse in various fields, including literary studies.

However, many works of fiction (and non-fiction) have been written about various traumatic experiences. So how can fiction tell about trauma if it is seen as the one that is impossible to tell about and represent? Writers use various strategies of text and narrative creation in order to imitate traumatic symptoms and thus represent trauma and its effects. They rely on such strategies (some of which can be seen as modern or postmodern) as fragmentariness, particular (repetitive) imagery, repetition (of grammatical patterns or sentences), gaps in text layout and content, nonlinear narrative structure, metaphors and others that help to represent trauma. On the other hand, Jean-François Lyotard's idea that "put[ting] forward the unrepresentable in presentation [...] impart[s] a stronger sense of the unrepresentable" (Lyotard 1993: 46) is also interesting. Thus, do the mentioned strategies represent trauma or strengthen the sense of unrepresentability?

KEY WORDS: trauma, representation, unrepresentability, trauma theory, trauma fiction.

Aurelija Daukšaitė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: traumos teorija ir literatūra, diskurso analizė, anglų kalbos dėstymo metodologija

TRAUMOS REPREZENTACIJA: MISIJA (NE)ĮMANOMA?**Santrauka**

Traumos teorija paremta prielaida (kilusia iš Froido studijų), kad trauma patiriama ne trauminio įvykio metu, o vėliau (pavėluotai) per persekiojančius prisiminimus, sapnus, košmarus ir tam tikrą elgesį, kuris atskleidžia trauminę patirtį. Teigiama, kad neįmanoma suprasti trauminės patirties ir apie ją papasakoti, nes ji priešinasi reprezentacijai. Taigi neįmanomas traumos supratimas ir pasakojimas apie ją yra viena svarbiausių problemų traumos diskurse įvairiose mokslo srityse, o taip pat ir literatūros studijose.

Kita vertus, sukurta daug grožinės (ir negrožinės) literatūros kūrinių apie įvairias traumines patirtis. Todėl kyla klausimas, kaip gali grožinė literatūra pasakoti apie trauminę patirtį jeigu neįmanoma jos reprezentuoti? Rašytojai pasitelkia įvairias pasakojimo strategijas (kai kurios iš jų gali būti priskiriamos modernizmui ar postmodernizmui), kad imituotų traumos simptomus bei poveikį ir taip ją reprezentuotų. Naudojamos tokios priemonės kaip fragmentiškumas, tam tikri (pasikartojantys) įvaizdžiai, praleidimai teksto turinyje ir išdėstyme, metaforos ir kitos. Tačiau Jean-François Lyotard mintis, kad neįmanomo reprezentacija tik sustiprina neįmanomos reprezentacijos pojūtį (Lyotard 1993: 46), taip pat įdomi. Taigi, minėtos pasakojimo strategijos padeda reprezentuoti traumą ar vis dėlto sustiprina traumos reprezentacijos neįmanomumą? Straipsnyje daroma išvada, kad šios strategijos padeda reprezentuoti traumą, nors ir negarantuoja tikslios reprezentacijos, bet taip yra labiau dėl kalbos, kaip priemonės perteikti traumą, netobulumo, negu dėl neįmanonumo pasakoti apie traumą apskritai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: trauma, traumos reprezentacija, traumos teorija, grožinė traumos literatūra.

Йовита Даукишите

Universitetas Vytautas Magnus

Donelaičio g. 60, 44 191 Kaunas, Lietuva

Тел. 8 616 8 7375

E-mail: j.dauksyte@hmf.vdu.lt

Область научных интересов автора: лингвокультурологический аспект и дидактические инновации при обучении иностранным языкам

ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Цель данной статьи - проанализировать процесс оценивания языковых компетенций, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом на примере русского языка как иностранного (РКИ). Актуальность оценивания и признания достижений (компетенций), приобретенных в результате неформального и самопроизвольного обучения, а также проблемы методик оценивания и признания достижений, обсуждаются в разных международных документах по просвещению и политических документах. Цель оценивания такого характера заключается в том, чтобы установить, может ли приобретенная компетенция быть оценена по системе кредитования формальных учреждений. Основанная цель оценивания приобретенных компетенций в процессе неформального и самопроизвольного обучения заключается в том, чтобы инициировать перенос компетенций на разные уровни системы образования, а также внутри нее. Оценивание компетенций, знаний, навыков и достижений, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом, является важным аспектом при включении человека в процесс непрерывного обучения через всю жизнь. Обучающийся является заинтересованным лицом, т.к. при формализации определенных навыков, знаний и компетенций сокращается продолжительность обучения в формальных учебных учреждениях, а также уменьшается стоимость обучения. Процесс самооценки и самоанализа достижений стимулирует развитие метакогнитивных компетенций, т.е. стимулирует развитие критического мышления, способствует развитию навыков рефлексии и анализа достижений жизненного опыта. В свою очередь, данные навыки способствуют развитию чувства ответственности и осознанию ценности личности. Впоследствии вышеназванные навыки станут гарантом успеха на рынке в условиях конкуренции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неформальное, самопроизвольное обучение, обучение через всю жизнь, языковая компетенция.

В ситуации глобального восприятия мира и окружающей действительности явно меняются требования к системе просвещения ввиду того, что общеобразовательные программы, основанные на неоспоримых фактах и конкретных знаниях, а так же на их заучивании, становятся малоценными. Более важными становятся способности мышления, которые дают следующие возможности: отказаться слепо верить в авторитеты; анализировать информацию; искать и обосновывать свои личные выводы, основываясь на различных источниках информации; самому решать, во что верить, а во что не верить; аргументировано отстаивать свою позицию. Очень быстрый рост количества информации и знаний, вызывает потребность критического мышления как средства, способствующего помочь осознать предлагаемые возможности, уметь выбирать и предвидеть возможные последствия. «Информированность общества о научных достижениях, технологиях и инновациях должна повышаться на всех уровнях и во всех возрастных группах, но, тем не менее, надо заметить, что процесс обучения человека не успевает за динамическими изменениями, происходящими в мире» (Baltoji knyga 2000: 15).

Термин *образование через всю жизнь* применим ко всем, не зависит от возраста и от положения на рабочем рынке. Само понятие вмещает в себя все виды образования с раннего детства до просвещения людей пенсионного возраста в свободное время. Образование, полученное в молодости, далеко не отвечает требованиям всей жизни. В докладе комиссии Просвещения *UNESCO «Learning: The Treasure Within»* (Обучение – это богатство) утверждается, что традиционное распределение всего жизненного периода и его соотношение с обучением (детство и юность связаны с периодом обучения, взрослый период связан с работой, пенсионный период связан с заслуженным отдыхом) не соответствуют требованиям современной жизни, а тем более не отвечают будущим вызовам. Традиционное разделение между первоначальным образованием и непрерывным образованием также требует пересмотра. Существует утверждение, что непрерывное образование неотделимо от модернизированного общества, но оно не должно акцентироваться как характерное для определенного жизненного периода. Цели и формы просвещения столь разнообразны, что создаются условия для приобретения необходимых знаний с детского возраста до старости. При рассмотрении

процесса непрерывного образования выделяются три основных параметра обучения: *Формальное обучение* проходит в научных и просветительских учреждениях. Процесс обучения целенаправленный, обдуманый, с фиксированной продолжительностью и расписанием, с иерархической системой оценивания. Обучающиеся получают признанные государством дипломы. *Неформальное обучение* проходит параллельно с основными системами обучения и просвещения. Этот процесс также довольно организованный и обдуманый. Общее с формальным обучением заключается в том, что это обучение ограничено зависимостью от обучающего учреждения. Оно часто связано с повышением квалификации. Неформальное обучение может проводиться на рабочих местах, им могут заниматься общественные организации и группы, а также организации, учрежденные для пополнения формальной системы (занятия по музыке, спорту, художественные кружки и т.д.). Признанные государством документы не выдаются. *Самопроизвольное обучение* – это естественное, происходящее ежедневно обучение. В противоположность двум названным выше типам обучения, самопроизвольное обучение не бывает заранее обдуманным, оно менее организовано и структурировано. Оно может стимулироваться жизненными или семейными обстоятельствами, внешними условиями, поэтому его могут не признавать даже сами индивиды, пополняющие свои знания и набор навыков (*Learning: The Treasure Within*: 1996).

Очевидно, что на многие аспекты неформального и самопроизвольного обучения сильное влияние оказывают требования формального обучения. На содержание процесса обучения, на время и на сам процесс обучения оказывают влияние изменения процесса оценивания, планирование процесса обучения. Учителя и преподаватели обязаны четко формулировать цели обучения, соответствующие тем целям, которые выдвигает учебное учреждение и государство для того, чтобы результаты процесса обучения были хорошо видны и их можно было бы измерить.

Актуальность оценивания и признания достижений (компетенций), приобретенных в результате неформального и самопроизвольного обучения, а также проблематика методик оценивания и признания достижений, обсуждаются в различных международных документах по просвещению и политических документах (Европейская стратегия занятости, 1977; Болонская конвенция, 1999; Лиссабонская конвенция, 2000; Меморандум образования через всю жизнь, 2001). Оценивание компетенций – это системный процесс, в результате которого признается обучение за пределами стен формальных учреждений обучения. Это обучение через

приобретенный на рабочих местах опыт, повышение квалификации на рабочих местах, подготовительные курсы в частных учреждениях, семинары, самостоятельное обучение, обучение в ходе выполнения самостоятельных работ и активной деятельности в различных сообществах. Цель такого оценивания заключается в том, чтобы установить, может ли приобретенная компетенция быть оценена по системе кредитования формальных учреждений. Проводится сравнительный анализ приобретенных компетенций в процессе неформального и самопроизвольного обучения со стандартами – компетенциями, которые приобретаются в процессе формального обучения и оговорены в учебных программах, а также в программах преподаваемых предметов. Основная цель оценивания приобретенных компетенций в процессе неформального и самопроизвольного обучения заключается в том, чтобы инициировать перенос компетенций на разные уровни системы образования, а также в систему образования. Перед учебными учреждениями ставится цель перенесения приобретенных компетенций в саму систему образования, т.е. между общеобразовательным уровнем, профессиональной подготовкой и высшим образованием. На данный момент, к сожалению, можно констатировать, что трудно найти общий язык даже учреждениям одного уровня (M.Tereševičienė, 2006: 30).

Цель данной статьи – проанализировать процесс оценивания и кредитования языковых компетенций, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом, на примере русского языка как иностранного (РКИ).

Когда речь идет о неформальном и самопроизвольном обучении, а также о приобретенных компетенциях в процессе такого обучения, чаще всего имеются в виду люди взрослые, имеющие за плечами определенный жизненный и трудовой опыт. Они включаются в процесс так называемого образования через всю жизнь, и, поступая в высшие учебные заведения в связи с переквалификацией или на заочные отделения, сталкиваются с проблемой признания имеющихся, т.е. приобретенных в процессе неформального и самопроизвольного обучения компетенций, а также имеющегося жизненного опыта. Что же касается случая с приобретенными языковыми компетенциями, то это могут быть и дети школьного возраста, и студенты. К какой бы возрастной группе не относилась эта люди, индивид для признания имеющихся у него компетенций и навыков должен их осознать и выявить рефлексивно, т.е. он должен анализировать и рефлексировать свой жизненный опыт и обучение, провести самоанализ – т.е. обладать метакогнитивной компетенцией.

Один из ведущих теоретиков обучения взрослых через приобретенный опыт Д.А.Колб утверждает, что «обучение – это процесс трансформации приобретенного опыта, в котором и создаются знания». Он представил модель процесса обучения через приобретенный опыт (Peter Jarvis 2005: 55). Данную модель принято называть «Круг Колба». Автор утверждает, что обучение через приобретенный опыт – это новый взгляд на традиционное обучение взрослых. Если обучающиеся желают добиться эффекта в процессе обучения, они должны обладать четырьмя типами способностей: конкретным опытом; рефлексивным наблюдением; абстрактной концептуализацией; активным экспериментированием. Обучающиеся должны уметь обдумывать и рассматривать свой опыт с разных сторон, уметь формулировать понятия и концепции, которые интегрировали бы их наблюдения в сознательные теории, в свою очередь, обучающиеся должны уметь применять эти теории, пользоваться ими при решении проблем. Модель Колба наглядно показывает возможность рефлексии индивидом не только имеющегося опыта, но и приобретенных в процессе неформального и самопроизвольного обучения компетенций. Эти навыки важны в процессе оценивания и кредитования выявленных компетенций, при переносе их на другие уровни формального обучения.

Процесс оценивания языковых компетенций, приобретенных в результате неформального или самопроизвольного обучения можно распределить на два этапа.

Первый этап – формирование *Портфолио* (папки достижений) человека, включившегося в процесс формального обучения, желающего выявить и оценить (измерить) языковые компетенции, приобретенные в процессе неформального или самопроизвольного обучения.

Второй этап – процесс оценивания и кредитования приобретенных языковых компетенций при неформальном или самопроизвольном обучении.

Исторически *Портфолио* (папка достижений) как метод оценки процесса обучения не является новым. Его концепция перенята из оценки достижений в области изобразительного искусства. Известно, что художники пользовались *Портфолио* при попытках поступить в Академию искусств или при поиске заказов. В *Портфолио* собирались лучшие работы, которые представлялись компетентной комиссии – т.е. *Портфолио* иллюстрировал глубину и масштабы мышления художника, его круг интересов и способности.

В Западной Европе *Портфолио* в новом контексте функционирования системы образования через всю жизнь является новаторским методом, особенно распространенным во Франции, Великобритании. Но его роль все более расширяется, т.к. оно не только раскрывает

этапы процесса обучения или демонстрирует личные достижения, но становится инструментом трансформации парадигмы образования и тем самым отвечает новым вызовам общества знаний.

Портфолио как метод представления достижений процесса обучения может быть применим как формирующий инструмент оценивания и как суммирующий инструмент оценивания. Формирование *Портфолио* может быть двояким: в одном случае больше внимания уделяется процессу обучения личности, в другом случае – больше внимания уделяется результатам обучения.

Структурирование *Портфолио* может быть разными способами, что зависит от поставленных целей и задач. Например, он может иметь следующие структурные части: 1- титульный лист, на котором указана фамилия, имя, адрес; 2- титульный лист, на котором - содержание *Портфолио*; 3 - биографические данные, доказательства достижений в обучении, которые располагаются в определенном порядке (дипломы, справки, удостоверения о повышении квалификации и др., то, на что, по мнению обучающегося, оценивающая комиссия должна обратить внимание и что может послужить доказательством имеющихся компетенций); 4 - самооценка достижений в обучении и приобретенных компетенций; 5 - беседа, интервью, тестирование (Teresevičienė 2006: 17-18).

Чаще всего оценка компетенций, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом, начинается с диалога между обучающимся и оценивающим специалистом. Во время диалога между специалистом и обучающимся можно установить уровень знаний, готовность к выполнению определенных заданий, требующих квалификационных навыков, опыт работы, коммуникативные возможности. Этот метод эффективен при выяснении определенных языковых компетенций и субкомпететей. Диалог – это универсальный метод, когда при общении можно получить информацию о разных аспектах процесса обучения, о мотивации обучающегося включиться в формальный процесс обучения. Но диалог - это довольно сложный процесс при оценке достижений, приобретенных формальным или самопроизвольным способом, поэтому достичь наиболее достоверных и объективных результатов, пользуясь только вышеназванным способом, сложно. Необходимо применять различные методы оценивания знаний, которые применяются при формальном образовании. В зависимости от того, какие достижения и языковые навыки, приобретенные в процессе формального или самопроизвольного обучения необходимо формализовать, должен выбираться и метод оценивания. Это может быть тестирование, если речь идет о проверке способностей применения

грамматических форм и категорий на письме. Тестирование позволяет выявить уровень социокультурной компетенции, лингвистическую компетенцию, фиксировать словарный запас обучающегося. С целью выяснения фонетической, лингвистической, социокультурной и коммуникативной компетенций могут быть применимы монолог, диалог или метод интервью.

Как уже упоминалось выше, формализовать приобретенные знания, т.е. оценить достижения и компетенции, приобретенные неформальным или самопроизвольным способом, довольно сложно, особенно, если речь идет о кредитовании на уровне высших учебных заведений. В *Портфолио* достижений и компетенций обучающегося должны войти содержание предмета, в данном случае, описание содержания программы русского языка по уровням (1, 2, 3, 4 уровни), компетенции, приобретаемые по данной программе, критерии оценивания компетенций каждой составной части предмета, градация критериев, процент оценки каждой составной части от общей суммы оценивания.

Как пример, можно проанализировать 1 уровень обучения русскому языку. Программу можно разделить на две части: 1- тематическое содержание программы (заполнение документов личного характера, знакомство, представление себя, представление семьи, хобби, внешний вид, основные черты характера, знакомство с городом, в котором я живу, рассказ о самых больших городах России); 2 - лингвистическое содержание программы (орфоэпия, орфография, местоимение, глагол). К каждой части программы ставится цель и формулируются задачи достижения определенных компетенций. К тематической части программы можно отнести достижение навыков определенного уровня: общих, специальных, социокультурных, рецептивных (слушания, чтения), репродуктивных (говорения), которые по сложности и содержанию соответствовали бы первому уровню знаний русского языка. К лингвистической части программы можно отнести достижение таких навыков как: репродуктивные навыки (говорение, письмо), рецептивные навыки (слушания и повторения, ориентированного на правила русского литературного произношения). В *Портфолио* приводится детальная опись каждой из вышеназванных достигаемых компетенций (проводится распределение на субкомпетенции), связанных с определенным уровнем знания русского языка. Далее приводится процентная оценка компетенций, критерии оценивания и градация критериев. Например, компетенции, приобретенные на 1 уровне, в процентном отношении распределяются следующим образом: 1- речевая – 30%; 2 - письмо - 30%; 3 - слушание – 20 %; 4 - чтение – 20

%. В каждой группе компетенций формулируются критерии оценивания и шкала оценки достижений.

Детальнее рассмотрим процесс оценивания первой группы компетенций, т.е. процесс оценивания речевой компетенции в соответствии с программой первого уровня. Программа ставит перед собой цель достичь следующих речевых навыков:

1 - общаться несложными разговорными конструкциями и отвечать на несложные вопросы о хорошо известных вещах; 2 - употребляя несложные конструкции, уметь рассказать о себе, о своей семье, о внешнем виде; 3 - рассказать о своем родном городе, рассказать об одном из красивейших городов России - Санкт-Петербурге; 4 - короткими несложными предложениями поддерживать разговор на бытовые темы; 5 - пересказать своими словами увиденные фрагменты учебного фильма (прочитанный самостоятельно несложный текст). Основное внимание на первом уровне уделяется правилам орфоэпии, т.е. правилам правильного литературного произношения, а так же правильному применению грамматических форм глагола и личных местоимений.

В *Портфолио* приводятся критерии в соответствии со шкалой оценивания, по которым будет оцениваться человек, желающий аккредитовать свои достижения и компетенции, приобретенные неформальным и самопроизвольным способом. Этим инструментом оценивание проводит специалист - преподаватель. Шкала оценивания дается от 3 до 0: 3- отлично; 2 - хорошо; 1 - удовлетворительно; 0 – плохо. Приводятся критерии и градация критериев оценивания определенных компетенций: 3 – правильно произносить звуки и выговаривать слова. В простых предложениях и вопросах правильно употреблять формы глаголов, правильно сочетать местоимение с глаголом; 2 – правильно произносить отдельные звуки, при сочетании их в словах допустимы неточности произношения. Не всегда правильно сочетаются формы глаголов и местоимений в простых по форме предложениях или вопросах; 1 - неправильно произносятся отдельные звуки, допускаются ошибки произношения некоторых слов. Часто допускаются ошибки при сочетании местоимения и глагола, встречаются ошибки в глагольных формах; 0 – допускается много ошибок при произношении отдельных звуков и слов, часто сложно понять говорящего, речь невнятная. Практически отсутствует сочетание глагольных форм и местоимений, неправильно применяются глагольные формы.

В *Портфолио* также представлен инструмент самооценки - анкета, по которой себя может оценить человек, желающий аккредитовать достижения и компетенции, приобретенные

неформальным и самопроизвольным способом. Анкета идентична инструменту оценивания преподавателя.

Оценивающий специалист–преподаватель по выбору задает тему для проверки речевых компетенций оцениваемого и сравнивает полученные результаты с результатами самооценки. Если результаты оценки и самооценки совпадают, можно удовлетвориться одной проверкой, в случае несовпадения результатов, преподаватель дает дополнительные темы для проверки. В заключение ставится оценка, которая составляет 30% от общей оценки знаний и навыков, соответствующих 1 уровню русского языка как иностранного в формальной системе образования.

Аналогично проводится проверка других составляющих 1 уровня компетенций, знаний и навыков, и ставится общая оценка, отражающая уровень знаний формальной системы кредитования.

В результате анализа процесса оценивания знаний и компетенций, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом (на примере русского языка как иностранного) можно сделать следующие выводы.

Выводы:

1. Оценивание компетенций, знаний, навыков и достижений, приобретенных неформальным или самопроизвольным способом, является важным аспектом при включении человека в процесс непрерывного обучения через всю жизнь.
2. Обучающийся является заинтересованным лицом, т.к. при формализации определенных навыков, знаний и компетенций сокращается продолжительность обучения в формальных учебных учреждениях, а также уменьшается стоимость обучения.
3. Процесс самооценки и самоанализа достижений стимулирует развитие метакогнитивных компетенций, т.е. стимулирует развитие критического мышления, способствует развитию навыков рефлексии и анализа достижений жизненного опыта. В свою очередь, данные навыки способствуют развитию чувства ответственности и осознанию ценности личности. Впоследствии вышеназванные навыки станут гарантом успеха на рынке труда в условиях конкуренции.

Литература

Lietuvos mokslo ir technologijų Baltoji knyga, 2000. Vilnius.

Learning: The Treasure Within, 1996. Paris: UNESCO.

TERESEVIČIENĖ, M., GEDVILIENĖ, G., ZUZEVIČIŪTĖ, V., 2006. *Andragogika*. Kaunas: VDU.

TERESEVIČIENĖ, G., ZUZEVIČIŪTĖ, V., STASIŪNAITIENĖ, E., 2006. *Neformaliai ir savaiminių būdu įgytų kompetencijų vertintojo rengimas*. Kurso programa. Kaunas.

TERESEVIČIENĖ, G., ZUZEVIČIŪTĖ, V., STASIŪNAITIENĖ, E., 2006. *Neformaliai ir savaiminių būdu įgytų kompetencijų vertinimas. Parankinė knyga vertintojui*. Projektas ESF-2-4. Kaunas.

JARVIS, PETER, 2001. *Mokymosi paradoksai*. Kaunas: VDU.

Jovita Daukšytė

Vytautas Magnus University, Lithuania

Research interests: lingua-culturology, adult education, didactics of higher education.

LINGUISTIC COMPETENCIES IN THE CONTEXT OF LIFE-LONG LEARNING

Summary

The present article focuses on the analysis of the process of assessment and crediting of linguistic competencies acquired in informal and non-formal ways by looking into examples of Russian as a foreign language. The relevance of assessment and acknowledgement of achievements (competencies) attained in the process of informal and non-formal learning, as well as problems of assessment and acknowledgment methodologies have been under discussion in different international documents. This type of assessment is aimed at determining if the acquired competence can be evaluated in the system of crediting used by formal institutions. Assessment of competencies, knowledge and skills acquired in informal and non-formal ways is a very significant factor in including an individual in the process of continuous life-long learning. The process of self-evaluation and self-analysis stimulates the development of metacognitive competencies, i.e. it activates the development of critical thinking, reflection and analysis of life experience. These skills, in turn, help to increase the sense of responsibility and the perception of personality value. As a result, the above mentioned skills act as a guarantee of success in the labour market under conditions of competition.

KEY WORDS: informal, non-formal education, life-long learning, linguistic competencies.

Jovita Daukšytė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: lingvistinė kultūrologija, suaugusiųjų švietimas, aukštojo išsilavinimo didaktika.

LINGVISTINĖS KOMPETENCIJOS MOKYMO SI VISĄ GYVENIMĄ KONTEKSTE

Santrauka

Straipsnis nagrinėja lingvistinių kompetencijų, įsisavintų neoficialiais ir neformaliais būdais, vertinimo ir kreditavimo procesą, pasitelkiant rusų, kaip užsienio kalbos, pavyzdžius. Vertinimo aktualumas ir neoficialiuoju bei neformaliuoju būdu mokantis įgytų pasiekimų (kompetencijų) pripažinimas, kartu su vertinimo problemomis ir metodologijų pripažinimu vis dar kelia klausimų įvairiuose tarptautiniuose dokumentuose. Šio tipo vertinimu siekiama nustatyti, ar įgyta kompetencija gali būti vertinama kreditų sistemoje, naudojamoje formaliosiose institucijose. Kompetencijų, žinių ir įgūdžių, įsisavintų neoficialiais ir neformaliais būdais, vertinimas yra reikšmingas faktorius, įtraukiant individą į tęstinį mokymąsi visą gyvenimą. Savęs įsivertinimo ir savianalizės procesas skatina metakognityvinių kompetencijų tobulėjimą, t.y., aktyvina kritinio mąstymo, refleksijos ir gyvenimo patirčių analizavimo vystymąsi. Šie įgūdžiai, savo ruožtu, prisideda prie atsakomybės ugdymo bei asmenybės svarbos suvokimo. To pasėkoje, minėti įgūdžiai garantuoja sėkmę darbo rinkoje konkurencijos sąlygomis.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: neformalus, savaiminis mokymasis, mokymasis visą gyvenimą, lingvistinė kompetencija.

Лариса Каминская

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7-9, 199034, Санкт-Петербург, Россия

Тел. +7 – 911-936-87-89

E-mail: larkam@mail.ru

Область научных интересов автора: лингвистика, филология, фонетика, албанистика

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ «LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA AUGUSTISSIMAE CURA COLLECTA» (1787, 1789) КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Словарь по редакции Петера Симона Палласа «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta», русское название «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы» был издан в России, в Санкт-Петербурге в 1787, 1789 (2-й том) годах. Концепция словаря, его структура, принципы организации лексического материала являются выражением взглядов и идей, господствующих в лингвистической науке середины XVIII века. Известно, что идея создания словаря принадлежит российской императрице Екатерине II. Помимо концептуального замысла, возникшего под влиянием идей А. Кур де Жебелена, Г. В. Лейбница, И. К. Аделунга, Императрица собственноручно формировала корпус словаря, составленный по идеографическому принципу и отражающий языковую картину мира того периода. В статье подробно анализируется то, как отразились взгляды Екатерины Второй, российских и зарубежных лингвистов того времени в формировании лексического корпуса словаря, в семантическом, морфологическом и фонетическом описании лексики. Подробно описываются этапы формирования словника. Существенными для исследования представляются принципы определения метаязыка, поскольку в науке XVIII века латинский язык играл важнейшую роль. Помимо словарного корпуса, анализируются ранее не изученные архивные документы, рукописи и письма, имеющие непосредственное отношение к истории создания словаря.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *словарь П.С.Палласа, история языкознания, лексикография и лексикология*

Целью данного исследования является рассмотрение того, как отразились взгляды российской императрицы Екатерины Второй, российских и зарубежных лингвистов второй половины XVIII века в формировании лексического корпуса словаря, в семантическом, морфологическом и фонетическом описании лексики. Подробно описываются этапы формирования словника. Помимо словарного корпуса, анализируются ранее не изученные архивные документы, рукописи и письма, имеющие непосредственное отношение к истории создания словаря. Кроме того, подводятся некоторые итоги исследования, осуществляемого на протяжении последних лет и посвященного филологическому изучению лингвистических материалов словаря Петера Симона Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы»¹.

Большой универсальный словарь «*Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta*» (русское название «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы») вышел в свет во второй половине XVIII века. Этот словарь претерпел два издания. Первое, под редакцией Петера Симона Палласа, появилось в 1787 – 1789 гг., второе, переработанное и представляющее собой словарь, включающий все слова, расположенные в алфавитном порядке независимо от языка, – в 1790 – 1791 гг. под редакцией Т. Янковича де Мириево.

Концепция словаря, его структура, принципы организации лексического материала явились отражением взглядов и идей, господствующих в лингвистической науке в середине XVIII века. В этот исторический период в России и во всей Европе осуществлялись крупные сдвиги и обновления в области духовной и материальной культуры, проходило постоянное накопление и обобщение знаний и фактов, а также их систематизация. В этот же период по всему миру шла интенсивная работа по выявлению, описанию, изучению и классификации все новых языков. Экспедиции исследовали разные уголки земли и старались донести до любопытных европейцев нравы, обычаи и, по возможности, языки народов, которые им встречались впервые. Результатом географических открытий явилось обнаружение множества доселе неизвестных науке языков: американских, азиатских, африканских, а также австралийских. Важное значение в этот период придавалось сбору глоссариев и составлению грамматических описаний разнообразных языков мира. Таким образом существенно

---

¹ Об истории создания словаря Палласа см.: (Каминская 2010, 2013а, 2013б, 2013в).

расширялись рамки лингвистического материала, объектом изучения становились языки иной типологии (языки Америки, китайский язык и др.). Новые лингвистические данные и материалы осмыслялись через призму универсализма и рационализма, ставился вопрос о системном сравнении языков и выявлении всеобщего праязыка. В этой связи следует упомянуть исследования Антуана Кур-де-Жебелена «Универсальная и сравнительная грамматика» (Gebelin 1774; 1776), подтолкнувшие интерес российской императрицы к данной проблематике и таким образом оказавшие влияние на появление словарей, о которых идет речь.

Возникновение в первой половине XIX века современного языкознания, которое развилось благодаря результатам, достигнутым новой сравнительно-исторической школой, несколько отодвинуло в сторону как устаревшее большую часть предыдущих исследований, проводимых на протяжении всего XVIII века, когда было собрано огромное количество языкового материала (словарей, переводов Библии, молитв, в частности, «Отче Наш», на огромное количество языков мира).

К сожалению, эти многочисленные лингвистические сборники XVIII – начала XIX веков, эмпирические данные, которые были очень разнообразны как с точки зрения применяемых методов, были преданы забвению, что и образовало пропасть между исследователями XIX века, разрабатывающими новые методы лингвистических исследований и их предшественниками.

Возвращаясь к развитию лингвистической науки в России в тот период, следует отметить, что на ее становление и развитие значительное влияние оказали идеи и труды выдающегося немецкого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница. В своих трудах Лейбниц высказывал убеждение в необходимости создания словарей и грамматик всех языков мира, что даст возможность решить проблему родства языков и их классификации. Кроме того, Лейбниц стремился организовать исследование и описание ранее не изученных языков.

Значительное место, по мысли Лейбница, должно быть отведено изучению многочисленных языков России. Известен тот факт, что в письме к Петру I от 26 октября 1713 г. Лейбниц предлагает провести описание многочисленных языков России и создать словари (Altimari 2010: 70). Но именно в период правления российской императрицы Екатерины Второй (годы правления: 1762 – 1796) эти идеи обрели свое практическое воплощение.

Известно, что идея создания словаря, в котором русские слова переводились бы на все существующие в мире языки, принадлежала российской императрице Екатерине II. Подробно о роли Ф. И. Янковича и о вкладе Екатерины II в создание обоих Словарей говорит Я. К. Грот в

исследовании «Филологическія занятія Екатерины Второй (Сравнительные словари)» (Грот 1877: 425 – 442)².

Помимо концептуального замысла, возникшего под влиянием идей А. Кур де Жебелена, Г. В. Лейбница, И. К. Аделунга, Императрица собственноручно формировала корпус словаря, составленный по идеографическому принципу и отражающий языковую картину мира того периода.

Из архивных документов и свидетельств известно³, что Императрице было принесено в дар обширное 8-томное сочинение А. Кур-де Жебелена, выходявшее с 1773 по 1781 год. Ее увлекли идеи ученого о единстве всех мировых языков, особенно заинтересовала Екатерину мысль А. Кур-де-Жебелена, что все языки могут быть выведены из одного. Под влиянием этих размышлений Екатерина стала собирать материалы для разных научных выводов и составлять списки самых обыкновенных слов, выражавших простейшие понятия, такие как: богъ, отецъ, мать, дитя, Я, да, имя; в другом списке она отмечала имена народов, на языки которых желала иметь перевод этих слов. Уже вскоре после первых набросков этого рода Императрица почувствовала потребность в посторонней помощи и обратилась за нею к иностранному ученому, а именно к берлинскому книгопродавцу и писателю Николаи. Она просила его составить для нее обзорение всех известных языков и необходимых для их изучения пособий. В результате Николаи еще в 1785 году прислал составленный им толстый рукописный фолиант “Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l’origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S.M.I. l’Impératrice de toutes les Russies”⁴

Опираясь на этот труд, Императрица начала собственноручно формировать списки слов, которые и составили основу будущего словаря⁵. Именно с этого периода началась огромная подготовительная, организационная и научно-исследовательская работа, объединившая ведущих ученых того времени.

² О роли Екатерины II в создании словаря см: (Adelung 1815, Ягичъ 1910: 70 – 72).

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Фонд Аделунга).

⁴ Рукопись хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

⁵ Все материалы хранятся в Российской национальной библиотеке: это 54 листа, написанные рукою Екатерины второй; на каждом листе одно русское слово переведено на все имеющиеся в виду языки, расположенные в одном и том же порядке.

Примерно в этот же период Людвиг Бакмейстер (Hartwicht-Ludwig-Christian Bacmeister, 1730 - 1806), ученый, первый русский библиограф, сподвижник Ломоносова, составил план сбора материалов для сличения всех языков земного шара.

В 1773 г. вышла в свет брошюра «Объявление и прошение касающиеся до собрания разных языков в примерах» ("Idea et desiderata de colligendis linguarum speciminibus"), в которой ученый обращается с просьбой сообщать ему переводы на разные языки по приложенному образцу (Бакмейстерь 1773).

Брошюра написана одновременно на четырех языках: русском, французском, латинском и немецком. Работу можно разделить на три части. В первой части Бакмейстер сообщает о своих намерениях – собрать переводы фраз и числительных по возможности на все живые языки и обращается к своим коллегам – зарубежным ученым с просьбой присылать такие переводы. «Напечатанныя при семъ ... на россійскомъ, французскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, краткія рѣчи намѣренъ я собирать въ переводъ на разные новые и живые языки, какіе токмо мнѣ достать можно будетъ» (Бакмейстерь 1773). После сбора этих переводов ученый планировал издать их, добавив сведения о народах, говорящих на этих языках.

Примечательно, что Бакмейстер дает очень подробную инструкцию по сбору и записи материала. «Итак, кто примет труд и станет сам помянутыя речи на какой нибудь язык переводить или другаго заставит, того прошу наблюдать следующее:

1. Взять к тому оныя речи лучше на немецком языке, а сверх того на каком пожелает из прочих трех другом.
2. Потом смотреть, чтобы речи (как в строках В и С примернаго перевода) были некоторым образом от слова до слова переведены, однакож не содержали бы необыкновенных выражений.
3. Для показанія выговору (въ строке С) взять ему такой язык, в котором он довольно искусен, в особливо французской, потом немецкой, и сверх оного какой нибудь другой из известныхъ европейскихъ языков, кроме только латинского» (Бакмейстерь 1773).

В заключение своего обращения Бакмейстер просит сообщить подробно об информантах, их звании, имени и прозвище, а также о том, «где подлинно говорят ныне тем наречием, на котором переведены будут сии речи; объявить о тех местах, в которых вообще говорят оным языком; как оный народ называет сам себя и землю, в коей он живет; и как другие народы то и

другое по своему называет; какой он закон исповедует; приложить десяток другой имен мужской пол значащих и наиболее употребительных между оным народом» (Бакмейстеръ 1773).

Вторая часть брошюры Л.Бакмейстера – «Речи для переводу». Сначала представлены числительные, довольно подробно: от 1 до 20, потом десятки 30, 40, 50 и т.д., и сотни до тысячи. Далее следуют фразы, включающие общеупотребительную, бытовую лексику. Всего 22 фразы, например, такие как «Бог бессмертен. Человек живет не долго», или «Волос долог и тонок. Кровь красная. Кости крепки как камень», «Вчера в вечеру шел дождь. Сего дня по утру видел я радугу».

Третья часть представляет собой пример перевода фразы с русского языка «Каждый будь покорень нышней власти, которая надъ нимъ поставлена; ибо нѣтъ иной власти, какъ токмо отъ Бога; и гдѣ власть есть, тутъ она Богомъ поставлена» на арабский, финский и шведский языки с подробным комментарием и инструкцией для будущих переводчиков.

Бакмейстер в течение многих лет получал богатые материалы, однако сам исследователь по не вполне понятным причинам ими не воспользовался. В апреле 1785 года Екатерина II привлекла к работе над составлением словаря П. С. Палласа, и те лингвистические материалы, которые начал собирать Бакмейстер, перешли в распоряжение П.С.Палласа⁶. Как отмечает И. В. Ягич, «редакция ...материала была поручена акад. Палласу, прославившемуся своими географическими, этнографическими и естественно-историческими исследованиями, но лингвистические занятия не входили в его планы» (Ягич 1910: 70). Поэтому, по мнению Ягича, разработка материала не отличалась критичностью.

В том же году (25 мая) в свет выходит статья Палласа “Avis au public”, обращение к научной общественности. В этой работе ученый подробно излагает лингвистические взгляды Екатерины II, концепцию будущего словаря, а также определяет его основную цель – доказательство существования единого праязыка (Pallas 1785).

Говоря о будущем словаре, Паллас отмечает, что императрица собственноручно составила список слов для будущего универсального сравнительного словаря. В него она включила наиболее употребительные слова: существительные и прилагательные, относящиеся к повседневной сфере деятельности, к элементарным знаниям, сельскому хозяйству и различным

⁶ Пётр Симён Паллас (1741-1811) — знаменитый немецкий и российский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII—XIX веков. Прославился научными экспедициями по территории России во второй половине XVIII века. Внес существенный вклад в мировую и российскую науку — биологию, географию, геологию, филологию и этнографию.

ремеслам. Как пишет Паллас, чтобы пополнить глоссарий и сделать его более поучительным, в нем отчасти допущены также местоимения, наречия, некоторые глаголы и имена числительные.

Именно в этой работе Паллас объявляет о намерении Её Величества издать словарь и пишет о структуре будущего словаря: словарь будет составлен таким образом, что каждое слово на русском будет переведено на все возможные иностранные языки. Произношение иностранных слов, как отмечает Паллас, будет передано русскими буквами. В конце «Обращения» Паллас сообщает, что Императрица поручила ему заняться редакцией Словаря и подготовкой его к изданию.

На следующий год (1786) появился сборник под редакцией С.Палласа “Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues” – образец сравнительного словаря. В ней даны списки слов, которые предполагалось перевести на разные языки (Pallas 1786).

Список русских слов, переведенный на латынь, немецкий и французский, Императрица выбрала собственноручно. Он включает 442 лексемы, систематизированные по идеографическому принципу и принадлежащие к различным частям речи: существительные, глаголы, прилагательные, местоимения и числительные. Окончательный же вариант словаря включил в себя сокращенный почти в два раза список слов (285 лексем). Этот образчик был разослан во все местности Русской империи и ко всем посланникам при иностранных дворах с просьбой доставить, как можно скорее, сколько можно более переводов на малоизвестные языки.

Первый том, полностью отпечатанный, был преподнесен Императрице уже 6 января 1787 года. В Предисловии к словарю Паллас сообщает о целях и задачах Словаря, в какой-то мере повторяя то, что было им написано в “Avis au public”. Здесь же содержится важная информация о том, что переводы слов на европейские языки с первого по 47-й, взяты у Бакмейстера («изданы от рачительного и ученого господина Ассессора и Унтер-Библиотекаря Бакмейстера»). Прочие, начиная с аварского (48-й по списку язык), собирал Паллас лично, по большей части из рукописных словарей. В соответствии с волей Императрицы, все переводы слов переданы русскими буквами. Содержание и структура словаря очень просты: для сравнения взято 285 русских слов, из которых 130 помещено в первом томе и 155 во втором. Каждое русское слово поставлено в виде заглавия, под которым в одном и том же порядке помещены переводы на 200 языков и при каждом переводе повторяется название языка. Все переводы на все языки

выполнены русскими буквами. Языки следуют один за другим в произвольно принятой, часто ни на чем не основанной системе. После славянских языков и наречий следуют другие языки. Нигде не представлено обзора языков и наречий, а только помещен после предисловия список книг, из которых взяты кельтские, готские и англо-саксонские слова, а также представлено объяснение букв русского алфавита⁷.

Словарь был напечатан в количестве 500 экземпляров и не был предназначен для продажи. Некоторое количество книг было разослано в дар иностранным посольствам и зарубежным ученым.

Можно отметить множество недостатков этого словаря. Однако его роль и значение существенно превосходят те недостатки, ошибки, неточности и просчеты, которыми этот словарь изобилует. Подводя итоги, следует отметить:

1. Первый российский многоязычный словарь под редакцией Петера Симеона Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языков и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы» воплотил и аккумулировал в себе многие лингвистические, лексикографические достижения мировой науки того времени.
2. Словарь явился отражением господствующих в то время идей и философских воззрений.
3. Являясь одним из самых знаменитых памятников и свидетельством смелых лингвистических устремлений XVIII века, этот словарь внес свой вклад в появление и развитие сравнительно-исторического и типологического языкознания.
4. В словаре была продолжена разработка принципов фонетической транскрипции при составлении двуязычных и многоязычных словарей.
5. Способствовал развитию русского и мирового языкознания. Дал толчок к развитию всей российской науки.
6. Был собран богатейший материал, который лег в основу дальнейших лингвистических исследований.

Литература

---

⁷ Подробно о структуре и составе словаря П.С.Палласа см.: (Каминская 2010, 2013а).

- ADELUNG, F., 1815. *Catherinens der Grossen verdienste um die vergleichende Sprachkunde*. St.Petersburg.
- ALTIMARI, F., KAMINSKAIA, L., 2010. Sul lessico Albanese nel Vocabularium Catharinae. *Atti del Convegno "Parole. Il lessico come strumento per organizzare e trasmettere gli etno-saperi"*, (2-4 luglio 2009, Università della Calabria), Mendicino A., Prantera N., Citraro C., (a cura di), Centro Editoriale e librario dell'Unical, Rende (in corso di stampa). 37 – 50.
- GEBELIN, A., 1774. *Grammaire universelle et comparative avec des figures en taille douce*. Paris.
- GEBELIN, A., 1776. *L'histoire naturelle de la parole*. Paris.
- PALLAS, S., 1785. *Avis au public*. Санктпетербургъ.
- PALLAS, S., 1786. *Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues*. Санктпетербургъ.
- БАКМЕЙСТЕР, Г. Л. X., 1773. *Объявление и прошение касающіяся до собранія разныхъ языковъ въ примѣрахъ. Въ Санктпетербургѣ*. Санкт-Петербург: Акад. Наук.
- ГРОТ, Я. К. 1877. Филологическія занятія Екатерины Второй (Сравнительные словари). *Русский Архив*, № 4, 425 – 442.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 2010. Некоторые наблюдения над албанской лексикой в словаре С. Палласа. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, Серия 9. Вып. 4, 125-134. Санкт-Петербург.
- КАМИНСКАЯ, Л.,Н., 2013а. Об источниках албанской лексики в словаре С. Палласа. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, Серия. 9. Вып.1. 112 – 122, Санкт-Петербург.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 2013б. Некоторые проблемы изучения албанских материалов к словарю П.С.Палласа «Сравнительные СЛОВАРИ всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы». *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII (чтения памяти И. М. Тронского)*. Материалы Международной конференции, проходившей 24 – 26 июня 2013 г. / Отв. Редактор Н.Н.Казанский. Санкт-Петербург: Наука, 399 – 405.
- КАМИНСКАЯ, Л. Н., 2013в. Словарь С.Палласа «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta» (1787, 1789 гг.) как источник фонетического исследования. *Verbum. Research in Linguistics and Education Science*. Vol. 4, 71 – 79. Vilnius.
- ЯГИЧЪ И. В. 1910. Исторія Славянской Филологіи. *Энциклопедія славянской филологіи*. Выпускъ 1. 70 – 72.

Словари

Сравнительные СЛОВАРИ всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, Печатано въ Типографіи у Шнора 1787 года. LINGUARUM Totius orbis VOCABULARIA Comparativa; Augustissimae cura collecta. Sectionis primae, Linguas Europae et Afiae complexae. Pars Prior. Petropoli, Typis Iohannis Caroli Schnoor, MDCCLXXXVII.

Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, 1790.

Larisa Kaminskaia

Saint-Petersburg State University, Russia

Research interests: linguistics, philology, phonetics, Albanian studies.

THE FIRST RUSSIAN MULTILINGUAL DICTIONARY “LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA AUGUSTISSIMAE CURA COLLECTA” (1787, 1789) AS THE REFLECTION OF LINGUISTIC CONCEPTS OF THE 18TH CENTURY

Summary

P. S. Pallas' dictionary "Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura Collecta" (1787, 1789) was published in Saint-Petersburg (the Russian Empire). The concept of this dictionary, as well as the structure and the principles of the organization of its lexicon are the reflection of the ideas and achievements of the 18th century European linguistics. Special attention is given to the creation of the concept of the vocabulary, in particular to the idea of Antoine Court de Gebelin about the unity of all world languages and the role of phonetic similarity of words. It is known, that the idea of this dictionary belongs to the Russian Empress Catherine the First who was influenced by the works of Antoine Court de Gebelin, Leibnitz and Adelung.

The report presents a detailed commentary on the principles of the systematization and organization of lexical material, which allowed maximally adequate description of sound system of words given in the dictionary. The article deals with archive materials related to the publication of P. S. Pallas' multilingual dictionary "Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta" (1787, 1789). Manuscripts from "Adelung Foundation" are analyzed in detail. The sources

concerning the history of the work on the dictionary quoted in the article are of great interest and importance.

KEY WORDS: P. S. Pallas, “Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta”, the history of linguistic studies, lexicography, lexicology.

Larisa Kaminskaya

Sankt Peterburgo valstybinis universitetas, Rusija

Moksliniai interesai: lingvistika, filologija, fonetika, albanų kalbos tyrimai.

PIRMASIS RUSIŠKAS UNIVERSALUSIS ŽODYNAS „LINGUARUM TOTIUS ORBIS VOCABULARIA COMPARATIVA AUGUSTISSIMAE CURA COLLECTA“ (1787, 1789) - PASAULIO KALBŲ ATSPINDYS

Santrauka

Žodynas „Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta“, sudarytojas Petras Simonas Pallasas, rusiškas pavadinimas „Сравнительные словари всехъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы“, buvo išleistas Rusijoje, Sankt Peterburge 1787, 1789 metais. Žodyno koncepcija, struktūra ir sudarymo principai atspindi 18 amžiaus vidurio lingvistikos tendencijas. Žodyno sudarymo idėja priklauso Rusijos imperatorei Jekaterinai Antrajai. Žodyno koncepcijos pagrindu buvo pasirinkti A. Kur de Žebeleno, G. Leibnico, J. Abelungo darbai, žodynas buvo sudarytas remiantis ideografiniu principu, kuris padėjo sukurti išsamų to meto pasaulio kalbų paveikslą. Straipsnyje analizuojama kaip Jekaterinos Antrosios, Rusijos ir užsienio lingvistų idėjos darė įtaką leksiniam žodyno lygmens formavimui: semantiniam, morfologiniam ir fonetiniam žodžių aprašymui. Detaliai aptariami žodyno sudarymo etapai. Vienas iš svarbiausių aptariamų klausimų – tai metakalbos pasirinkimas, atskleidžiantis lotynų kalbos svarbą mokslui 18 amžiuje. Straipsnyje taip pat analizuojami archyviniai dokumentai, rankraščiai ir laišakai, susiję su žodyno sudarymo istorija.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: P. S. Pallaso žodynas, kalbotyros istorija, leksikografija ir leksikologija.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Szkola Wyższa Towarzystwa Wiedzy Powszechnej

Plac Defilad 1, Warszawa, Polska

Тел. + 022 839 02 02, +48 605 133 167

E-mail: joanna.k.b@wp.pl

Область научных интересов автора: язык и культура, русская языковая картина мира, современная русская лексика, сопоставительные польско-российские исследования.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Изучаемый метафорический мир русской публицистики последних двух десятилетий прошлого века крайне разнообразен. Он состоит как из авторских творческих метафор, так и из прецедентных высказываний тропического характера. В области цитации авторы используют доперестроечное дискурсивное советское пространство и несколько позднее обращаются к художественной (в том числе – мировой) литературе и Библии - заново открывшемуся источнику универсальной мудрости.

Над метафорикой строительства в описываемый период доминирует метафора разрушения, часто вызывающая ассоциации хаоса и растерянности. Не обходится и без метафоры пути (дороги). На неизведанном пути оказалось общество, страдающее серьезными болезнями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когнитивная метафора, троп, дискурс.*

Палитра газетного языка времен перестройки и раннего рынка отличается многоцветьем метафорических образований (см. также Коженевска-Берчинска 2008). Эта особенность публицистического дискурса названного периода и стимулирует исследовательскую заинтересованность (Чудинов 2001), удовлетворение которой может дать ответ на «исторический» вопрос: как перестроечные процессы, которые завершились внедрением (часто насильственным) рыночных отношений, воспринимались советским человеком? Как они меняли его сознание? Мы исходим из гипотезы о том, что перестройка повлекла за собой изменение идентичности «человека российского». Фактический материал (около 500 метафор)

выбран из публицистических текстов, в основном за 1987-1998 гг. Отобранные нами метафоры касаются таких понятий, как *перестройка* и *рынок*, и несут их аксиологическую характеристику.

Исходной точкой появления метафор «перестройки» можно считать время возрожденной веры-надежды на то, что, наконец, *плывем мы правильным путем*, и поэтому вскоре достигнем «*Лимониц, где (...) текут молочные реки с кисельными берегами*» (Войнович 1990, с. 6). Эйфорической волне перестройки сопутствует «*хор покаяний*» и «*вакханалия разоблачений*». Именно в ранние девяностые годы в российской печати заговорили о «*демонах революции, которые завели нас в трясины*» (Литературная Россия 1991, № 22). Но советский человек захлебнулся также *энтузиазмом* от уверенности, что «*перестройка возвращает социализму его гуманитарный облик*» (Юность 1989, № 3). На этой почве расцветает метафорика стройки: «*В нас многое бурно перестраивается. Мы незаметно приходим к мысли, что люди разные, что счастье каждый представляет по-своему*» (Огонек 1990, № 47). Отсюда проснувшаяся уверенность, что «*любая унитарность – родная сестра диктатуры*» (Огонек 1989, № 31).

Однако надвинувшиеся лишения определяют восприятие перестройки как *нового лихолетья*, а ее начало изображается теми, кто сомневается в правильности намеченного пути, через метафору безумных действий: «*самолет, взлетевший без штурвала и без направления*» (Бондарев Ю.) (Литературная газета, 1990, 17 апреля). Так же сильными познавательными потенциями характеризуется троп: «*В годы 1987-88 Горбачев несся на диком мустанге по имени перестройка, сам не зная, куда*» (Литературная Россия 1991, № 41). Отметим, что приведенные цитаты взяты из текстов времен горбачевского правления - уже в этот период проявляется публичное недовольство его курсом.

В годы где-то с 1989 по юбилейный 1995, тексты пестреют уже крайне негативными оценками перестройки, что связано еще и с окончанием пребывания Горбачева у власти. Она представлена как *воронка, бездна, трясины, тупик, дикость, хаос* (вместо обещанной гармонии). В публицистическом дискурсе появляется тема виновников такого развития ситуации: «*Нетрудно заметить, в какую глубокую бездну (...) ввели общество «архитекторы», «прорабы», и новоявленные, нахрапистые «бригадиры катастрофы»*» (Литературная Россия 1992, № 16). Перестройка также оценивается как *усиливающаяся неразбериха, болтовня, очковтирательство* (Суровая... 1989). По мнению авторов публицистических текстов, хаос и разрушение вызваны также активностью *прорабов смуты* или *петухов перестройки*,

действующих согласно принципу: *«пропоем, а там хоть и не рассветай...»* (Литературная газета, 1990, 6 мая). Именно в оценке перестройки наметилось противостояние сил, которые позже будут именоваться патриотическими и либеральными. Превалируют пессимистические настроения даже в среде «сочувствующих»: 1993 г. Ю. Богомолов: *«С перестройкой началась хирургическая операция по разделению сиамских близнецов: советского государства и советского общества. Операция до сих пор не завершилась, и исход ее неясен. Видно, что братья чувствуют себя неважно и оба испытывают комплекс неполноценности»* (Московские новости, 1993, 13 февраля).

В функции метафорического интертекста используются слова классиков, например, из диалога скептического Левина с неряшливым плотником, испортившим лестницу, но уверенным в своей способности перестраивать: *«- Как значит, возьмется снизу – поидеть, поидеть и придет. Под потолок и в стену она придет... Вот по принципу «поидеть, поидеть и придет» и начата была перестройка»* (Литературная газета, 1995, 16 апреля). Перифрастическая «юбилейная» метафора 1995 года, *десять дней, которые потрясли мир* выражает, как можно полагать, неоднозначность суждений о перестройке (подобно историческим оценкам опуса Д. Рида, *Десять лет, которые потрясли мир*, где он «осмысливает» большевистские революционные годы 1917-1918⁴).

Рефлексия над идеями перестройки отражается в метафорах сторонников изменения коммунистического строя – они называют достижения перестройки: *«идейное слушание»* (Независимая газета, 1990, 17 апреля), сознание того, что *«жить как прежде общество уже не сможет»* (Огонек 1990, № 46). Встают труднейшие вопросы: но *«как именно жить? куда, собственно, мы идем и что с нами происходит»* в ситуации, когда *«то, что казалось правильным (...) превратилось в идейную труху и объявлено заблуждением»* (Литературная газета, 1995, 13 февраля). Отсюда *«великая пустота и растерянность»*: *«А коли не к кому, коли идти больше некуда... Ведь надобно же, чтобы всякому человеку куда-нибудь можно было пойти»* (Огонек 1991, № 4). Или: *«Волею судеб мы были втянуты в воронку перестройки»* (Литературная газета 1992, 28 октября). Тем не менее, советская экономика полностью отрицается метафорикой этого периода: *дурдомовская экономика заскорузлость экономического мышления* (Огонек 1989, № 11); *обезличенная государственная собственность* (Новый мир 1989, № 11). Приведем более широкие контексты: *«Эксперимент по ликвидации*

института частной собственности отбросил страну на доисторический уровень первобытного коммунизма» (Огонек 1990, № 30).

Начало ельцинского правления и окончательного расставания с попыткой сохранить социализм провозглашается оптимистичным воззванием Б. Ельцина: *«Ныррем в рынок! Трудно будет только первый год»* (Новое время 1991, № 10). Интересно, что сама ельцинская метафора предупреждала о движении вниз, а не вверх (*ныррем*).

Вместе с тем, короткое время эйфории от вновь проснувшихся надежд завершается болезненным протрезвлением и шоком от получаемого результата, что реализуется в морбиальных метафорах (Чудинов) текстов этого периода.

Рассмотрим метафорическое пространство болезни - недуга – психического и социального дискомфорта¹. В 1992 году в публицистическом дискурсе уже преобладают непонимание и настороженность по отношению к взятому курсу. Это *мутные волны рынка: насилие во имя дикого, хищного, безжалостного рынка* ироническое *«единственно правильный рыночный путь»* (интертекст: *единственно правильное учение*), и *«светлое рыночное будущее»* (продолжение насаждаемой советской пропагандой «парадигмы светлости»)².

Называются различные рыночные болезни, например: *«детская болезнь увлечения рынком, золотушный рынок»* - в приведенных метафорах происходит отсылка к известной книге В.И.Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме» и развивается фрейм детских болезней (золотуха). *«Российской шизофренией»* называется *«балансирование между планом и рынком»*, к метафорическому обозначению ситуации через метафору болезни добавляется криминальная метафора *«рыночные лики враждебности»* символизируют разобщение в ситуации *«господства разгулявшегося криминала»*.

Напомним еще одну метафору, которая внятно характеризует «рыночные брожения» девяностых: *«Если кому-нибудь придет в голову организовать конкурс на памятник современному управлению экономикой, то первое место займет проект скульптуры всадника без головы»* (Огонек 1990, № 40). Это печатает «Огонек», главный редактор которого В.Коротич считался одним из «прорабов перестройки». Возникающая параллельно рынку «метафорическая» *теневая экономика* вкупе с *теневиками* осмысливается посредством таких, например тропов: *«новоявленные кровопийцы»*, а также с горькой иронией: *«потомки Павки Корчагина в «мерседесах»*. Одной из причин социального кризиса называется *«развивающаяся годами черная дыра, где исчезают горы импортных товаров»* (Огонек 1990, № 28).

Подобные оценки – сигнал тотального неприятия рынка как насаждаемой панацеи от всех невзгод, так как усугубляется *«нищета миллионов «хозяев страны»* (Огонек 1990) на фоне неслыханного благосостояния *новых русских*. Согласно общественному мнению, они получают уничижительные характеристики типа: *богатые Буратино, новые русские – адское изобретение; новые русские с печатью уполномоченного ВЛКСМ на лбу; герои начального нахапления* (Правда 1993, 30 марта); *мафиозные господа* (Независимая газета 1995, 15 апреля); и как аккорд: *новорусские образования на теле и на душе общества* (Известия 1996, 1 ноября). Такое восприятие выражено также посредством более широких контекстов: *«их знамя – доллар, их дом – рынок, их власть – спекуляция»* (Независимая газета 1995, 6 декабря). Или: *«новые русские – «расторопные граждане», которых раньше называли проходимцами и спекулянтами»* (Московские новости 1996, 6 июня). И синтезирующая рефлексия: *«Что толку было культивировать презрение к компартбоссам (комсомольцы – ИК-Б), чтобы тут же кинуться в объятия нуворишей?»* (Независимая газета 1994, 20 октября).

В рыночном пространстве обособляется *Год Великой Приватизации* (1995-ый). Возникает аллюзия к *Году Великого Перелома* что объясняется несомненно плачевными для простого человека результатами приватизации, узаконивания частной собственности, которая, кстати, в России (в отличие от Запада) никогда не считалась священной. В перестроечное, уже рыночное время этот процесс начался с раздачи ваучеров (начало 1992 года), т.е. - с утопической, и лицемерной попытки сделать всех граждан бенефициарами рынка. В марте 1994 года этот ход оценивается в прессе с помощью библейского интертекста, сопровождаясь горькой иронией: *«Род чуда накормления пятью хлебами всех алкающих»*. Приватизация же определяется как *«дикий разгул частнособственнических страстей, духа спекуляции и наживы»* (Независимая газета 1995, 14 апреля), как *большой хапок* и нормой оказывается *«экономический, экологический и духовный беспредел»* (Известия 1998, 25 сентября).

Нельзя обойти вниманием тот факт, что процессам изменения социума в ранней стадии сопутствуют попытки найти путь для духа, ответы на вопрос *«о том, что мы делаем, куда мы идем, как мы должны вести себя»* (Heisenberg 1987, с. 75). Эти поиски реализуются через возрожденную метафору Храма. Это становится особенно популярно после 1987 года, когда вышла на экраны кинокартина Т. Абуладзе «Покаяние». Нравственным манифестом, заключающим в себе ценностные ориентиры, становится, основанное на метафорике картины Т. Абуладзе, эссе И. Клямкина *«Какая улица ведет к Храму?»* (Новый мир 1989, № 27).

Так или иначе, обращенность к духовной составляющей происходящих процессов фиксируется небывалым количеством идиом со словами *душа*, *духовность*, а также их дериватами: *лишение духовной опоры*, *духовное убожество*, *духовная неустроенность*, *духовное уничтожение личности*, *духовное пепелище*, *духовный вакуум* (после того как были отняты привычные советские ценности), *неутолимая духовная жажда*, *джунгли духа (в которых мы очнулись)*, *разгадать иероглиф духовности*, *восстановить духовное наследие предков*. Уровень нравственности советского человека определяется посредством особенно экспрессивной метафоры *монстр бездуховности* – противовесом этому *монстру* должны стать *поиски духовных ориентиров*, *духовное оживление*, *духовное потрясение*, *высвобождение духовности*.

Пространство ценностных поисков и разочарований подтверждает масштабность происходящего духовного разброда. Он разворачивается параллельно перестроечным процессам и иссякает в результате развития рыночной экономики³, поскольку доминирующим становится не «*Quo vadis*» (Г.Сенкевич), а «на что жить?».

Изучаемый метафорический мир крайне разнообразен – приведенные метафоры извлечены из тестов как сторонников, так и противников происшедших идеологических изменений. И те, и другие ощущают опасности избранного пути, но с разной степенью категоричности отрицания описывают свое отношение к происходящему. Уже из приведенного материала видно, что в России наступила эпоха сильнейшего ценностного рассогласования, столь очевидно сказавшаяся в новом веке.

В климате разобщения и эгоизма немеют безответные русские вопросы: *кто мы? что с нами происходит? куда мы идем?* И конечно недействительным становится аксиологический вопрос девяностых: *Зачем нам такая улица, которая не ведет к храму?* Приведенные метафоры не только усиливают образность сказанного – они, несомненно, обладают когнитивным потенциалом, задавая определенные следствия из общей базовой метафоры, которую еще предстоит окончательно реконструировать («перестройка-болезнь»? «перестройка-ошибка?»), и таким образом, они поощряют к самостоятельным поискам имплицитных смыслов. Это особенно существенно, если мы, инокультурные исследователи, пытаемся понять эпоху тектонических по своей силе взрывов в жизни этноса, а также в жизни рядового советского человека.

Сноски

1. Мои более ранние публикации из этой области: а) *Распятие между очарованием сакрум и «социальным садизмом» рыночного профанум. О российской картине мира.*// „Language Teaching Culture and Learner, Tartu 1995, с. 60-67; б) *Problem” ofiar rynku” w polskim i rosyjskim dyskursie politycznym// W kręgu teorii i praktyki lingwistycznej.* Księga jubileuszowa poświęcona profesorowi Jerzemu Lukszynowi z okazji 70-lecia urodzin. Wyd. Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2007, ss. 89-96. См. также одну из моих монографий: *Новації в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов.* Глава: *Болезнь – недуг – аномальность как инварианты российского образа жизни.* Изд. Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Olsztyn 1996, а также: *Metaforyka cierpienia – choroby – patologii w językowym obrazie świata Rosjan. Na podstawie publicystyki współczesnej.*// *Podjęcie kognitywne w lingwistyce, translatoryce i dydaktyce.* Materiały XX Sympozjum lingwistyki stosowanej. Grzegorzewice 12-14 I 1996. Red. F. Grucza i I.M. Dakowska. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 1997, ss. 34-38.
2. См., также: Joanna Korzeniewska – Berczyńska, *Образ человека в континууме публицистики.* Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn 2001, с. 86-92.
3. W. Paniuszkin, *Rublowka.* Wyd. Biblioteka Gazety Wyborczej, Warszawa 2013. Содержание этой документальной книги дает нам представление о той модели «нравственности», которая возникла в результате обожествления власти денег. Ее выработали олигархи, прямые «духовные» наследники *новых русских.*

Литература

- ВОЙНОВИЧ, В., 1990. Сказочки о пароходе. *Неделя*, № 10.
- Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма*, 1989. Москва: Изд. политической литературы.
- КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА, Й., 2008. Метафорическая экспрессия в российском публицистическом дискурсе. *Русский язык в центре Европы*, № 11, с. 14-19.

- КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА, Й., 2008. Метафорика ущербности в современном публицистическом дискурсе. *Теоретические и лингвистические проблемы исследования русского и других славянских языков*. Волгоград: Изд. ВолГУ, с. 60-66.
- ЧУДИНОВ, А. П., 2001. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- ЯКОВЛЕВ, А., 1994. *Горькая чаша: Большевизм и реформация в России*. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- HEISENBERG, W., 1987. *Część i całość. Rozmowy o fizyce atomu*. Warszawa: KiW.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Wsztechnica Polska University in Warsaw, Warsaw, Poland

Research interests: language and culture, Russian language image of the world, modern Russian lexis, Polish-Russian comparative study.

COGNITIVE METAPHOR IN PUBLICIST DISCOURSE. CROSS-CULTURAL PERCEPTION

Summary

The metaphorical world of Russian journalism of the 1980s and 1990s is extremely diverse. It consists of original creative metaphors and precedent expressions which have characteristics of a trope. In the field of text citations authors focus on pre-perestroika discursive Soviet space; however, later they turn to literature (including world literature) and the Bible, the rediscovered source of universal wisdom.

In construction metaphors of that period, the metaphor of destruction, usually evoking associations with chaos and confusion, prevails. The metaphor of 'road' is also present. The society, which suffers from serious diseases, is on that uncharted path.

KEY WORDS: cognitive metaphor, trope, discourse.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Bendrujų žinių mokslo visuomenės mokykla, Lenkija

Moksliniai interesai: kalba ir kultūra, rusiška kalbų pasaulio samprata, šiuolaikinė rusų kalbos leksika, lyginamieji lenkų ir rusų kalbų tyrimai.

KOGNITYVINĖS METAFOROS PUBLICISTINIAME DISKURSE.

KITŲ KULTŪRŲ SAMPRATA

Santrauka

Straipsnyje aptariama praeitojo šimtmečio paskutiniųjų dviejų dešimtmečių rusų publicistikos tekstuose naudojamų metaforų įvairovė. Ją sudaro ne tik kūrybinės autorinės metaforos, bet ir tropų naudojimas precedentiniuose tekstuose. Cituodami autoriai naudojami tokiais šaltiniais kaip tarybinis diskursas apie įžymias vietas, grožinės literatūros tekstais bei Biblija, nauja atrastu universaliosios išminties šaltiniu. Metaforose dominuoja griovimo, chaoso ir pasimetimo temos. Svarbi ir kelio metafora. Visuomenė, kurią kankina rimti negalavimai, atsidūrė visiškai naujame kelyje.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: kognityvinė metafora, tropas, diskursas.

Екатерина Кравец

Киевский национальный лингвистический университет

Кафедра восточной филологии

вул. Велика Васильківська 73, Київ, Україна

Тел.: +38(097)685-16-93

E-mail: kravets_us@yahoo.com

Область научных интересов автора: лингвокультурология, семиотика, лингвистика текста, семантика, синтаксис.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ
(на материале японского и украинского языков)**

Статья посвящена анализу рекламных текстов с точки зрения лингвокультурологии. Основное содержание исследования составляет анализ культурно-маркированных рекламных сообщений с целью установления корреляций языка рекламы с параметрами менталитета и культуры двух народов. Автор прослеживает межязыковую симметрию и асимметрию рекламных текстов и приходит к выводу, что глобальные тенденции развития рекламы основаны, с одной стороны, на стандартизации рекламных идей, а с другой, на тенденции к дифференциации, к локализации рекламы, к выявлению в рекламном дискурсе самобытности народа, его культуры. Язык рекламы является составной частью культуры и одновременно ее орудием, он отражает действительность нашего духа, выражает специфические черты национального менталитета, является своеобразным ликом определенной лингвокультуры. Большинство людей, понимая, что поведение представителей других культур определяется иными традициями, не воспринимают себя как продукт своей культуры. Каждый человек живет в рамках собственной культуры и считает свой образ жизни единственно приемлемым. Осознание культурных различий, специфики своего общественного сознания происходит только в контакте с иным мировоззрением. Следовательно, сравнительное изучение национально-маркированных языковых единиц, представленных в текстах современной рекламы, предоставляет богатый материал для межкультурных исследований рекламы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, рекламное сообщение, локализация рекламы, культурный компонент

Интерес к культурологическому компоненту языковых феноменов сегодня значителен как никогда, и связано это с осознанием того, что язык представляет собой субстрат культуры, язык пронизывает культуру, является важнейшим средством для организации и упорядочения действительности и единственным ключом для ее постижения. В актах межкультурной коммуникации непонимание между представителями разных лингвокультурных сообществ часто обусловлено не незнанием языка, а незнанием тех или иных явлений национальной культуры. Эта проблема с появлением лингвострановедения в начале 70-х гг. 20-го века вышла на первый план. В своих трудах такие исследователи языка и общества, как Й. Л. Вайсгербер (Вайсгербер 2004), В. Гумбольдт (Гумбольдт 1984), Э. Сепир (Сепир 1993), указывали на то, что культура народа и его язык взаимосвязаны и подвержены взаимному влиянию. Данное положение вошло в основу нового направления лингвистики - лингвокультурологии, которая базируется на результатах исследований, проводимых в области лингвострановедения, этнолингвистики, социоллингвистики, психоллингвистики, текстологии, и нашло свое развитие в трудах таких ученых как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров (Верещагин, Костомаров 2005), В. В. Воробьев (Воробьев 1997), Дж. Лакофф (Лакофф 2004) и других. Исследования, которые они проводили, составляют основу культурологического подхода к исследованию многих явлений в языке и речи, в том числе и текстах.

Современная лингвокультурология - это комплексная дисциплина, которая исследует национальную культуру и стремится ответить на вопрос о механизмах, лежащих в основе кодирования в языке культурологической и прагматической информации. Лингвокультурология исследует язык как феномен культуры (Маслова 2001: 8). Владимир Васильевич Воробьев выделяет основную единицу лингвокультурологического анализа - лингвокультурему, определяя ее как диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания" (Воробьев 1997: 40-45). Владимир Ильич Карасик рассматривает лингвокультурологию как «комплексную отрасль научного знания о взаимосвязи языка и культуры» и делает акцент на ее сравнительном характере. Основной единицей лингвокультурологии он называет культурный концепт, а в качестве единиц изучения предлагает реалии и фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и

абстрактных наименований, которые требуют для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа (Карасик 2002: 103 -127).

Ю. М. Лотман утверждает, что культура в упрощенном виде представляет собой, «коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов)» (Лотман 1992: 480). Культура может рассматриваться как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных текстов (Абрамов 1993: 12-20). Анна Вежбицкая считает, что различные культуры находят проявление в разнообразных системах речевых актов, которые кодифицированы в разных языках (Вежбицкая 1996: 416). С другой стороны, существует взгляд на язык как на часть культуры (Верещагин и др. 2005: 35-47), феномен культуры (Бромлей 1973: 280), средство выражения культуры (Аврорин 1975: 276).

Основными исходными положениями в культурологическом подходе к изучению текстов служат следующие утверждения: 1) в текстах существует определенная структура «информативных и ценностно - нормативных компонентов всего потока сообщений - модель мира», которая в течение длительного времени формирует и отображает представления, убеждения, стереотипы, критерии оценки и эталоны значительного количества людей (Зильберт 1986: 260); 2) представители одной культурно-языковой общности обладают некоторой определенной суммой общих знаний, которые организованы в картину мира и отличаются от картины мира представителей иной культурно-языковой общности; 3) национальное своеобразие картины мира проявляется в поведении человека, в том числе и в речевом (Сорокин 1988 : 144).

Как в культуре каждого народа существует общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры конкретного народа (Мечковская 1996: 315- 325). Наиболее важным для культурологического подхода элементом в семантике лексических единиц, из которых состоит текст, является культурный компонент (Воскресенская 1985: 120), который представлен безэквивалентной, фоновой, коннотативной, коннотативно-фоновой лексикой. Фоновая лексика отличается лексическим фоном, коннотативная, кроме лексического фона, еще и эмоционально-эстетическими ассоциациями. Безэквивалентная лексика языка обозначает специфические явления местной материальной культуры. В основном, это объекты, которые имеют отношение к быту, досугу, растительному и животному миру (Мечковская 1996: 57).

Целью данного лингвокультурологического исследования является установление корреляций между языком рекламы и культурой двух народов, а также выявление симметрии и асимметрии обнаруженных фактов. При этом важной задачей становится установление и того, какие факты культуры выражаются с помощью языка, и какие способы вырабатывает язык для выражения культуры. Материалом исследования служат популярные женские журналы в Японии и Украине (ВІТЕКІ №7 (2013г.), VOGЕ №12 (2011г.) и COSMOPOLITAN №1-12 (2013г.) соответственно).

Необходимо отметить, что рекламное сообщение - это набор лексических единиц, в котором закодирован лингвокультурный стереотип. Слово “стереотип” по отношению к культуре было принято К. Юнгом. Он доказал, что духовное (внутреннее) и внешнее поведение человека зависит от образцов духовной культуры, которые формируют стереотипы поведения. Исследователи называют стереотипами формы бытия человека или социальные феномены поведения (Байбурин 1988: 69-79). Стереотипность является национальной, специфической характеристикой построения текстов. Например, национальной спецификой обладают стереотипные формулы поздравлений или пожеланий. В одночасье и сама реклама формирует эти стереотипы, вводит в обращение новые речевые формулы и влияет на преобразование языковой картины мира: «с одной стороны, реклама участвует в формировании типа личности, соответствующей идеалу потребительского общества, а с другой, ориентируется на основополагающие моральные ценности социума» (Гаран 2009: 1). Для печатного текста языковой стереотип регулирует отбор языковых единиц всех уровней, алгоритм, их сочетание, отбор адекватного способа их графической презентации. Реклама может служить лучшим материалом для решения вопросов, относящихся к сфере лингвокультурологии, поскольку обычной практикой рекламодателей, которые готовы усилить интенсивность положительной мотивации, является акцент не столько на предмете, сколько на положительных эмоциях, ассоциациях, и для лингвокультурологии чрезвычайно важно, какие именно образы оказываются привлекательными для представителей той или иной культуры.

Эргонимы и маркировочные обозначения (способы выделения национальных товаров с помощью маркировок типа "Пузата хата"), которые активизировались в последние десятилетия, многое говорят о постсоветских изменениях в ментальности. Встроенная в массовую культуру, реклама активно влияет на создание нового стиля жизни и прививает в обществе гедонистический пафос. Под культурно-маркированными рекламными сообщениями мы будем

понимать те сообщения, с которых мы можем считать информацию о культуре, менталитете, социальных стереотипах данного народа (Курченкова 2000: 87-85).

Исследования фактического материала показали, что тематика косметической продукции, рекламируемой в Японии и Украине, существенно различается. Мы сравнили наиболее популярные женские журналы двух стран (Cosmopolitan № 7, 2013 г. в Украине и ВІТЕКІ №7, 2013 г. в Японии) и обнаружили, что по количеству рекламных сообщений первое место в Японии занимают средства по уходу за кожей лица (ВВ крем, основа под макияж, пудра) – девятнадцать наименований продукции (86,36%). Мы нашли всего две рекламы декоративной косметики (9,09%) и одну рекламу средства по уходу за волосами (4,54%). Рекламу парфюмерной продукции мы не встретили. В то время как в Украине именно парфюмерная продукция является самым рекламируемым товаром – шесть объявлений (60%), а на втором месте декоративная косметика – два объявления (20%), средства по уходу за волосами и кожей лица – по одному объявлению (10% и 10%). Рекламы ВВ крема, пудры и основы под макияж нет ни одной. Для сравнения специально были выбраны журналы одного сезона, поскольку в каждом сезоне свои приоритеты в выборе средств по уходу. На примере этого анализа мы четко видим разницу предпочтений женской половины двух разных культур.

Количество рекламных объявлений тонального крема в японском журнале обусловлено сразу несколькими факторами. Прежде всего, необходимо отметить, что культура обильно пудрить свое лицо уходит своими корнями в феодальный период Японии (1600-1868 гг.). На протяжении многих веков традиция диктовала женщинам, принадлежащим к высшему (правлящему) классу, наносить с утра пудру или, скорее, “тональный крем” в нашем нынешнем понимании. Белая, гладкая и блестящая как жемчуг кожа считалась признаком аристократизма в Японии. Позже, когда пудру стали выпускать косметические компании, и она стала доступна не только высшему обществу, все японские женщины стремились сделать свое лицо “аристократическим”. Эта культура сохраняется и в современной Японии. Еще одним фактором, влияющим на столь интенсивное использование тональных средств в японском обществе – это предостережения ученых о причинно-следственной связи ультрафиолетовых лучей и раковых заболеваниях кожи. Поэтому, несмотря на знойную жару, которая стоит в июле, японки наносят на лицо три слоя защитных средств. Помимо этого, отметим, что в Японии нет культуры загара, что также объясняет желание пользоваться защитными кремами, которые содержат в своем составе и отбеливающие компоненты.

Совершенно противоположным образом складывается ситуация в украинской культуре, и отсутствие тональных кремов в июльском номере журнала тому прямое подтверждение. Летом, в сезон отпусков, украинские женщины стремятся оздоровить кожу лица морской водой, что сопряжено с загаром, поэтому использование тональных кремов в этот период сведено к минимуму.

Лингвокультурологический анализ рекламных текстов мы решили начать со средств фонетического уровня. Анализ исследуемого материала позволяет утверждать, что явление аллитерации (в широком смысле - повторение согласных или гласных в начале близко расположенных ударных слогов) достаточно характерно и для японских, и для украинских рекламных текстов. Например:

"サテンのような肌, さき誇る美しさ"⁸(BITEKI № 7, 2013г.)

В этом рекламном сообщении мы видим повтор さ \sa\ через каждые восемь мор. С точки зрения лингвокультурологии значимым является повторения именно этой моры⁹. Исследования японского ученого С. Макино в области фоносемантики показали, что звук \с\ в японском языке имеет значение "простой, хрупкий, чистый" (Макино 1995), поэтому он очень удачно может использоваться в рекламе именно косметических средств. Кроме того, звук \с\, по мнению ученых, в культурном плане является значимым для японцев, поскольку с этого звука начинается много слов, имеющих отношение к быту, жизнедеятельности, фактам культуры и национального спорта. Например: 寿司\sushi\ суши (японское блюдо: приправленный уксусом вареный рис с рыбой, яйцом, моллюсками и т.д.); 魚\sakana\ рыба (основной продукт питания японцев); 刺身\sashimi\сашими (японское блюдо: нарезанная ломтиками сырая рыба); 酒\sake\ сакэ (рисовая японская водка); 障子\syouzi\ седзи (раздвижная решетчатая дверь в японском доме); 切腹\seppuku\ харакири (способ самоубийства в древней Японии путем вспарывания живота); 尺八\syakuhachi\ сякухати (японский национальный бамбуковый кларнет); 書道\syodou\ японская каллиграфия; 相撲\sumou\ сумо (японская традиционная борьба); さん\san\ сан (суффикс, присоединяемый к имени собеседника для выражения почтения и уважения. Согласно японской культуре общения нельзя обратиться к человеку, не использовав

⁸ "Атласная кожа, цветущая красота"(примерный перевод автора)

⁹ Мора – слог с одной согласной и одной короткой гласной.

этого суффикса с именем), 先輩\sempai\ старший (в японском обществе принято с большим уважением относится к вышестоящему в социуме: на работе, в школе и т.д.), 先生\sensei\ энсэй, учитель, доктор, духовный наставник, адвокат (буквальный перевод этого слова звучит как “прежде рожденный”). Этим словом можно назвать лишь того человека, который достиг больших успехов в сфере своей деятельности и заслужил уважение в обществе.

Следует отметить, что исследования по фоносемантике проводились и для славянской языковой семьи. По мнению А. П. Журавлева звук \a\, например, имеет следующие признаки: «хороший, большой, мужественный, светлый, активный, простой, сильный, безопасный, величественный, яркий, радостный, добрый, могучий» (Журавлев 1991). Это означает, что текст рекламного сообщения компании VICHY: «Абсолютна антивікова сила» - пример удачного словоупотребления именно в украинской лингвокультуре.

В японских рекламных сообщениях очень распространено использование оноματοпозитических выражений. В японском языке, как ни в каком другом, довольно широко представлен данный срез лексики, который отличается точностью описания, лаконичностью, выразительностью, экспрессивностью, емкостью, что придает рекламному тексту не только значительную степень суггесивности, но и отображает способ мышления представителей японской лингвокультуры. Слой этой лексики зачастую является безэквивалентным, сложно поддается переводу, и нуждается в интерпретации носителями языка. Рассмотрим пример рекламного сообщения с использованием ономотопеи:

"つるつるのち輝き肌"¹⁰ (VITEKI №7, 2013г.)

Ролан Барт, первый из семиотиков, исследовавший феномен рекламы, считал, что рекламный текст – это всегда денотативно-коннотативное сообщение. И в отличие от других коннотативных систем, где коннотация всегда скрыта в первичном сообщении, в рекламном тексте именно денотативный элемент всегда требует объяснения. Денотация нужна для развертывания доводов, для натурализации вторичного сообщения, а также его конкретизации (Барт 1989: 145). Оноματοпозитическое выражение つるつる¹¹ в этом рекламном сообщении выполняет, как ни странно, именно конкретизирующую роль. Выражение сопровождается изображением жемчужин рядом с лицом девушки, которое излучает такой же блеск и розоватый

¹⁰ “Гладкая сияющая кожа”. (Примерный перевод автора).

¹¹ Здесь :”гладкий”

оттенок, как и у жемчуга. Мы видим, что производители ассоциируют женское лицо с жемчугом. Потенциальный покупатель понимает, что жемчугом его лицо не станет, но конкретные его свойства, на которые нам и указывает ономактопэтическое выражение つるつる, а именно, гладкость и блеск, приобретет. В этом сообщении можем проанализировать экстралингвистическую стратегию, а именно, использование изображения жемчуга. Мы уже упоминали, что гладкая, светлая и блестящая кожа лица – это идеал для японских женщин. Но частое использование жемчуга в рекламе говорит нам еще и о других фактах жизни Японии. Жемчуг является одним из наиболее любимых и дорогостоящих украшений японских женщин, поскольку добывают его ныряльщицы ама. Пятьдесят лет назад профессия ныряльщиц за жемчугом была в Японии очень популярна. Она позволяла семье безбедно существовать. Благодаря своему труду женщина ама занимает главное место в семье. Они жизнерадостны и уверены в себе. У них нет комплекса приниженности, обычного для японок. Мастерство охоты за жемчугом передавалось от матери к дочери. Первые упоминания о ныряльщицах можно найти в хрониках Китая, датированных концом третьего века до нашей эры, где рассказывается о женщинах на острове Кюсю, добывающих моллюсков с морских глубин. На Японском архипелаге сохранилась легенда о людях-рыбах, датированная первым веком до нашей эры. В ней рассказывается о том, как японские ныряльщицы ама были включены в пантеон сионистских богов. Сейчас ситуация изменилась, и этот труд перестал быть популярным. Самой молодой пловчихе около пятидесяти лет. Они живут уединенно на берегу моря. Каждый год количество женщин занимающихся этим нелегким трудом уменьшается. Ама, скорее всего, через полвека исчезнет как явление японской культуры.

Использование стандарта японских традиционных стихов хайку - это еще один из многочисленных примеров проявления культуры народа в рекламе. Он определяется количеством мор (слог с короткой гласной) в строке: 5-7-5, 7-5 или 7-7 и является естественным и приятным для японцев, поэтому они очень легко запоминают фразы рекламных текстов с использованием этого ритма:

"厚くない,暑く見えない,くずれない"¹²

В украинской рекламе косметики также представлен некий ритм, хотя вряд ли его можно причислить к достоянию культуры. Например:

---

¹² "Невидимая, не блестит, не осыпается". (Примерный перевод автора).

“Всі в захваті від тебе. А ты від Мейбелін”.

Европейские производители косметической продукции, стремясь к экономии, зачастую для стран европейского континента производят единую, стандартизированную рекламу, но для стран Азии, в частности, Японии, ее локализируют, понимая, что: а) это абсолютно иная культура, которую необходимо исследовать для успеха рекламной компании, и б) Япония занимает второе место в мире по количеству использования косметической продукции. В подтверждение наших слов проанализируем следующее рекламное сообщение фирмы Lancôme для Украины и Японии. Мы сравнили рекламу омолаживающей сыворотки фирмы Lancôme в японском журнале ВІТЕКІ (№7, 2013 г.) и ту же рекламу в журнале COSMOPOLITAN в Украине (№ 6, 2013 г.).

Корпорация Lancôme остановилась на концепции единого визуального изображения, что говорит о схожести в представлениях о канонах красоты как в Японии, так и в Украине, но вербальный компонент разнится в некоторых существенных моментах.

Первое, что бросается в глаза – это способ подачи ожидаемых результатов после использования продукции. В японском тексте предполагаемые эффекты просто перечислены, а в украинском варианте представлены в процентном соотношении. Это связано, прежде всего, с японским законодательством, которое запрещает обещать какой-либо результат, чего не запрещает законодательство Украины, а проценты выглядят куда убедительнее, указывая на то, что проводились дополнительные исследования. Присутствие текста с использованием цифр, которые указывают на количество дополнительных исследований, говорят нам о некотором скептицизме в настроениях украинских женщин, который маркетологи подобным образом стремятся устранить. Продукт довольно дорогой для украинского потребителя, и нужно быть достаточно уверенным в его эффективности, чтобы позволить себе его приобрести. Подобный скептицизм связан еще и с горьким опытом раннего постсоветского периода, когда большинство товаров было очень низкого качества. В Японии подобного периода в жизни страны не было, поэтому маркетологи сосредоточились непосредственно на эффектах, соответствующих предпочтениям женщин Страны восходящего солнца. Перечень обещаемых результатов существенно разнится. Эффекты, предлагаемые в японской рекламе, можно перевести так: “сияние, разглаживание мелких морщинок, легкость, гладкость, глянец, нежность, эластичность, мягкость, упругость, увлажненность”. В украинском варианте те же самые восемь эффектов звучат следующим образом: “разглаживание неглубоких морщин,

разглаживание глубоких морщин, сияние, чистота, ровность тона, текстура, эластичность, тон, упругость, подтянутость”. В японском тексте – на приоритетном месте стоят “сияние и разглаживание мелких морщин”, в украинском – “разглаживание глубоких и неглубоких морщин”. Исходя из этого, мы можем наблюдать разницу предлагаемых эффектов, что свидетельствует о том, что для успешной рекламной компании продукция была локализована с учетом предпочтений потенциального потребителя. Продукт рассчитан на женщин в возрасте от 25 до 50 лет. Маркетологи компании, видимо, хорошо осведомлены об особенностях кожи лица азиатских женщин, которая славится своей способностью сохранять молодость гораздо дольше, чем у европейских женщин, и к пятидесяти годам у них появляются лишь мелкие морщинки. Украинским же красавицам к пятидесяти годам приходится бороться уже с глубокими морщинками, что находит свое отражение в тексте рекламы.

Рекламные тексты первыми отражают новые слова, которые попадают в речь. С одной стороны, с помощью объявлений производители сообщают об изобретениях в своей области, что приводит к непосредственному использованию такой лексики. Анализ заимствований дает основания говорить, что иногда они приобретают дополнительные оттенки значений. Сам факт новых лексических поступлений в язык является, без сомнения, признаком ее развития. Однако чрезмерное их употребление, в частности в рекламе, является нежелательным, поскольку это может стать причиной засорения языка, а также вызывать непонимание текста сообщения потребителем (Takashi, 1990: 56). Например:

"輝きのナチュラルヘルシー グロウ 肌"¹³ (ВІТЕКІ №7, 2013г.)

В этом примере этимологическим омонимом *グロウ* могут быть отражены два заимствованных из английского языка слова "grow" и "glow". Специфика японского языка такова, что звук *\p* и *\l* транскрибируются как *\p*. Какое именно слово было использовано в этом случае становится понятным лишь из объяснения на странице рекламного сообщения. Реклама служит своеобразным проводником иноязычного влияния. Иноязычные слова, которые для носителя языка лишены внутренней формы, создают ореол притягательной таинственности. В последние десятилетия японский язык, как и японское общество в целом, претерпевает метаморфозы европеизации и американизации. Язык рекламы отчасти отображает засилье инокультурного присутствия во всех сферах жизни японцев. Среди молодежи этот факт

¹³ “Натуральная, здоровая, сияющая кожа”(Примерный перевод автора).

приветствуется и всячески культивируется, чего нельзя сказать о поколении шестидесятилетних людей, которые не владеют английским в той степени, чтобы понимать японскую речь, наполовину состоящую из заимствованных слов. В современной Японии этот вопрос сейчас стоит очень остро.

Украина, находясь к Европе гораздо ближе, чем Япония, тем более подвержена влиянию мировых тенденций. В современных условиях, когда страна стремится стать частью европейского пространства, она не столько подвержена, а, скорее, намеренно стремится примерить на себя новый образ европейского государства. В современной украинской рекламе широкое распространение получило выделение части слова, целого слова или рекламной фразы латиницей, что, безусловно, связано как с интернационализацией общения, так и с повышением предлагаемого товара в ранге с помощью подчеркивания его иностранного происхождения. Например: “Idealia BB Крем” (COSMOPOLITAN № 3, 2013).

Исследовав данный материал, можем отметить, что реклама состоит отнюдь не только в продвижении товаров на рынке и стимулировании покупок; она оказывается чрезвычайно значимой, с одной стороны, для формирования образа жизни и мировоззрения, а с другой стороны, для его отображения. Поэтому есть возможность на рекламном материале проследить особенности современных предпочтений во многих жизненных сферах, что значимо для целей лингвокультурологии как особой междисциплинарной науки .

Основываясь на проведенных лингвокультурологическом и сопоставительном анализах японских и украинских рекламных сообщений, можем отметить, что в современном языке рекламы, мы можем найти проявление фактов культуры, которые насчитывают десятки, а иногда и сотни лет.

В этих двух столь разных лингвокультурах представлены некоторые общие тенденции рекламных стратегий. Например, аллитерация представлена и в украинских, и в японских текстах, а исследования в области фоносемантики помогают нам понять закономерность использования тех или иных звуков в данной лингвокультуре. Большое количество заимствований в языке рекламы говорит о процессе глобализации как японского, так и украинского общества. Присутствие в японских текстах рекламы ритма традиционных стихов хайку говорит о высокой духовной культуре этого народа и его любви к национальной литературе. А наличие большого количества цифр в украинских рекламных текстах указывает

на такую национальную черту характера как скептицизм и желание “семь раз отмерить, прежде чем отрезать.”

К сожалению, до сих пор рекламная деятельность как феномен культурной жизни народов не находит всеобщего признания и не становится предметом глубокого научного анализа. Рекламная коммуникация может служить инструментом сохранения традиции и культурного наследования в рамках каждой из лингвокультур. Сравнительное изучение национально-маркированных языковых единиц, представленных в текстах современной рекламы, дает богатый материал для межкультурных исследований. Шаг за шагом, анализируя каждый рекламный текст, его вербальные и невербальные компоненты, мы можем проследить культуру народа в том или ином ее проявлении, продвинуться в понимании социальной природы как отдельного человека, так и общества в целом.

Литература

- АБРАМОВ, С.Р., 1993, *Интертекстуальность как конституирующий признак и условие сосуществования семиотических систем//Интертекстуальные связи в художественном тексте*, Межвуз.сб.науч.тр., Санкт Петербург: Образование.
- АВРОРИН, В.А., 1975, *Проблемы изучения функциональной стороны языка*, Ленинград: Наука.
- БАЙБУРИН, А.К., 1988, *Некоторые вопросы этнографического изучения поведения поведения*, Москва: Наука.
- БРОМЛЕЙ, Ю.В., 1973, *Этнос и этнография*, Москва: Наука.
- БАРТ, Р., 1989, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, Москва: Прогресс.
- ВАСГЕРБЕР Й.Л., 2004, *Родной язык и формирование духа*. Изд. 2-е, испр. и доп., Москва: Едиториал УРСС.
- ВЕЖБИЦКАЯ А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва: Русские словари.
- ВЕРЩАГИН Е.М., КОСТОМАРОВ В.Г., 2005, *Язык и культура*, Москва : Индрик
- ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Л.Б., 1985, *Лингвострановедческая паспортизация лексики.*- Москва: изд-во МГУ.
- ВОРОБЬЕВ, В.В., 1997, *Лингвокультурология: теория и методы*, Москва: изд-во РУДН.
- ГУМБОЛЬДТ В., 1984, *Избранные труды по языкознанию*, Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/07/10/767>

- ЖУРАВЛЕВ, А.П., 1991, *Звук и смысл*, Москва: Просвещение.
- ЗИЛЬБЕРТ, Б.А., 1986, *Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты*, Саратов: изд-во СГУ.
- КАРАСИК, В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград: Перемена.
- ЛОТМАН, Ю.М., 1992, *Избранные статьи по семиотике и типологии культуры*, Таллин: Александра.
- ЛАКОФФ ДЖ., 2004, *Метафоры, которыми мы живем*, Москва: Едиториал УСРР
- МАСЛОВА, В.А., 2001. *Лингвокультурология*. Москва: Академия.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б., 1996, *Социальная лингвистика: Пособие для гуманитарных вузов и учащихся лицеев*, Москва: Аспект Прогресс.
- СОРОКИН, Ю.А., 1988, *Текст и его национально-культурная специфика*, Москва: Наука.
- СЕПИР Э., 1993, *Избранные труды по языкознанию и лингвокультурологии*, Москва: Издательская группа “Прогресс”.
- ГАРАН, Е.П., 2009, *автореферат дис. на тему: Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса: на материале русского и английского языков*, Ростов-на-Дону.
- КУРЧЕНКОВА, Е.А. 2000, *дис. на тему: Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английского и русского языков)*, Волгоград.
- МАКИНО СЕИЧИ, 1995, *Uchi to soto no Gengo bunkakagaku*, Ch.14
- ТАКАШИ КYOUKO, 1990, *A functional analysis of English borrowings in Japanese advertisements*. Ph.D. dissertation in Gortgetown University, Washington D.C.
<http://olgworld.com/ama-nyiryalshhitsyi-za-zhemchugom/>
- COSMOPOLITAN в Украине №1-12, 2014 г.
- VOGE №12, 2011г.
- ВІТЕКІ №7, 2013г.

Kravets Ekaterina

Kiev National Linguistic University, Kiev, Ukraine

Research interests: cultural linguistics, semiotics, text linguistics, semantics, syntax.

ADVERTISING TEXTS AS A CULTURAL PHENOMENON (BASED ON THE JAPANESE AND UKRAINIAN LANGUAGES)**Summary**

This article analyzes selected advertising texts from the perspective of cultural linguistics. Based on the results of the thematic analysis, which shows that the most frequently advertised products are items of cosmetics and perfumes, and according to the material of the Japanese and Ukrainian advertising texts in the field of cosmetology, the author discloses the specifics of linguistic and extra-linguistic strategies. The core of this research is the analysis of culturally-marked advertising messages in order to establish correlations between the language of advertising and the parameters of the mentality and linguistic culture of the two nations. The author investigates the most commonly used models of advertising texts and concludes that global trends in the development of advertising are based on the standardization of advertising ideas. However, along with the unification of advertising communication, there is the tendency towards the differentiation, the localization of advertising and, towards the perception of the identity of a people and its culture in advertising discourse. Therefore, a comparative study of the nationally marked language units presented in the texts of modern advertisements provides a wealth of material for cross-cultural research on advertising.

KEY WORDS: cultural linguistics, advertising message, the localization of advertising, the cultural component

Jekaterina Kravec

Kijevo nacionalinis lingvistikos universitetas, Ukraina

Moksliniai interesai: kalbinė kultūrologija, semiotika, teksto lingvistika, semantika, sintaksė

LINGVOKULTŪROLOGINIAI REKLAMINIO TEKSTO INTERPRETACIJOS ASPEKTAI

(analizuojama medžiaga japonų ir ukrainiečių kalbomis)

Santrauka

Straipsnyje reklaminiai tekstai analizuojami lingvistinės kultūrologijos aspektu. Pagrindinis atliekamo tyrimo turinis – reklaminių tekstų, kuriuose yra kultūrai būdinga informacija, analizė siekiant nustatyti reklamos kalbos koreliaciją su dviejų tautų mentalitetu bei kultūra. Tyrimo metu nustatyta tarpkalbinė reklaminių tekstų simetrija ir asimetrija bei daroma išvada, kad globali reklamos kalba tampa vis labiau standartizuota, tačiau pastebimas ir priešingas procesas: reklamos kalbos lokalizacija, t.y. reklaminiame diskurse akcentuojama tautos tapatybė, kultūra. Reklamos kalba yra neatsiejama kultūros dalis, kuri atspindi tautos tapatybę, išskirtinius jos bruožus, formuoja kalbinę kultūrinę savimonę. Dauguma žmonių, nors ir suvokia, kad kitų kultūrų atstovai vadovaujasi savitomis gyvenimo nuostatomis, nesuvokia savęs kaip savo kultūros produkto. Gyvendamas savo kultūros aplinkoje, žmogus ją priima kaip vienintelę teisingą. Kultūrinių skirtumų atpažinimas įmanomas tik tiesioginio kontakto su kita kultūra metu. Apibendrinant, reklaminiai tekstai, kuriuose naudojamos kultūrinės nuorodos, tai puiki medžiaga tarpkultūriniais tyrimams.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: lingvistinė kultūrologija, reklamos tekstas, reklamos lokalizacija, kultūrinis komponentas.

Людмила Кравцова

Каунасский технологический университет

Факультет социальных, гуманитарных наук и искусств

Mickevičiaus g. 37, 44244 Kaunas

Тел. 8 615 18442

E-mail: liudmila.kravcova@ktu.lt

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, теория перевода

ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ЗЕРКАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА (ПО ДАННЫМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI ВЕКА. АКТУАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА)

В статье анализируются словарные дефиниции и примеры употребления существительных, обозначающих лиц по партийной и мировоззренческой принадлежности в современном русском языке. Обозначения лиц по их мировоззренческой и политической позиции, отраженные в словарях различных периодов российской общественной жизни, демонстрируют изменения, происходящие в национальном языке.

Названия политических партий, представленные в «Толковом словаре русского языка начала XXI века», широко отражают политическую палитру конца прошлого — начала нынешнего века. Наибольшую по численности группу составляют номинации с общим компонентом «отношение к коммунистической идее». Число номинаций с компонентами «демократический», «либеральный» в данном словаре значительно уступает количеству слов с компонентом «коммунистический», «национальный».

В целом Толковый словарь русского языка начала XXI века отразил современные политические актуальности и «гражданскую войну слов». Механизм изменения картины мира связан с включением в нее новых элементов (слов в лексикон) и изменением оценочных коннотаций ряда слов. Политическая жизнь страны представлена в данном словаре гораздо богаче, чем у его предшественников и «собратьев». Гипертекст словаря позволяет судить о национальной и коммунистической идеях как доминирующих красках этой палитры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: существительные со значением лица, лексема, национальный язык, языковая картина мира, политическая партия, дискурс публичной коммуникации, денотат, синонимия.

После распада СССР политическая жизнь страны с однопартийной системой претерпела огромные изменения. Обозначения лиц по их мировоззренческой и политической позиции демонстрируют эти изменения, что отражается в словарях различных периодов российской общественной жизни, ведь словари фиксируют изменения в национальном языке, т. е. в той части культурного багажа нации, которая, с одной стороны, достаточно неизменна, а с другой — ярко отражает общественные процессы, влияющие на коллективное сознание носителей культуры.

Объектом предлагаемого исследования являются существительные со значением лица, зафиксированные в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» 2008 г. (далее САЛ), а именно обозначения лиц по их партийной принадлежности. По словам составителей данного словаря, его объектом «является та часть современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные процессы последних лет XX—XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на **языковое сознание его носителей**» (выделено нами — Л. К.) (САЛ XXI: 6).

Названия политических партий, представленные в САЛ, отражают политическую палитру конца прошлого — начала нынешнего века, при том, что некоторые политические движения к сегодняшнему дню уже ушли с политической арены. Наибольшую по численности группу (около 40 словарных статей) составляют номинации с общим компонентом «ориентация на коммунистическую или националистическую идею»: *большевики, зюгановец, зюгановцы, коммунист, коммунистка, коммунисты, нацбол, национал-большевик, лимоновцы, национал-патриот, красные, красный, левые, левый, ленинец, сталинист и др.*

Мы специально приводим все грамматические формы числа, данные в словаре, для демонстрации того, что далеко не у всех номинаций наблюдается полный набор этих форм. Данное обстоятельство при чтении словаря как гипертекста создает впечатление о весомости определенной партии или течения. Для сравнения: в словаре Ожегова (1984) таких слов значительно меньше (8 словарных статей).

Объединение коммунистической и националистической ориентации произведено нами на основе данных САЛ – дефиниций или иллюстративного материала. Отметим, что некоторые толкования не могут дать современному носителю русского языка представления о денотативном классе, соотносимом с той или иной номинацией. В таких случаях нужен более широкий контекст знаний, что в целом компенсируется в САЛ иллюстративным материалом.

Не имея возможности подробно остановиться на каждой номинации, мы ограничимся анализом наиболее знаковых из них. Начнем со слова **коммунист**, которое САЛ определяет как *«члена коммунистической партии; последователя коммунистической идеи»*. В Словаре Ожегова (1984) представлено только толкование *«член коммунистической партии»*, что видимо, отражает ситуацию, когда главное социально значимое деление общества представлялось в терминах *партийный – беспартийный*. Коммунистом считался только член КПСС. Современная ситуация в России, отражаемая в дискурсе публичной коммуникации, свидетельствует о том, что сегодня коммунистами полагают себя люди, формально не являющиеся членами КПРФ. Происходит размежевание понятий *«член коммунистической партии»* и *«приверженец коммунистической идеи»*: *«Коммунистическая партия не справляется со своими коммунистическими обязанностями. Со своими — справляется, а с коммунистическими — никак! И это понятно. Во-первых, далеко не все члены партии — коммунисты, членов партии гораздо больше. Во-вторых, коммунизм — это мировоззрение. Ни в одной стране мира, где есть демократия, мировоззрение не является поводом для получения зарплаты»* (Задорнов, онлайн).

«Я коммунист не по билету, я коммунист по убеждению!» (Шубкин 2011, онлайн), – очевидно, в структуре значения слова *коммунист* происходит расщепление, что в некоторой степени отражает САЛ. Вместе с тем, этот семантический процесс отражает, во-первых, отношение к деятельности современной КПРФ, которая, по мнению некоторых, не защищает основную идею *«возврата в России советской власти и социализма»* (Коммунист Шубкин – Геннадию Зюганову: *«Во имя спасения партии оставьте престол»*) (Шубкин 2011, онлайн), а во-вторых, заставляет думать, что возможно расщепление не только лексических единиц, но и партийных структур. Так, в 2012 году зарегистрирована политическая партия *«Коммунисты России»*, что свидетельствует о том, что изменения реальности подготавливаются дискурсивными практиками, в которых декларируется идея несоответствия употребления слова его изначальному содержанию.

Во втором значении САЛ приводит форму только множественного числа – *коммунисты* - для названия партии КПРФ, что отражает речевую практику обозначения партий России: «*Коммунисты отказались сдавать подписи в поддержку своих кандидатов на пост губернатора Новгородской и Амурской областей*» (<http://lenta.ru/news/2012/08/07/deuxregions/>). То есть, согласно САЛ, номинация **коммунисты** при описании современной политической жизни прилагается только к членам КПРФ и является точным синонимом названной аббревиатуры.

В анализируемой подгруппе обращают на себя внимание имена, имеющие отдельные словарные статьи: *зюгановцы, зюгановец*. «**Зюгановцы** — сторонники Зюганова, члены КПРФ» (САЛ). Именованье партии по лидеру — сложившаяся в русской речевой практике традиция, ср.: *ленинцы, мартовцы, троцкисты, сталинцы*. Видимо, подобные наименования обрастают соответствующими коннотациями, чей знак обусловлен исторической трактовкой роли той или иной персоны. На современном этапе существования русского языка лексема *зюгановцы* вписывается в ряд аналогичных номинаций лиц: *жириновцы, явлинцы, лимоновцы, путинцы*. Наличие подобных номинаций в достаточно большом количестве свидетельствует о том, что выбор общественно-политической платформы может осуществляться лицом не только на основе идеологических установок, но и на основе приверженности политическому лидеру. Для наших исследовательских целей ясно, однако, что лексема *коммунисты* и лексема *зюгановцы* не находятся в отношении полной семантической эквивалентности. Вторая лексема содержит дополнительный компонент: «сторонники Зюганова».

Такое именованье лица по его политической принадлежности отражает и своеобразное противоречие в политической жизни современной России: с одной стороны, ориентация на руководителя (поэтому партия метонимически представляется не через программу, а через «вождя»), а с другой — возможный раскол внутри партии, когда ее члены могут пойти за другим партийным деятелем: «*Таким образом, разрыв между „болдыревцами“ и „явлинцами“ в Законодательном собрании существенно уменьшился*» (некогда название партии «Яблоко» было составлено из имен ее руководителей — Явлинского, Болдырева, Лукина); «*Коммунисты-незюгановцы не одобряют такой союз*» (<http://polit.ru/article/2006/04/10/als/>). Пока это явление раскола по «лидерам» не коснулось ЛДПР – партия очень прочно ассоциируется со своим вождем (*жириновцы*).

Остановимся на группе слов, которая не соотносится с названием партии, но, тем не менее, содержит компонент «отношение к коммунистической идее». Это экспрессивные обозначения лиц, являющиеся по сути «чужим словом», то есть номинацией, исходящей из уст тех, кто эту идею или ее современных носителей не приемлет: *коммунофашисты, красные, красно-коричневые, красно-коричневый, коммуняка*. Так, **коммуняка** определяется в САЛ как «разг. презрит. Коммунист, сторонник коммунистической идеи: „Так будет и дальше, пока всем заправляют перекрасившиеся коммуняки“ (Огонек, 2002 № 26)». В дискурсе публичной коммуникации слово высокочастотно: «Коммуняки — люди, считающие себя последователями коммунистических идей. В основном, имеют об этих идеях весьма туманное и искаженное представление, ограничивающееся любовью к советскому прошлому» (<http://lurkmore.to/>). В доперестроечных изданиях словаря Ожегова, естественно, такого слова не существовало. Однако оно встречается в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова и даже в двуязычных словарях: «Большом итальянско-русском, русско-итальянском», «Универсальном словаре английского языка». В словаре синонимов приводятся два эквивалента к слову *коммуняка*: *коммунист* и *совок* (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/64017).

Коммуняка сегодня используется и для названия блогов (Блог коммуняка) и сайтов, видимо, с целью бросить вызов презрительному отношению к членам денотативного класса, обозначаемого этим словом. Интересны попытки известного писателя А. Зиновьева разграничить, с одной стороны, понятия *коммуняка* и «западняки», а с другой — *коммуняка* и *коммунисты*: «*Коммуняки* суть люди, которые из поколения в поколение выращиваются в условиях коммунистической социальной организации и приспособлены жить в условиях реального коммунизма. *Западняки* же суть люди, которые из поколения в поколение выращиваются в условиях западнистской социальной организации и приспособлены жить в условиях реального западнизма. ... *Коммунисты*. Надо различать коммуняк и коммунистов. *Коммунисты* появились задолго до того, как возникли общества с коммунистическим социальным строем — реальный коммунизм. *Коммунизм* в нашей стране строили коммунисты. Многие коммунисты становились коммуняками и многие коммуняки — коммунистами» (<http://vif2ne.ru/nvz/forum/archive/24/24506>).

Все эти примеры демонстрируют, что *коммуняка* действительно является весьма «актуальным» в лексиконе политической коммуникации, и размышления над феноменом

денотативного класса, соотносимого с этим словом, продолжают. Экстенционал *коммуняк* то приравнивается к экстенционалу *коммунистов*, то эти понятия разграничиваются. В таком случае мы уже не можем говорить о чисто стилистической синонимии между *коммунистом* и *коммунякой*.

Слово **коммунофашист** (коммуно-фашист) в САЛ трактуется как «сторонник коммунофашистской идеологии; в свою очередь, коммунофашистский — связанный с идеологией фашизма, проповедующей расизм, шовинизм, ориентированный на репрессивный режим, и т. п. и поддерживаемый некоторой частью коммунистов. Того, что случилось в октябре 93-его года в мирное время, Россия не знала с незапамятных времен. Это был коммуно-фашистский мятеж, Руцкой, Хасбулатов и их пособники хотели ввергнуть Россию в гражданскую войну. Так объяснил народу президент Ельцин». Из данного текста явствует, что лексема изобретена в ходе гражданского противостояния и может быть словом-фантомом, т. е. не иметь реального денотата: как известно, ни Руцкой, ни Хасбулатов не были ни расистами, ни в целом шовинистами. Вместе с тем речь идет о вполне конкретном явлении — заигрывании левых сил, коммунистов, с националистическими движениями: «В эпоху „лихих девяностых“ в российском так называемом „коммунистическом движении“ имела место мода на сотрудничество с националистами в борьбе против Ельцина. За эту готовность вести диалог с крайне реакционными силами наши „коммунисты“ получили от либералов обидные прозвища „красно-коричневых“ и „коммуно-фашистов“» (<http://buntar1917.livejournal.com/17435.html>).

А вот определение этого слова из «Толкового словаря либерал-демократического новояза», составленного явным противником либеральных движений: «Коммунофашизм. Термин, введенный сторонниками олигархофашизма для коммунистов, чтобы сбить с толку народ. Классический фашизм — диктаторская форма правления ставленника олигархии — вождя, с использованием идеи о неполноценности остальных народов, которые можно и нужно превращать в рабов избранного народа. Коммунизм всегда исповедовал общенародную собственность, равенство народов и взаимопомощь, являлся главным врагом фашизма» (<http://www.dpla.ru/PolitAnalit/290403.htm>). Как видим, русский язык весьма креативен в области создания слов со значением политической ориентации и форм власти. Правда, эти слова обладают ярко выраженной оценочной коннотацией, что, впрочем, по словам А. Вежбицкой (Вежбицкая 1996), соответствует эмоциональности как характеристике русского языка в целом. Отмечая множественность номинаций со значением политической ориентации, Л. К. Граудина и

Е. Н. Ширяев указывают на продолжение советской традиции в выражении ненависти к политическим оппонентам, звучащей из разных лагерей: «Нужно отметить, что в известном смысле биполярность оценочного поля в печати сохранялась и в дальнейшем, так как газеты, 0, политических сил в стране, где в разное время противоборствовали „демократы“ (или „дерьмократы“ в номинационной трансформации оппонентов) и „коммунисты“ („коммуняки“), „реформаторы“ и „консерваторы“, „левые“ и „правые“ (а затем „правые“ и „левые“ в традиционном значении этих политических терминов), „демократы“ („демофашисты“) и „национал-коммунисты“ („национал-патриоты“, „коммунофашисты“, „красно-коричневые“), „правительство“ (ВОР — временный оккупационный режим) и „парламент“ („нардепы“) и т.д.» (Граудина, Ширяев 2006, онлайн).

Остается отметить неопределенность денотата рассматриваемой номинации (непонятно, кого же все-таки можно включить в класс *коммунофашистов*) и ее экспрессивный характер, эффективно используемый для дискредитации политических оппонентов в силу безоговорочно негативной для русского сознания коннотации слова *фашист*. Если оценивать эффективность этого термина в политических технологиях, то, видимо, следует признать его удачным, так как здесь удваиваются отрицательные коннотации, существующие для определенной части общества не только у слова *фашист*, но и у слова *коммунист*.

Практически точным синонимом к вышеописанной экспрессивной номинации является изобретенное также в начале 1990-х гг. слово *красно-коричневые/красно-коричневый*, по определению САЛ - «полит. неодобр. Совокупность организаций и движений национал-коммунистической ориентации». Небезынтересно толкование этого слова в словаре С. А. Кузнецова (1998) — оно дается так, что даже его окраска остается невыявленной: «Разг. В современной России: о тех, кто придерживается коммунистических и патриотических взглядов. Митинг красно-коричневых». _Включение еще не утратившей своей положительной коннотации лексемы *патриотический* в толкование и делает окраску данного слова крайне неопределенной. Кстати, после последних выборов в России в ходу появился и новый сложный термин — *красно-оранжевые*. «Не случайно красных стали называть красно-оранжевыми, клея к ним ярлык агентов Госдепа» (<http://ruscesar.livejournal.com/526341.html>).

Число сложных номинаций, обозначающих лица по политической принадлежности, увеличивается не только за счет прилагательных, но и существительных, составные части которых до определенного времени обладали противоположно окрашенными коннотативным

семами. Так, первая часть слова *национал-патриот* ассоциируется с первой частью термина *национал-социализм*. Вторая же часть — *патриот* — до недавнего времени являлась словом с позитивной коннотацией. САЛ предлагает толкование, которое эксплицирует отрицательную коннотацию имени **национал-патриот**: «полит., неодобр. представитель, сторонник национал-патриотизма, ура-патриот. Национал-патриотизм — полит. Неодобр. Идеино-политическое движение конца 80—90-х годов, выступающее за сохранение национальных, исторических ценностей России на почве крайнего национализма». Лексемы *красно-коричневый* и *национал-патриот* могут вступать в отношения кореферентности: «Русский национализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных. ... В девяностые, если вы помните, в стране имелись только две силы: „демократы“ и „патриоты“, они же „красно-коричневые“ (Крылов 2010, онлайн).

Национал-патриотами в современной России сначала именовались в основном этнические националисты, группировавшиеся вокруг объединения «Память» и журнала «Наш современник». Однако в 1990-х гг. у слова *национал-патриоты* расширился объем денотативного класса: термины «национал-патриотический» и «национал-патриоты» стали употребляться не только по отношению к русским этническим националистам, но и к российским имперским государственным деятелям. В сборнике под редакцией А. Верховенского «Русский национализм: идеология и настроение» (Русский национализм... 2006) приводятся названия партий, которые можно отнести к национал-патриотическим — 12 партий, среди которых и ЛДПР. Во многих случаях названия партий являются говорящими, например: *Партия национального возрождения „Народная Воля“ (ПНВ НВ), Народно-патриотическая партия России (НППР) генерала Игоря Родионова, Евразийская партия — Союз патриотов России (ЕП—СПР)*. То есть, денотативный класс имени *национал-патриот* весьма широк по своему экстенционалу. Если учесть, что в качестве синонима к слову *национал-патриот* приводится слово *великодержавник* (Словарь русских синонимов), становится понятно, что значительная часть населения страны, желающая восстановления ее в прежних границах, может быть подведена под эту номинацию. Слово входит и в двуязычные словари: «Большой немецко-русский и русско-немецкий», а также в «Большой испанско-русский и русско-испанский словарь».

К рассматриваемой подгруппе могут быть отнесены слова, имеющие одинаковую референцию — *национал-большевик, нацбол* (сокращение первой номинации), *лимоновец*.

Согласно «Википедии», «некоторые исследователи считают, что первоначально считавшаяся радикально националистической, НБП позднее обрела имидж более „левой“ организации, активно сотрудничающей с либералами. Согласно мнению самих нацболов, НБП является партией радикального антицентризма, „абсолютно ‘правой’ и бесконечно ‘левой’“ одновременно» (<https://ru.wikipedia.org/wiki>). 10 июля 2010 г. на учредительном съезде бывшие члены Национал-большевистской партии создали новую партию, «Другая Россия», которая, как известно, объединяет тех, кого принято считать представителями демократических сил. Поэтому название партии национал-большевиков на сегодняшний день можно считать скорее условным, сохранившимся с момента ее создания, и более точным по отношению к тем, кого принято по старой памяти называть *нацболами*, является наименование *лимоновцы*. В 1999 г. нацболы вбросили в массы эпатажный лозунг «Завершим реформы так — СТАЛИН! БЕРИЯ! ГУЛАГ!», что приводит нас к новой номинации — *сталинист*. Как говорилось выше, номинация членов какого-то политического движения предполагает, что синонимия терминов (например, *нацбол/лимоновец*) может быть временной, и в случае разногласий внутри партии один из терминов сузит объем своего значения, т. е. экстенционал денотативного класса. В данном случае появляются лозунги «Национал-большевизм без Лимонова».

В словаре Т. Ф. Ефремовой приводятся два значения этого слова, второе из которых подробно описывает историю термина: 1. *Направление в политике и идеологии, сочетающее идеи большевизма и национализма [национализм 1.]*; 2. *Переход от утопических мечтаний о мировой революции к решению задач национального строительства, к возрождению хозяйства, промышленности, к борьбе с голодом, разрухой (сторонники такого направления были и за границей, как „красный“ граф А. Толстой, которые возвращались на Родину, и внутри СССР — они переходили от пассивного отрицания режима к сотрудничеству с ним, работали в самых разных советских учреждениях, в том числе и в военных) (в начале XX в. в СССР)*. Словарь Т. Ф. Ефремовой отсылает к материалу из Википедии, в котором дается следующая справка: «*Национал-большевизм (НБ) — политико-философская парадигма, возникшая в среде русской эмигрантской интеллигенции и военных, а также в интеллигентских и других общественных кругах Германии, суть которой заключалась в попытке осознать с позиций государственничества и державостроительства смысл произошедшей в России Октябрьской революции и пришедших к власти большевиков. Термин введен Эрнстом Никишем [Национал-большевизм]*». Столь подробный экскурс в историю слова проясняет его денотативную

отнесенность: *национал-большевик* соотносится как с членами незарегистрированной организации, провозглашающей себя политической партией — Партией национал-большевиков, так и с исторически сложившимся политическим течением, симпатизирующем большевизму прежде всего в лице Сталина, занятого, по мнению сторонников, национальным строительством. Национал-большевиками называют и представителей КПРФ («зюгановцев»): «В своем восхищении „национал-большевизмом“ эмигрантские интеллигенты сильно опередили события. Только сейчас, во „втором издании“ КПРФ под руководством Г. А. Зюганова, коммунистам удалось, кажется, окончательно изжить „скверну интернационализма“, стать полностью национал-большевиками» (Гайдар 2009, онлайн).

Как уже говорилось выше, лексема *национал-большевик* связана по смыслу с лексемой *сталинист* на том основании, что многие симпатизирующие указанной партии позиционируют себя сторонниками сталинизма. Дефиниция слова *сталинизм* в САЛ неизбежно вызывает отрицательные коннотации, поскольку слова, входящие в толкование — *террор, репрессии* — обладают ярко выраженной негативной окраской. Интересно, что ни в словаре Т. Ф. Ефремовой, ни в словаре С. И. Ожегова слова *сталинист* нет. Его отсутствие в первом источнике объяснить трудно, а во втором это слово, как и *сталинизм*, не было включено, скорее всего, вследствие нежелания официальных властей советской эпохи акцентировать в сознании носителей языка сомнительную страницу истории, которая оценивается по-разному. Интересно современное толкование термина *сталинизм*, приводимое в Википедии: «*Сталинизм — политическая система государственного управления и идеология, существовавшие в СССР в конце 20-х — середине 50-х годов XX века. По некоторым сведениям, термин был впервые использован Л. Кагановичем [источник не указан 755 дней] для обозначения формы, получившей теоретическое развитие при И. В. Сталине, от имени которого образован*». Это толкование лишено какой-либо оценочности и помогает понять, почему такая политическая система может находить своих сторонников.

Сталинизм — не обозначение политического течения, это обозначение взгляда на путь развития России. В отличие от предыдущих политических терминов, *сталинист* имеет антоним *антисталинист*, также отмеченный в САЛ. Лексема *антисталинист* представлена и в словарях Д. В. Дмитриева (2003) и С. А. Кузнецова (1998). В словаре Т. Ф. Ефремовой это слово отсутствует. Наличие в словарях антонимов, обозначающих противоположные политические течения, развитие противоположных коннотаций у одних и тех же слов — это «гражданская

война слов» (Менцель 2006), которая отражает противостояние позиций в обществе, характерное для современной ситуации; ранее подобные явления не фиксировались в лексикографических источниках. «Гражданская война» поддерживается на лексическом уровне группой слов с приставкой *анти* — эти слова отражают как локализованное во времени противостояние сил (состояние умов 90-х гг. прошлого века), так и в целом характерное для России вечное противостояние взглядов на выбор пути: *ельцинист* — *антиельцинист*; *демократ* — *антидемократ*; *коммунист* — *антикоммунист*; *антисоветчик* — «*настоящий советский человек*».

Число номинаций с компонентами «демократический», «либеральный» в САЛ значительно уступает количеству слов с компонентом «коммунистический», «национальный». Говоря о названиях лиц по принадлежности к партиям демократической приверженности, прежде всего упомянем «Яблоко» и «СПС» (Союз правых сил). *«Обе партии объединяет приверженность таким базисным принципам либерализма, как свобода личности, право частной собственности, конкурентная рыночная экономика и т.д.»* (Митрохин 2001, онлайн). Насколько название партии отвечает ее политической линии? Вот мнение члена партии «Яблоко» Сергея Митрохина: *«Но вначале - о терминах. Насколько к политическому лицу СПС применимо понятие "правые"? В исторической традиции "правыми" всегда считались консерваторы, охранители. Во времена революций (французской, российской, да и любой другой) "правыми" назывались монархисты. В Веймарской республике так называли национал-социалистов, а во времена нашей перестройки - коммунистов. Сегодня коммунисты с их великодержавными (то есть традиционно правыми) взглядами считают себя "левыми", а интернационалисты из СПС - "правыми". То, что у нас называют "центром", группируется вокруг "Единства", чьи голосования в Думе по социальным и экономическим вопросам намного "правее" голосований СПС. Избежать этой путаницы позволяет гораздо более простая и реалистичная классификация наших партий в соответствии с их отношением к политическому режиму, сложившемуся сегодня в России. По этому критерию среди сил, представленных в Государственной Думе, можно выделить коммунистов, бюрократов и демократов»* (Митрохин 2001, онлайн). Отметим, что в названии партий нет эксплицитного указания на их политическую ориентацию — только данная в САЛ дефиниция названия партии «Яблоко» позволяет понять ее противопоставленность национально ориентированным партиям,

в то время как по отношению к СПС этого не сделано. Названные слова отсутствуют в других проанализированных нами словарях.

Исходя из того, что одним из создателей партии считается Г. Явлинский, партия может иметь два обозначения, при этом словарная статья, фиксирующая, что *явлинцы* есть сторонники Г. Явлинского, не позволяет установить отношений кореферентности со словом *яблочник*. Если судить по текстам публичной коммуникации такого типа: *"Яблочники" уже подготовили несколько законов, направленных на достижение этих целей. Однако Смольному и монополистам они не нравятся. А значит, шансов на успех у местных явлинцев не много*» (<http://www.estate.spb.ru/news/2972/index.html>), - можно говорить о кореферентности. Однако произошедший в партии раскол, уход одного из ее основателей (Болдырева), возможно, делает нужным включение краткой энциклопедической справки, аналогичной той, что дана при слове *жириновец*: *«1.член либерально-демократической партии, возглавляемой В.В.Жириновским; 2.только мн. Либерально-демократическая партия России»* (САЛ).

Нельзя не отметить разнообразия синонимов к имени *либеральные демократы*, получившим прописку в словарях: *Элдэпээровец, ЛДПРовец, ЛДПРовцы*, - что говорит о широте его употребления различными субъектами политического дискурса на русской почве. Статья в САЛ не дает толкования соответствующего понятия (*«Либерал-демократы: «полит. = Либеральные демократы»*). Через иллюстративный материал дается отсылка только к российской партии с таким названием (партия с таким названием существует и в Великобритании): *«Основную ставку либерал-демократы делают, по мнению политологов, на люмпенов, тяготеющих к имперскому патриотизму с «колебаниями в сторону этнического русского национализма»*.

В отличие от номинации «Яблоко» название *либерал-демократы* как будто бы указывает на идеологию, определяющую стратегию партии. Однако в случае с *жириновцами* мы имеем ситуацию, когда название партии, по мнению многих, не имеет ничего общего с проводимой ею политикой. Так, в Рунете существует сайт «Либеральные демократы», на котором, в частности, сказано: *«Сетевой проект «Либеральные демократы» задуман нами как способ создания сообщества единомышленников, которое окажется в состоянии самоорганизоваться для продвижения наших общих идеалов свободы и демократии в общественно-политическую жизнь России... Мы не боимся называть себя либералами – поборниками свободы, и демократами – сторонниками народовластия. И – last but not least – мы не боимся, что нас будут путать с*

членами Либерально-демократической партии Владимира Жириновского. Мы не намерены навечно оставлять за ним и его однопартийцами исключительное право владеть узурпированным политическим именем. Настало время вернуть словам их первоначальный смысл» (<http://libdem.ru/>). Другими словами, мы имеем в наименовании ЛДПР случай, когда подводимая под него реалья не согласуется с конвенциональным пониманием имени, соотносимым со словом *либерал* и *демократ*. Словарь Ефремовой, в отличие от САЛ, не привязывает *либерального демократа* к российской действительности и определяет его как «члена партии либерально-демократического типа».

Либеральная ориентация представлена в САЛ словом *либерал* – «сторонник политики либерализации общественных отношений; свободомыслящий человек. Левые либералы так и не смогли объединиться с правыми – СПС и «Яблоко» не пойдут на выборы единым списком». Из иллюстративного материала становится ясно, что речь идет о современном российском либерализме, многими оцениваемом отрицательно: «Всю информацию о реформах мои слушатели воспринимают с огромным интересом. Большинство ... страшно удивляется тому, что московские либералы ... не черти с рогами, не продавшиеся капиталистам из Вашингтона русофобы». Подобная подборка материала позволяет говорить о позитивном отношении составителей словаря к явлению либерализма (что, соответственно, должно передаться читателям словаря). Сравнивая толкование с толкованием в словаре Ожегова («*либерал* - сторонник либерализма. 1. Либерализм: буржуазное идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя, буржуазно-демократических свобод и свободного капиталистического предпринимательства. 2. Излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство. Л. в оценке знаний»), отметим, что последнее должно относить слово к обозначению «чужих» реалий. Отсылка к буржуазно-демократическим свободам и капиталистическому предпринимательству позволяет узреть общность между словами *либерал* и *западник*, так как последний осуществляет в России то, что характерно для «буржуазных» идеологов. Похожее определение встречаем и в словаре Ефремовой. Думается, что второе значение слова *либерализм*, отсутствующее в САЛ, но при этом закрепившееся в русском языке, даже при изменении коннотаций первого значения, свидетельствует о некотором негативном отношении к этому явлению, сложившемуся в русской культуре.

Номинация *деморосс/демороссы* (САЛ: «полит. разг. Демократическая партия России») на сегодняшний день в публичном дискурсе практически не встречается, но и в пору своего активного существования, если судить по тому же дискурсу, эта партия не имела определенной идеологии: «*Есть демороссы-демократы, есть демороссы-либералы, есть демороссы-консерваторы, есть демороссы-интернационалисты и демороссы-державники*» (http://lbvolkov-nardep.net/pageID_13786494.html).

Другие номинации партий и течений, в название (или в толкование) которых входил бы компонент «демократический» (за исключением казуса Жириновского), в САЛ не зафиксированы. В словаре Ожегова о *демократе* читаем «1. Член демократической партии 2. Сторонник демократии. 3. Человек демократичного образа жизни, взглядов. Демократия - Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан». Такое толкование не представляется прозрачным для определения того, какие партии России сегодня можно обозначить этим прилагательным. Думается, уместное пояснение слова *демократия* содержится в словаре Даля (!): - «народное правленье; народодержавие, народовластие, мироуправство; противополост. самодержавие, единодержавие или аристократия, боярщина и пр.». Отметим, что в то же время в САЛ существует несколько статей, отсылающих к теме псевдодемократии: *псевдодемократизм, псевдодемократия, псевдодемократический*. Наличие такого числа словарных статей, объединенных общей темой, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности дискуссий на тему, что есть демократия и ее имитация.

Демократическая струя в политической жизни России в САЛ отражается в таких словарных статьях, как *Мемориал* и, соответственно, *мемориалец*, однако не эксплицитно в толковании, а через апелляцию к энциклопедическим знаниям реципиента: «*Мемориалец - член общества «Мемориал». «Мемориал» - общественная организация, созданная для поиска и увековечения памяти жертв политического террора в СССР*». Иллюстрации употребления этого названия в САЛ может создать у читателя словаря, как представляется, отрицательное отношение к деятельности этой организации и ее членов: «*В декабре 99-го ... вся европейская правозащитная общественность и наши «Мемориал» и Хельсинкская группа криком кричали о бомбежках населенных пунктов, о расправах над мирными жителями...*». В этом же ряду находится *правозащитник*: «*политический или общественный деятель, защищающий права человека, оказывающий помощь тем людям, чьи права были нарушены*» (САЛ). Правозащитное

движение воспринимается сознанием носителей русской культуры в большинстве своем как имеющее демократическую направленность: *«Демократы и правозащитники создают Антифашистский фронт»* (2006 г.) (http://e-baikal.ru/news?record_id=7339). Тем не менее, в определенных политических кругах это слово воспринимается как негативное: *«Вот какие они правозащитники-демократы... "Правозащитница", указывавшая России, как надо жить, пытала людей в Ираке»* (<http://www.rusbeseda.ru/archive/28.htm#40548>). В силу сложившейся в России политической ситуации это слово все больше приобретает иронический или негативный оттенок, связанный с тем, что правозащитники рассматриваются как находящиеся на содержании Запада: в интернете составлен даже «Цитатник правозащитника», не оставляющий сомнения в отношении к референтам этого имени: *«Куда грант, туда и правозащитник. Любишь гранты - люби и демократию расхваливать, Все дороги за грантом ведут в Госдеп»* (<http://politrash-ru.livejournal.com/88980.html>).

Выше мы говорили о словах, в значение которых входит компонент «демократический» или присутствует в нем в виде коннотации. Этот компонент в явном виде входит в толкование слов или участвует в слове в виде его сложной части *демо-*. Наличие этой составной части мы найдем в САЛ в составе слов с негативной коннотацией, например, **демократизатор** - *«разг. ирон. о том, кто якобы способствует демократизации общества: «наши российские «демократизаторы» сознательно скрыли тогда от общественности смертельную угрозу такой акции»*. Интересно, что слово *демократизатор* получило, если опираться на САЛ, и омонимичное значение: резиновая дубинка (предмет вооружения ОМОН, милиции). В словаре сленга неформалов читаем: *«Происхождение: очевидно, совпадение процесса демократизации и появления на вооружении ментов сего нехитрого приспособления»* (<http://teenslang.su/content/>). Именно это значение распространено в дискурсе публичной коммуникации: *«Иногда скалка является "домашним демократизатором", если вдруг глава семьи забыл, что у каждой головы есть шея, которая этой самой головой и вертит!»* (www.giftguru.ru/p1624.html).

Ироническую окраску имеет синоним слова *демократ* – **дерьмократ**: *«в речи противников демократических преобразований в России»* (САЛ). В публичном дискурсе употребляется и слово **либераст** (либерал): *«Слова "либераст" и "дерьмократ" появились в народе и выражают отношение народа к определенному типу граждан. Не буду переходить на личности, процитирую классика - Н. В. Гоголя: «Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство... И как уж потом не хитри и не*

облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище, во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» (<http://www.lovehate.ru/opinions/73052>).

Подводя итоги, можно констатировать, что политическая жизнь страны представлена в САЛ гораздо богаче, чем у его предшественников и «собратьев», чему причина - сама экстралингвистическая реальность. Мы выделили признаки, по которым можно структурировать политическую жизнь России конца прошлого — начала нынешнего века, а также признаки, по которым можно охарактеризовать степень (достаточно слабую) общественно-политической жизни в СССР начиная с 60-х гг. прошлого века. Эти признаки определенным образом пересекаются друг с другом или являются взаимоисключающими. Так, с точки зрения обыденного сознания нельзя быть одновременно *коммунистом* и *демократом*, можно быть *коммунистом* и не быть *сталинистом*, а можно быть и *коммунистом*, и *сталинистом*.

Хотя мы рассмотрели относительно небольшую часть номинаций лица по политической и мировоззренческой позиции, однако это позволяет сделать вывод, что, как бы современное общество ни определяло своим трендом антисоветизм (антикоммунизм), актуальные политические термины показывают действительную роль этой идеологии в жизни общества. Язык оказывается тем инструментом, который может как прогнозировать партийный раскол (если партия именуется по фамилии своего лидера), так и демонстрировать политические тенденции, даже если они не признаются властным мейнстримом.

ЛИТЕРАТУРА

Большой испано-русский и русско-испанский словарь. Режим доступа: [http://translate.academic.ru/?lang=spanish&did\[\]=esp_rus](http://translate.academic.ru/?lang=spanish&did[]=esp_rus) (См. 19.04.2014).

Большой итальянско-русский и русско-итальянский словарь. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ita_rus (См. 19.04.2014).

Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. Режим доступа: [http://translate.academic.ru/?lang=deutch&did\[\]=ger_rus](http://translate.academic.ru/?lang=deutch&did[]=ger_rus) (См. 19.04.2014).

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. КУЗНЕЦОВ, С. А. 1998. Санкт-Петербург: Норинт.

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1996. *Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари.

Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (См. 11.04.2014).

ГАЙДАР, Е. Т., 2009. *Власть и собственность – смуты и институты, государство и эволюция.* Режим доступа: https://books.google.lt/books?id=Jo_ItKx_e6MC&printsec (См. 08.02.2014).

ГЛИНКИН, М. [и др.]. *Октябрь 1993: 5 лет спустя — загадки остаются* // *Общая газета* #39 (269) 1 окт. 1998, стр 4-5 Режим доступа: <http://clow.ru/a-history/95.htm> (См. 08.02.2014).

ГРАУДИНА, Л. К., ШИРЯЕВ, Е. Н., 2006. *Культура русской речи.* Москва: Норма. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/34.php (См. 08.02.2014).

ЕФРЕМОВА, Т.Ф., 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.* Москва: Русский язык.

ЗАДОРНОВ, М. *Если бы я был депутатом.* Режим доступа: http://www.mihail-zadornov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=76 (См. 08.02.2014).

ЗИНОВЬЕВ, А. *Коммуняки и западняки.* Режим доступа: <http://vif2ne.ru/nvz/forum/archive/24/24506> (См. 01.02.2013).

КРЫЛОВ, К., 2010. *Лучшие демократы получают из бывших фашистов...* Режим доступа: <http://nazdem.info/texts/110/print> (См. 10.05.2013).

МЕНЦЕЛЬ, Б. *Гражданская война слов: литературная критика периода перестройки.* Санкт-Петербург: Академический проект, 2006.

МИТРОХИН, С., 2001. *Демократы, но разные.* Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2001-06-23/3_demokrat.html (См. 08.02.2014).

ОЖЕГОВ, С. И., 1984. *Словарь русского языка.* Издание 16-е, под ред. ШВЕДОВОЙ, Н.Ю. Москва: Русский язык.

Русский национализм: идеология и настроение. Составитель: ВЕРХОВСКИЙ, А. М., 2006. Москва: Центр «Сова». Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/files/books/rn06-text.pdf> (См. 01.02.2013).

Словарь русских синонимов. Режим доступа: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/> (См. 11.02.2014).

Словарь синонимов. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/64017 (См. 16.08.2013).

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый_словарь_Даля/ (См. 12.02.2014).

Толковый словарь русского языка. Под ред. ДМИТРИЕВА, Д. В., 2003. Москва: Астрель.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика, 2008. Под ред. СКЛЯРЕВСКОЙ, Г. Н. Москва: Эксмо.

Универсальный словарь английского языка. Режим доступа: http://universal_en_ru.academic.ru/ (См. 16.08.2013).

ШУБКИН, В. В. *Открытое письмо председателю ЦК КПРФ Зюганову Г. А.* // Сайт коммунистов Санкт-Петербурга. 2011. 11 февр. Режим доступа: <http://www.computer.ru/3245.htm> (См. 01.02.2014).

Liudmila Kravcova

Kaunas University of Technology, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, theory of translation

THE REFLECTION OF THE COMMUNIST, LIBERAL AND DEMOCRATIC IDEAS IN THE MIRROR OF NOUNS DENOTING PEOPLE (ACCORDING TO THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EARLY 21TH CENTURY)

Summary

The article analyzes the vocabulary definitions and usage examples of nouns denoting the political and world outlook affiliation of the people they refer to in the modern Russian language. Designation of persons according to their world and political outlook, as it was reflected in the dictionaries of various periods of Russian public life, demonstrates the changes in the national language.

The names of the political parties represented in the Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century clearly reflect the political palette of the end of the 20th century and the beginning of the present century. The largest group consists of the nominations with the general component "relation to the communist idea". The number of nominations with the components "democratic" and "liberal" in this dictionary is considerably lower than the number of words with the components "communist" and "national".

On the whole, the Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century has reflected the contemporary political affairs and the "civil war of words". The changing global picture is related to the inclusion of new elements (words in the lexicon) and changes in the estimated connotations of some words. The political life of the country is represented by this dictionary as much richer than it was made by its predecessors and "colleagues". The hypertext of the dictionary presents national and communist ideas as the dominant colors of the political palette.

KEY WORDS: nouns denoting people, lexeme, national language, linguistic world view, political party, public discourse, denotation.

Liudmila Kravcova

Kauno Technologijos Universitetas, Lietuva

Tyrimo sritys: kognityvinė lingvistika, dalykinių ir techninių tekstų vertimas

KOMUNISTINIŲ IR LIBERALIŲ DEMOKRATINIŲ IDĖJŲ ATSPINDIS ASMENIS ĮVARDIJANČIŲ DAIKTAVARDŽIŲ VEIDRODYJE (PAGAL „XXI AMŽIAUS AIŠKINAMĄJĮ RUSŲ KALBOS ŽODYNA. AKTUALI LEKSIKA“)

Santrauka

Straipsnyje analizuojamos šiuolaikinės rusų kalbos daiktavardžiu, įvardijančių asmenis pagal partinę priklausomybę ir pasaulėžiūrą, žodyno definicijos ir jų vartojimo pavyzdžiai. Asmenų žymėjimas pagal jų pasaulėžiūrą ir politinę poziciją įvairių Rusijos politinio gyvenimo laikotarpių žodynuose atspindi vykstančius rusų kalboje pokyčius.

Pateikiami XXI amžiaus aiškinamajame rusų kalbos žodyne politinių partijų pavadinimai plačiai vaizduoja praėjusio amžiaus pabaigos – dabartinio amžiaus pradžios politinį spektrą. Didžiąją dalį sudaro siejamos su komponentu „komunistinė idėja“ nominacijos. Nominacijų kiekis su komponentais „demokratinis“, „liberalus“ šiame žodyne ženkliai mažesnis nei su komponentu „komunistinis“, „tautinis“.

Iš esmės XXI amžiaus aiškinamasis rusų kalbos žodynas atspindėjo šiuolaikines politines aktualijas bei „pilietinį žodžių karą“. Pasaulėvaizdžio kaitos mechanizmas siejamas su naujų elementų (žodžių) įtraukimu į leksikoną ir eilės žodžių konotacijų pasikeitimu. Politinis šalies gyvenimas šiame žodyne pateikiamas žymiai plačiau, nei tai būtų ankstesnio laikotarpio žodynuose. Žodyno hipertekstas leidžia teigti, kad politiniame šalies gyvenime dominuoja nacionalinė ir komunistinė idėjos.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: įvardijantys asmenis daiktavardžiai, leksema, tautinė kalba, pasaulėvaizdis, politinė partija, viešosios komunikacijos diskursas, denotatas, sinonimija.

Ольга Леон

УО «Минский государственный лингвистический университет»

ул. Захарова, д. 21, 220034 Минск, Республика Беларусь

Тел. + 375 29 821 29 18

E-mail: hoyden.feanorown@gmail.com

Область научных интересов автора: коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика, этнолингвистика, теория межкультурной коммуникации, стилистика, риторика

СТРУКТУРА КОРРЕКТИРУЮЩЕГО МЕТАСООБЩЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале англо-, немецко- и русскоязычных политических ток-шоу)

Публикация посвящена рассмотрению структуры и функциональных особенностей корректирующего метакоммуникативного сообщения в политическом теледискурсе. Автором предлагаются некоторые уточнения существующих на сегодняшний день определений корректирующего высказывания и собственное определение корректирующего метакоммуникативного сообщения. В статье приведены результаты полевого лингвистического анализа данных, собранных методом сплошной выборки в ходе просмотра популярных ток-шоу Великобритании (BBC Newsnight, The Andrew Marr Show, Daily Politics, Intelligence Squared Debates, BBC Question Time, The Wright Stuff), Германии (Beckmann, Anne Will) и России (Политика с Петром Толстым), вышедшие в период с 2013 по 2014 год и постоянно либо эпизодически затрагивающих политическую тематику. В результате компонентного анализа, сопоставления и классификации корректирующих метасообщений, обнаруженных в составе диалогических единств, вошедших в материал исследования, была выявлена базовая двухсторонняя лексико-синтаксическая структура корректирующего метасообщения, состоящая из оценочной и корректирующей частей. На основании того, что каждая из указанных частей может иметь либо эксплицитное, либо имплицитное языковое выражение, выделяется четыре структурных типа корректирующих метасообщений (полностью эксплицитный, два частично эксплицитных, полностью имплицитный). Кроме того, уделено внимание сходным и различным лексико-грамматическим предпочтениям англо-,

немецко- и русскоговорящих участников политических дискуссий в языковом оформлении корректирующих метасообщений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корректирующее метасообщение, метасообщение, корректирующее высказывание, коррекция, метакоммуникация.

Роли субъекта и объекта речевого воздействия являются неотъемлемой частью коммуникативного опыта каждого человека, что позволяет представителям современного подхода к изучению коммуникации считать речевое воздействие одним из ее обязательных атрибутов. Исследованию всевозможных способов повышения эффективности речевого воздействия посвящались научные труды многих лингвистов, выполняемые главным образом на материале рекламного, политического и педагогического дискурсов. При этом, несмотря на то, что ярким примером речевого воздействия, направленного на преобразование вербального поведения собеседника, являются речевые акты коррекции, к корректирующим высказываниям обращено сравнительно немного современных исследований.

Понятие корректирующего высказывания как коммуникативного явления особого рода было введено в научный оборот отечественной лингвистики Илсояр Садыковой (Садыкова 2005: 4). Следует отметить, что и ранее в работах многих других лингвистов делались указания на высказывания подобной целевой направленности, но специальные исследования по данной теме не проводились. К примеру, многие выдающиеся лингвисты, изучавшие различные аспекты метакоммуникации, наряду с другими метакоммуникативными речевыми актами упоминали и корректирующие. В частности, М. Л. Макаровым упоминается, что немецкий лингвист Дитер Вундерлих причислял «акты коррекции, уточнения, редактирования уже сказанного» (Макаров 2003: 198) к метакоммуникативным. Другой известный лингвист Майкл Стаббс, разграничивая метакоммуникативные речевые акты педагогического общения по функциональному признаку, также выделяет среди них редактирование¹⁴ и корректирование¹⁵, наряду с другими типами метакоммуникативных речевых актов (Stubbs 1983: 50 – 52).

Тем не менее, ни в одном научном труде до диссертации И. А. Садыковой корректирующим высказываниям не было дано четкого определения. В ее научном труде под термином

¹⁴ В оригинальном англоязычном тексте – “editing”.

¹⁵ В оригинальном англоязычном тексте – “correcting”.

«корректирующее высказывание» понимается «линейный отрезок речи, представляющий собой ответную реакцию на высказывание – нарушение коммуникативного правила, который по своему содержанию является вербальным выражением интенции говорящего по осуществлению функции субъекта вербального коммуникативного контроля» (Садыкова 2005: 11). При этом И. А. Садыкова не предлагает всестороннего и исчерпывающего описания корректирующих высказываний, а лишь открывает поле для дальнейших исследований, хотя и приводит классификацию данных высказываний по лексическому составу корректирующего компонента высказывания и по типу аргументативного лексического компонента, который может присутствовать либо отсутствовать в высказывании. В научной работе И. А. Садыковой уделяется большее внимание разнообразным этносоциальным речевым запретам, существующим в татарской и русской коммуникативной культуре, в то время как корректирующие высказывания главным образом рассматриваются в качестве маркеров, способствующих выявлению подобного рода этносоциальных запретов и правил коммуникации. Анализ морфолого-синтаксической структуры корректирующего компонента высказывания¹⁶, как и анализ выделяемого Садыковой аргументативного компонента¹⁷ в задачи ее исследования не входил.

На сегодняшний день в отечественной лингвистике существует только одно завершенное исследование, полностью посвященное явлению вербальной коррекции дискурса – диссертация М. Г. Кремневой «Образ нормативного речевого поведения и вербальная коррекция дискурса». Рассматривая диалог как «коммуникативный процесс взаимной регуляции речевой деятельности его участников» (Кремнева 2009: 5), М. Г. Кремнева предпринимает попытку установить роль корректирующих высказываний в диалоге, мотивы их употребления, степень обязательности или вариативности данных образований в различных диалоговых ситуациях.

М. Г. Кремнева утверждает, что «высказывания коррекции дискурса в диалоге образуют особую разновидность дискурса» (Кремнева 2009: 8) – корректирующий дискурс. Высказывания данного типа она определяет как «высказывания диалога, областью референции которых являются вербальные действия коммуникантов – участников диалога, состоящие в попытке коррекции вербального поведения партнера по взаимодействию» (Кремнева 2009: 4).

¹⁶ Лексический набор элементов корректирующего высказывания, который сигнализирует о наличии в речи собеседника нарушения коммуникативного правила (Садыкова 2005: 14).

¹⁷ Набор лексем, который по своему содержанию является обоснованием правомерности коммуникативной коррекции (Садыкова 2005: 14).

При этом формальными признаками корректирующих высказываний являются словесные единицы, обозначающие корректирующие действия коммуникантов.

Тем не менее, из материала исследования М. Г. Кремневой явственно следует, что форма корректирующих высказываний довольно многообразна и не сводится только к обозначению корректирующих действий коммуникантов. Коррекция коммуникативного поведения партнера может осуществляться и посредством описания вербального действия, подлежащего коррекции, без указания на корректирующее действие, которое следовало бы совершить в целях приведения коммуникации в соответствие с представлениями коммуникантов о нормативном речевом поведении. В целом, для работы М. Г. Кремневой характерен психологический (психолингвистический) подход к изучаемому явлению, что объясняет менее пристальное внимание к вопросам разнообразия языкового оформления корректирующих высказываний и сосредоточенность на мотивированности и функциях данных сообщений.

Исходя из методологических потребностей нашего исследования, в рамках которого высказывания коррекции дискурса рассматриваются как разновидность метакоммуникативных сообщений, мы сочли необходимым уточнение вышеприведенных дефиниций корректирующего высказывания. В определении, данном И. А. Садыковой, игнорируется метакоммуникативный характер высказываний подобного рода, а также значительно сужается их функциональный потенциал, сводимый автором к осуществлению коммуникативного контроля, в то время как М. Г. Кремнева говорит о том, что область функционирования корректирующих высказываний в действительности намного шире (Кремнева 2009: 138 – 143). Дефиниция, предложенная М. Г. Кремневой, содержит указание на референциальную отнесенность корректирующих высказываний, которое косвенно подтверждает их метакоммуникативный характер, но при этом исключает отнесение самокорректирующих высказываний к данному типу метасообщений.

Понятие «коррекция» может быть соотнесено с понятием «модификация» на основании базовых словарных значений. Согласно словарю иностранных слов русского языка (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fw/words/21149) коррекция в широком смысле – исправление, совершенствование чего-либо, в то время как модификация – видоизменение, перемена чего-либо. Таким образом, понятие коррекции является частным по отношению к более общему понятию модификации, из чего следует, что коррекция вербального поведения является частным случаем его модификации. Следует также обратить внимание на то, что необходимость

коррекции (исправления, совершенствования) всегда обусловлена наличием некоторых отклонений чего-либо от определенных показателей, считающихся нормой, либо несовершенством чего-либо относительно существующих эталонов. Модификация, как видоизменение вообще, может осуществляться и при отсутствии отклонений либо видимого несовершенства. Обусловленность корректирующих действий наличием ошибок и несовершенств указывает на тесную взаимосвязь коррекции с оценочными операциями, позволяющими выявить различного рода отклонения в объекте коррекции.

Понятие модифицирующего дискурса уже существует в современной лингвистике. К. М. Шилихина относит к модифицирующему дискурсу все высказывания коммуниканта, подчиненные единой цели изменения поведения (или эмоционального состояния) собеседника (Шилихина 1999). Поскольку М. Г. Кремнева не предлагает четкого определения корректирующего дискурса, мы будем считать данным типом дискурса все высказывания коммуниканта, подчиненные цели изменения вербального поведения собеседника по причине реального либо предполагаемого нарушения им определенного коммуникативного правила, а также высказывания-сигналы изменения собственного вербального поведения говорящего, осуществляемого в связи с фиксацией им подобных нарушений в собственном вербальном поведении посредством самоконтроля.

Необходимо отметить, что коммуникативные правила, реакцией на нарушение которых являются корректирующие высказывания, могут быть не только социальными, но и индивидуальными. Индивидуальные коммуникативные правила могут формироваться независимо от социальных, а иногда даже противоречить им. Разница индивидуальных коммуникативных правил партнеров по диалогу, незнание правил, которых придерживается собеседник и расхождение данных правил с общесоциальными правилами может спровоцировать коммуникативный конфликт на фоне корректирующих вербальных действий, поскольку нарушение правила, фиксируемое одним из участников диалога, может быть не объективным, а субъективно предполагаемым. К примеру, многие пользователи сети Интернет неоднократно выражают возмущение тем, что другие пользователи при обращении к ним пишут «Вы» с заглавной буквы. Данное написание, по их же словам, воспринимается ими как проявление высокомерия и излишнего дистанцирования, в то время как социальные правила не запрещают подобное написание и не допускают вышеописанной интерпретации. По нашему

мнению, обе разновидности нарушений коммуникативных правил должны быть учтены в формулировке определения корректирующего высказывания.

Таким образом, корректирующим высказыванием мы предлагаем считать высказывание, возникающее как речевая реакция на реальное либо предполагаемое, сознательное либо неосознанное нарушение общесоциального либо индивидуального коммуникативного правила, имеющее своей целью выявление и устранение препятствующих взаимно продуктивному общению коммуникативных нарушений, языковых ошибок и неточностей в речевом поведении партнеров по диалогу.

Как мы упоминали ранее, корректирующее высказывание, в силу его референциальной отнесенности к составляющим процесса коммуникации, можно приравнять к метакоммуникативным речевым действиям, реализуемым посредством метасообщений. Е. М. Дубровченко определяет метакоммуникативные речевые действия как «вербальные комментарии к коммуникативному акту», которые «описывают коммуникативный процесс между партнерами по общению» (Дубровченко 2010). Она же говорит о способности метакоммуникативных сообщений обращать внимание коммуниканта на недостатки и ошибки в произнесении речи во избежание коммуникативных помех. Данная способность представляет собой не что иное, как способность отдельных метасообщений к выполнению функции коррекции.

Таким образом, корректирующее метакоммуникативное сообщение можно определить как высказывание с референциальной отнесенностью как к текущему коммуникативному процессу в целом, так и к его элементам, возникающее как речевая реакция на реальное либо предполагаемое, сознательное либо неосознанное нарушение общесоциального либо индивидуального коммуникативного правила, имеющее своей целью выявление и устранение препятствующих взаимно продуктивному общению коммуникативных нарушений, языковых ошибок и неточностей в речевом поведении партнеров по диалогу.

Цель нашего исследования состоит в выявлении структурных закономерностей и функциональных особенностей корректирующих метасообщений в диалоге на материале англо-, немецко- и русскоязычного политического дискурса.

Материалом для нашего исследования послужили корректирующие высказывания и диалогические единства модели «высказывание = коммуникативное нарушение → высказывание = коммуникативная коррекция нарушения», зафиксированные методом

сплошной выборки при просмотре популярных ток-шоу Великобритании (BBC Newsnight, The Andrew Marr Show, Daily Politics, Intelligence Squared Debates, BBC Question Time, The Wright Stuff), Германии (Beckmann, Anne Will) и России (Политика с Петром Толстым), постоянно либо эпизодически затрагивающих политическую тематику. Основным методом нашего исследования на этапе поиска и сбора материала является метод полевого лингвистического анализа (наблюдение и анализ живой, реальной коммуникации).

Дополнительные затруднения при отборе материала создавала сравнительно низкая частотность высказываний данного типа в живом речевом взаимодействии перед телекамерой, причем количественное распределение корректирующих высказываний из расчета на один час общего эфирного времени из выпуска в выпуск было неравномерным. Например, минимальное количество корректирующих высказываний на выпуск одного из англоязычных ток-шоу составило 1 отрезок речи, максимальное – 15 отрезков речи, в то время как для русскоязычных минимум составил 14 отрезков речи, максимум – 50, а для немецкоязычных – 1 отрезок речи и 24 соответственно.

В качестве методов анализа фактического материала нами были использованы сопоставительный и статистический методы, а также метод контекстуального и компонентного анализа.

Суммарное эфирное время проанализированных записей англоязычных ток-шоу составило 9 часов 25 минут 41 секунду, русскоязычных – 2 часа 51 минуту 29 секунд, немецкоязычных – 12 часов 37 минут 29 секунд. В результате нами было зафиксировано 108 англоязычных, 101 русскоязычное и 100 немецкоязычных корректирующих высказываний. При этом среднее количество корректирующих высказываний на час эфирного времени составило 12 для англоязычных ток-шоу, 34 для русскоязычных и 8 для немецкоязычных.

Таким образом, в политическом теледискурсе в разных коммуникативных культурах частотность употребления корректирующих высказываний в речи заметно варьируется. Наиболее высокой частотностью коррекции вербального поведения в диалоге характеризуются русскоязычные ток-шоу, наименее высокой – немецкоязычные. Разница обусловлена различиями в общей культуре поведения публичных персон на телевидении в ток-шоу изучаемого формата, но при этом следует отметить, что частотность употребления корректирующих высказываний значительно повышается при условии особой остроты и актуальности темы, полярности высказываемых мнений, заведомой враждебности

дискутирующих сторон по отношению друг к другу, эксцентричности речевого имиджа ведущего или кого-либо из участников обсуждения.

Поскольку применение корректирующих метасообщений в речи – следствие реального или мнимого несоответствия коммуникативного поведения одного из участников диалогического общения определенным критериям, а процесс выявления подобных несоответствий представляет собой процесс оценивания чужого или своего коммуникативного поведения, возникает вопрос о существовании потребности в вербализации результата оценивания в целях рефлексии по поводу коммуникации и элементарной аргументации корректирующего речевого действия. Кроме того, речевой сигнал о негативной оценке речи говорящего собеседником может послужить для говорящего как дополнительный стимул к изменению вербального поведения в сторону более эффективного.

На материале нашего исследования было выявлено, что оценочный компонент действительно присутствует в корректирующих метасообщениях наряду с корректирующим центром – глагольной частью, означающей корректирующее либо корректируемое коммуникативное действие одного из коммуникантов. Оценочное суждение, которое может иметь эксплицитное либо имплицитное выражение в речи, в сочетании с ядром (корректирующим центром) корректирующего метасообщения (глагольной частью) составляет основу структуры корректирующего метакоммуникативного акта. Глагольная часть корректирующего метасообщения в живой речи может подвергаться эллипсису, и при этом наличие эксплицитно выраженного оценочного суждения с релевантной отнесенностью к процессу коммуникации может послужить ключом к восстановлению недостающей глагольной части в эллиптических предложениях, представляющих собой корректирующее метасообщение.

Учитывая различные комбинации эксплицитно и имплицитно представленных глагольного (корректирующего) и оценочного компонентов корректирующего метасообщения, можно выделить четыре основных структурных типа корректирующих метакоммуникативных сообщений:

1. Полностью эксплицитные (ОэКэ), сочетающие в себе эксплицитно выраженную оценку корректируемого аспекта коммуникативного поведения говорящего (Оэ) и эксплицитное побуждение к коррекции коммуникативного поведения партнера по коммуникации либо эксплицитное описание собственного корректирующего действия, если речь идет о самокоррекции (Кэ). Например:

Sara Firth: *I think this is a really important piece of commentary to kind of put the things in context, because, you know, when we're talking here about being very careful with what we do next or what should the West do... You know, **what we shouldn't do is call** (Кэ) Putin a "terrorist" ... that's **incredibly inflammatory**¹⁸ (Оэ) (<http://www.bbc.co.uk/programmes/b04bwc5j>).*

Prof. Georg Nolte: *Ich glaube, **wir sollten** (Кэ) vielleicht **nicht** (Кэ) **nur so die ganz großen geostrategischen** (Оэ) **Fragen diskutieren** (Кэ)¹⁹, denn... die Krimkriese... ist nicht einfach isoliert und so gekommen, sondern sie ist eine Reaktion auf die Vorgänge in Kiew (<http://www.ardmediathek.de/tv/Beckmann/Der-Kampf-um-die-Krim-droht-ein-neuer-/Das-Erste/Video?documentId=20037958&bcastId=443668>).*

Леонид Пилунский: *Сейчас, ещё последнее доскажу. Петр Толстой (ведущий): **Давайте** (Кэ) **Вы на хорошей** (Оэ) **ноте остановитесь** (Кэ), а то сейчас скажете что-нибудь **плохое** (Оэ) (http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/5).*

2. Частично эксплицитные I (ОиКэ), сочетающие в себе имплицитно подразумеваемую оценку корректируемого аспекта коммуникативного поведения говорящего (Ои) и эксплицитное побуждение к коррекции коммуникативного поведения партнера по коммуникации либо эксплицитное описание собственного корректирующего действия при самокоррекции (Кэ). Результат оценки вербального поведения говорящего партнером по коммуникации может быть выведен посредством интерпретации вербального сигнала о корректирующем действии, которое нужно совершить. Например:

Jim Sillars: *Just **let me finish** (Кэ) and then I'll answer your question*²⁰ (<http://hothmong.com/cXp4SFZjbWZreGM1>).

Harald Kujat: ***Ich versuche doch nur zu erklären** was Putin beabsichtigt.*²¹ Katja Petrovskaja: *Entschuldigung* (<http://www.ardmediathek.de/tv/Beckmann/Der-Kampf-um-die-Krim-droht-ein-neuer-/Das-Erste/Video?documentId=20037958&bcastId=443668>).

¹⁸ *англ.* Знаете ли, уж **чего нам не следовало бы делать**, так это **называть** Путина «террористом»... это **невероятно подстрекающе**.

¹⁹ *нем.* Я полагаю, **нам**, наверное, **следовало бы обсуждать не только эти, довольно-таки широкие** геостратегические вопросы...

²⁰ *англ.* Просто **дайте мне закончить**, а потом я отвечу на ваш вопрос.

²¹ *нем.* **Я всё-таки попытаюсь объяснить**, что собирается предпринять Путин.

Петр Толстой (ведущий): Я просто хочу договорить (Кэ) мысль, если вы позволите (Кэ) (http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/5).

3. Частично эксплицитные II (ОэКи), представляющие собой сочетание эксплицитно выраженной оценки корректируемого аспекта коммуникативного поведения говорящего (Оэ) с имплицитно подразумеваемым побуждением к коррекции коммуникативного поведения партнера по коммуникации либо собственным корректирующим действием (Ки). Говорящему предоставляется возможность самостоятельно осознать необходимость корректирующих речевых действий на основании услышанной оценки его вербального поведения партнером и совершить ожидаемое от него корректирующее действие, которое подразумевается в оценочном высказывании. Например:

*The Host: George Galloway, that's just... You're **beginning to be too provocative**²² (Оэ), let's... Let's...* (http://www.mashpedia.com/Politics_of_Syria)

*Georg Restle: Also „Verständnis“ ist vielleicht **zu viel gesagt**²³ (Оэ). Ich glaub' man sollte die russische Sicht vor allem wahrnehmen* (<http://www.ardmediathek.de/tv/Beckmann/Der-Kampf-um-die-Krim-droht-ein-neuer-/Das-Erste/Video?documentId=20037958&bcastId=443668>).

*Александр Гордон (ведущий): Я заметил, что здесь, в этой студии, есть **повальная демонизация** (Оэ) бывшего Президента Украины, и мне это **не нравится** (Оэ), потому что...* (http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/5)

4. Полностью имплицитные (ОиКи), представляющие собой по значению комбинацию имплицитно подразумеваемой оценки корректируемого аспекта коммуникативного поведения говорящего (Ои) и имплицитно подразумеваемого побуждения к коррекции коммуникативного поведения партнера по коммуникации либо собственного корректирующего действия (Ки). Для косвенного выражения оценки вербального поведения говорящего и косвенного же указания на необходимость совершения корректирующего действия в данном случае широко используются такие языковые средства, как лексический повтор, синтаксический параллелизм, противопоставление, метафора, метонимия, аллюзия, абстрагированное описание

²² *англ.* Вы начинаете вести себя **слишком вызывающе**.

²³ *нем.* Итак, «понимание» - это, пожалуй, **слишком сильно сказано**.

коммуникативной ситуации и другие. Высказывания данного типа в отдельных случаях сложно классифицировать как метакоммуникативные, поскольку вне контекста их референциальная отнесенность к данному процессу коммуникации неочевидна. Например:

*The Host: You tried to **hijack** the murder of Lee Rigby and we saw that on the ballot paper. Paul Golding: There's a fine line between **hijacking** and **highlighting**. We are here to **highlight** what happened to Lee Rigby*²⁴ (<http://www.bbc.co.uk/programmes/b0441qzj>).

*Katja Petrovskaja: Es ist ein **stiller Krieg**. Harald Kujat: Der Begriff... **der Begriff „Krieg“**, der wird ja in unterschiedlichen Variationen benutzt... Es ist die Besetzung eines souveränen unabhängigen Landes durch die Streitkräfte eines anderen Landes*²⁵ (<http://www.ardmediathek.de/tv/Beckmann/Der-Kampf-um-die-Krim-droht-ein-neuer-/Das-Erste/Video?documentId=20037958&bcastId=443668>).

*Сергей Железняк: Дело в том, что **еврей, защищающий фашистов**... Леонид, у Вас роль **незавидная*** (http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/4).

Вышеприведенные типы корректирующих метасообщений расположены в порядке убывания по шкале эксплицитности. Частично эксплицитные корректирующие метасообщения первого типа мы склонны рассматривать как в большей степени эксплицитные формулировки речевого действия коррекции, чем частично эксплицитные метасообщения второго типа. В первом случае побуждение к совершению корректирующего действия выражается прямо, в то время как во втором случае оно может не быть воспринято должным образом, если говорящий интерпретирует выражаемую оценку не как побуждение к коррекции, а как эмоциональную рефлексию либо как попытку оскорбить.

Следует отметить, что приведенная нами типология корректирующих метасообщений представляет собой обобщенную основу для более детальной классификации и в данный момент находится на стадии разработки.

²⁴ *англ.* Ведущий: Вы **пытались выехать** на информации об убийстве Ли Ригби, и мы это видели на вашем избирательном бюллетене. Пол Голдинг: Есть тонкая грань между **попыткой «выехать» на чём-то** и **привлечь всеобщее внимание к чему-то**. Мы пришли, чтобы привлечь всеобщее внимание к тому, что случилось с Ли Ригби.

²⁵ *нем.* Катя Петровская: Это тихая война. Харальд Куйат: Понятие... **Понятие «война»**, которое употребляется в весьма разнообразных вариациях... Означает захват одного суверенного независимого государства вооружёнными силами другого государства.

Для того, чтобы выявить базовые лексико-грамматические предпочтения англо- немецко- и русскоговорящих участников политических дискуссий в языковом оформлении корректирующих метасообщений, нами была подсчитана частотность употребления корректирующих высказываний каждого из вышеперечисленных типов для каждого языка. В результате для англоязычных политических ток-шоу частотность употребления корректирующих высказываний полностью эксплицитного типа составила приблизительно 10,8%, первого частично эксплицитного типа – около 37,5%, второго частично эксплицитного типа – 14,2%, полностью имплицитного типа – 37,5%. Для немецкоязычных ток-шоу данные показатели составили 3,7% полностью эксплицитных корректирующих метасообщений, 18,5% частично эксплицитных первого типа, 31,5% частично эксплицитных второго типа и 46,3% полностью имплицитных. Наконец, в русскоязычных ток-шоу было выявлено 8,1% полностью эксплицитных корректирующих метасообщений, 38,7% частично эксплицитных первого типа, 18,9% частично эксплицитных второго типа и 34,2% полностью имплицитных корректирующих высказываний.

На основании данных показателей можно сделать выводы о том, что, во-первых, представители англо- и русскоязычной коммуникативной культуры, дискутируя на телевидении, предпочитают воздерживаться от прямого выражения оценок коммуникативного поведения партнеров по диалогу, в то время как представители немецкоязычной коммуникативной культуры в той же речевой ситуации довольно часто прямо говорят о своей оценке коммуникативных нарушений в вербальном поведении партнера. Данное явление предположительно может быть вызвано общей склонностью избегать возможной дискредитации партнера по диалогу и самого себя в первом случае и стремлением к более полной рефлексии в целях оптимизации коммуникативного процесса в интересах его участников и зрителей во втором случае.

При этом следует отметить, что оценочные суждения, высказываемые немецкоговорящими коммуникантами, точны, но довольно сдержанны, в то время как англо- и русскоговорящие коммуниканты намного более эмоционально-экспрессивны в выражениях оценки, что может быть проиллюстрировано примерами частично эксплицитных корректирующих метасообщений второго типа, приведенными выше.

Во-вторых, для политического теледискурса англо- и русскоязычной коммуникативной культуры характерно преобладание частично эксплицитных корректирующих метасообщений

первого типа, которые занимают третье место по частотности в немецком политическом теледискурсе. Вероятно, высокая частотность употребления данных языковых структур в англо- и русскоязычных ток-шоу обусловлена их лаконичностью и конкретностью, в то время как в немецкоязычных ток-шоу они используются значительно реже, предположительно для того, чтобы у собеседников не создавалось впечатление психологического давления и жесткого управления их вербальным поведением.

В-третьих, для политических ток-шоу всех трех языков преобладающими являются корректирующие метасообщения полностью имплицитного типа. Возможных причин для этого может быть достаточно много: иносказательно выражаемая коррекция коммуникативного поведения достаточно ненавязчива, не слишком категорична, предполагает использование разнообразных языковых средств выразительности и тем самым способствует обогащению и украшению речи, положительной самопрезентации говорящего, избеганию открытой дискредитации оппонента и навешивания оценочных ярлыков на участников дискуссии.

Таким образом, корректирующие метасообщения имеют относительно четкую, узнаваемую базовую структуру, состоящую из корректирующей и оценочной частей и имеющую четыре основных варианта вербальной реализации, которые используются с различной частотностью в англо-, немецко- и русскоязычном политическом теледискурсе. Различная частотность употребления корректирующих метасообщений разных типов может иметь лингвопрагматическую и лингвокультурную обусловленность.

Литература

- ДУБРОВЧЕНКО, Е. М., 2010 [on-line]. *Роль метакоммуникативных речевых действий в процессе говорения.* Режим доступа: http://www.actualresearch.ru/nn/2010_1/Article/philology/dubrovchenko.htm. [См. 20.03.2014].
- КРЕМНЕВА, М. Г., 2009. *Образ нормативного речевого поведения и вербальная коррекция дискурса (на материале английского и русского языков): диссертация.* Москва.
- МАКАРОВ, М. Л., 2003. *Основы теории дискурса.* Москва: ИТДГК «Гнозис».
- Политика с Петром Толстым – Что будет с русскоязычным населением Украины?* [on-line] Режим доступа: http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/4/ [См. 26.02.2014].

- Политика с Петром Толстым. Кто представляет власть на Украине?* [on-line]. Режим доступа: http://1ru.tv/series/politika_s_petrom_tolstym/1/5. [См. 24.02.2014].
- САДЫКОВА, И. А., 2005. *Корректирующие высказывания в татарской и русской диалогической речи (на материале нарушений этноречевых запретов в современной драматургии): Автореферат диссертации*. Казань.
- Словарь иностранных слов русского языка* [on-line]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21149 [См. 29.08.2013].
- ШИЛИХИНА, К. М., 1999 [on-line]. *Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: диссертация*. Режим доступа: <http://31f.ru/60-dissetaciya-verbalnye-sposoby-modifikacii-povedeniya-i-emocionalno-psixologicheskogo-sostoyaniya-sobesednika-v-rossijskoj-i-amerikanskoj-kommunikativnyx-kulturax.html>. [См. 20.08.2013].
- BBC Newsnight. George Galloway vs Jim Sillars on Scottish Independence* [on-line], available at: <http://hothmong.com/cXp4SFZjbWZreGM1> [Seen 24.03.2014].
- Beckmann. Der Kampf um die Krim – droht ein neuer Kalter Krieg?* [on-line], zugänglich auf: <http://www.ardmediathek.de/tv/Beckmann/Der-Kampf-um-die-Krim-droht-ein-neuer-/Das-Erste/Video?documentId=20037958&bcastId=443668> [Ges. 06.03.2014].
- Daily Politics on Syria*, 13.09.2013 [on-line], available at: http://www.mashpedia.com/Politics_of_Syria [Seen 13.09.2013]
- Daily Politics*, 15.05.2014 [on-line], available at: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b0441qzj> [Seen 15.05.2014].
- STUBBS, M., 1983. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell.
- The Andrew Marr Show. Paper Review* [on-line], available at: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b04bwc5j> [Seen 20.07.2014].

Olga Leon

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus

Research interests: communicative linguistics, linguistic pragmatics, ethnolinguistics, cross-cultural communication, stylistics, rhetoric

THE STRUCTURE OF CORRECTING METAMESSAGE IN POLITICAL DISCOURSE**Summary**

This article is dedicated to the structure and functional features of correcting metamessage in political TV discourse. The author introduces a more precise definition of correcting an utterance and creates the definition of correcting metacommunicative message. The article contains the results of the field linguistic research of the data that was collected by means of total sampling method while watching several popular chat-shows of Great Britain (*BBC Newsnight, The Andrew Marr Show, Daily Politics, Intelligence Squared Debates, BBC Question Time, The Wright Stuff*), Germany (*Beckmann, Anne Will*) and Russia (*Политика с Петром Толстым*²⁶), broadcast since 2013 to 2014 which touch upon various political issues either occasionally or on a regular basis. As a result of the component analysis, juxtaposition and classification of correcting metamessages that have been detected in the dialogical units serving us as research material the basic two-facet lexical-syntactical structure of correcting metamessage, which comprises the evaluative and corrective components, was revealed. On the grounds of the fact that each of the given components may be expressed either explicitly or implicitly, four structural types of corrective metamessages can be singled out (completely explicit, two variants of partially explicit and completely implicit). In addition to this, some attention is given to the similarities and differences in lexical and grammatical preferences of English-, German-, and Russian-speaking political debaters as far as the linguistic form of correcting metamessages is concerned.

KEY WORDS: correcting metamessage, metamessage, correcting an utterance, correction, metacommunication.

---

²⁶ *Rus.* "Politics with Petr Tolstoj"

Olga Leon

Minsko valstybinis lingvistikos universitetas, Baltarusija

Moksliniai interesai: komunikacinė lingvistika, lingvopragmatika, etnolingvistika, tarpkultūrinės komunikacijos teorija, stilistika, retorika.

KOREGUOJANČIOS METAŽINIOS STRUKTŪRA POLITINIAME DISKURSE

(medžiaga paimta iš politinių pokalbių laidų anglų, vokiečių ir rusų kalbomis)

Santrauka

Straipsnyje analizuojama koreguojančios metakomunikacinės žinios, naudojamos politiniame televizijos diskurse, struktūra ir funkcinės ypatybės. Autorė siūlo jau egzistuojančių apibrėžimų komentarus ir savo koreguojančios metakomunikacinės žinios apibrėžimą. Straipsnyje pateikiami tyrimo duomenys, surinkti analizuojant įvairias politines pokalbių laidas, rodomas Didžiojoje Britanijoje (BBC Newsnight, The Andrew Marr Show, Daily Politics, Intelligence Squared Debates, BBC Question Time, The Wright Stuff), Vokietijoje (Beckmann, Anne Will) ir Rusijoje (Политика с Петром Толстым), rodytas 2013 - 2014 metais. Atlikus komponentinę bei lyginamąją dialoginės kalbos koreguojančių metažinių analizę, buvo nustatyta, kad koreguojančiom metažiniom būdinga dvinarė leksinė – semantinė struktūra, kurią sudaro vertinamasis ir koreguojantysis komponentai. Kadangi bet kuris iš šių komponentų gali būti ir eksplicitinis, ir implicitinis, buvo išskirti šie struktūros tipai: visiškai eksplicitinis, du dalinai eksplicitiniai, visiškai implicitinis. Taip pat tyrimo metu buvo nustatyti kalbiniai panašumai ir skirtumai tarp pokalbių laidų dalyvių naudojamų koreguojančių metažinių.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: koreguojanti metažinia, metažinia, koreguojantis pasisakymas, korekcija, metakomunikacija.

Юрий Машошин

Даугавпилсский университет, Даугавпилс, Латвия

Parades i. 1, Daugavpils, Latvija

Тел. +371 2 958 00 33

E-mail: jurima@inbox.lv

Область научных интересов автора: психология, криминалистика, право

СЛОВЕСНОЕ ОПИСАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В статье рассматриваются особенности описания функциональных элементов человека, под которыми в криминалистике понимаются его привычные движения, действия, поведение, основанные на его анатомических, физиологических, психологических и социальных свойствах. Автором определяется место функциональных признаков в системе словесного портрета человека, уточняется их понятие, особенности и классификация. На данной научной основе излагается методика описания функциональных элементов. Формулируются выводы о теоретической роли и практической значимости правильного описания функциональных элементов человека для его успешного розыска и идентификации.

Согласно позиции автора, функциональным элементам присущи внешние параметры (функциональные признаки), которые отражают их суть и особенности. Функциональные признаки человека являются частью его словесного (вербального) портрета, под которым в криминалистике понимается систематизированное описание внешних признаков человека, осуществляемое посредством специальной терминологии в целях его розыска и отождествления. Это означает, что, фиксируя функциональные признаки, следует прежде всего соблюдать общие правила составления словесного (вербального) портрета человека. Однако, обладая целым рядом особенностей, например, динамизмом проявления, латентностью, функциональные признаки, на наш взгляд, требуют для своего описания особого подхода, проявляющегося в необходимости повышенной скрупулезности их выявления, фиксации и изучения.

В процессе организации и проведения поиска по горячим следам преступника или без вести пропавшего потерпевшего устанавливаются и указываются в описании и на технических

носителях информации наиболее характерные функциональные признаки, т.е. такие, которые обладают значительной выраженностью и поэтому легко воспринимаемы. Речь идет об особых и, главным образом, о броских приметах, отличающихся от средне-статистических признаков не только частотой встречаемости, но и степенью выраженности. Сложность словесного описания функциональных признаков создает проблемы в их однозначном понимании и использовании информации о них в криминалистической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словесный портрет, криминалистика, розыск, криминалистическая идентификация, функциональные признаки, функциональные элементы.

Функциональные элементы человека – его привычные движения, действия, поведение основанные на его анатомических, физиологических, психологических и социальных свойствах. Функциональным элементам присущи внешние параметры (функциональные признаки), которые отражают их суть и особенности.

Функциональные признаки человека, через которые происходит описание его функциональных элементов, являются частью его **словесного (вербального) портрета**, под которым в криминалистике понимается **систематизированное описание внешних признаков человека, осуществляемое посредством специальной терминологии в целях его розыска и отождествления**. Это означает, что, фиксируя функциональные признаки, следует прежде всего соблюдать общие правила составления словесного (вербального) портрета человека, подробно рассмотренные в криминалистической литературе (Kavaliertis 2003: 103-129; см. также Svens Arne Eriksons 2000; Винниченко 1999; Фомушкин 2003; Ищенко 2013). Однако, обладая целым рядом особенностей, на которых автор статьи ранее уже останавливался (1987: 13-16; 2006: 4-5), в частности, динамизмом и латентностью проявления, функциональные признаки требуют для своего описания особого подхода, проявляющегося в необходимости повышенной скрупулезности их выявления, фиксации и изучения.

Так, при описании функциональных признаков человека необходимо учитывать следующее:

1) в силу своей специфики (эпизодичность проявления, меньшая, по сравнению с демографическими и анатомическими признаками, идентификационная значимость, сложность вербального отображения и фиксации) функциональные признаки человека описываются, как правило, после установления и описания демографических и анатомических признаков, т.е.

после составления так называемого анатомического портрета человека, являющегося фундаментальной частью словесного портрета;

2) функциональные признаки человека, хотя и отражают в целом уже выработанный у человека динамический стереотип (функциональные элементы), но, в силу своей специфики, не обладают достаточно высокой степенью постоянства и нередко в большей или меньшей степени варьируют свои параметры. Информацию о них желательно перепроверять и сравнивать получаемые данные между собой для того, чтобы убедиться в их неслучайности. Например, для описания использования наблюдаемым человеком наручных часов, стоит уточнить, носит ли интересующий следствие человек часы именно на правой руке постоянно, а не только в момент, совпавший случайно со временем наблюдения этого человека очевидцем;

3) значительным достоинством функциональных элементов человека является то, что их признаки воспринимаемы не только зрительно, как демографические и анатомические, но и:

- на слух: голос, устная речь, проявления расстройства здоровья (кашель, насморк), особенности походки, некоторые трудовые навыки (умение работать на компьютере, швейной машинке) и поведенческие привычки (прищелкивать пальцами при ходьбе, посвистывать, напевать и т.п.);

- с помощью обоняния. Обонятельные ощущения могут рассказать о состоянии здоровья, некоторых профессиональных и поведенческих функциональных элементах. В частности, от человека может исходить запах, присущий определенным лекарствам (валериана, зубо-врачебные мази) или предметам и веществам, применяемым и обрабатываемым в производственной деятельности (рыба, специи, красители, растворители), либо человек имеет привычку пользоваться определенным одеколоном, кремом, дезодорантом или иной косметикой, курить, употреблять в пищу остропахнущие продукты – лук, чеснок, хрен. В таких случаях дается словесное описание наличия и степени выраженности специфического запаха от никотина, одеколona, лака для волос, бензина и т.д. Эта особенность функциональных элементов позволяет получить и зафиксировать в оперативно-справочных учетах установочную и идентифицирующую информацию о человеке по результатам его непосредственного восприятия. Особенно важно это:

- в условиях минимального времени наблюдения
- при недостаточной видимости, например в темное время суток, в подвальных или чердачных помещениях

- со стороны спины

- если человек полностью или частично скрыт от наблюдателя, например находится в соседнем помещении либо спрашивал что-то у очевидца через опущенное стекло, не выходя из машины, через окошечко в кассе или в пункте обмена валюты и т.п.;

4) объем, т.е. полнота и детализация описания функциональных признаков человека в криминалистических и оперативных учетах зависят от целей проводимого описания: для поиска преступника по «горячим следам» или же для установления личности погибшего при обнаружении его останков. На объем описания влияют субъективные и объективные особенности источников информации об этих признаках, время, расстояние и иные положительные и отрицательные факторы, определяющие условия, в которых осуществляется процесс восприятия объекта описания.

Например, при организации и проведении поиска преступника по горячим следам устанавливаются и фиксируются в вербальном описании и на технических носителях информации наиболее характерные функциональные признаки, т.е. такие, которые обладают значительной выраженностью и поэтому легко воспринимаемы. Речь идет об особых и, главным образом, о броских приметах, отличающихся от средне-статистических признаков не только степенью выраженности, и поэтому достаточной простотой описания, но и частотой их встречаемости. Это, в первую очередь, различного рода дефекты функциональных элементов человека, выражающиеся в особенностях походки (хромота), осанки (лордоз, сколиоз), голоса (хриплость, сиплость и другие аномалии), произношения (заикание, картавость), неконтролируемая (болезненная) артикуляция, мимика и жестикация, кашель, плохое качество зрения, требующее использования очков (постоянно или только для чтения) и т.д.

К броским, легко воспринимаемым относятся и функциональные признаки с определительной приставкой «очень». Например, очень сутулая осанка (горбатость), очень быстрая или семенящая походка, очень широкие шаги («морская походка»), очень узкая постановка ног (походка модели), значительный разворот ступней («походка Чаплина»), очень «живая» мимика, выразительная жестикация, очень тихий или наоборот очень громкий (низкий, высокий и т.п.) голос, очень быстрая (замедленная) или неразборчивая речь, очень сильный запах (табака, бензина, запах изо рта, от одежды), использование одежды или обуви явно (очень) несоответствующие сезону, полу, возрасту, комплекции, или профессиональной принадлежности лица. В современной криминалистической литературе авторы не всегда

различают особые и бросающиеся в глаза приметы, относя, например, судорожное подергивание мускулов лица (тик) и заметные дефекты речи (заикание) лишь к особым признакам (Ищенко, Топорков 2010). Такое разделение весьма ситуативно (зависит от условий восприятия) и крайне важно для создания эффективного словесного портрета лица.

5) при необходимости осуществления длительного поиска скрывшегося преступника, а также в целях идентификации личности погибшего (умершего) лица при исследовании его трупа или имеющихся в наличии отдельных частей трупа, описание его функциональных признаков должно быть максимально полным и подробным. Разумеется, у трупа отсутствуют функциональные элементы в их криминалистическом понимании: он не может ни двигаться, ни разговаривать, но речь идет, в данном случае, об их отражении на теле мертвого (погибшего или умершего) человека. Иными словами, функциональных элементов уже нет, но функциональные признаки от них еще остались. В частности:

- сохранившиеся остатки татуировки, прически, маникюра, педикюра, или же грязные, обкусанные ногти, прокуренные зубы, наличие отверстий для ношения сережек или пирсинга (в мочках ушей, в крыльях носа, в пупке и на других участках тела), следов от колец или перстней на пальцах, от часов или браслета на правом или левом запястье, свидетельствуют о бытовых и вредных привычках, имевшихся при жизни у описываемого лица, личность которого устанавливается;

- наличие и расположение мозолей и иных потертостей на правой и левой ладони, пальцах, говорят о возможной бывшей профессиональной принадлежности лица, его праворукости или леворукости; состояние спины, ног, следы от костылей, трости, дефекты зубного аппарата, характер одежды и т.д., позволяют судить о возможных имевшихся отклонениях в осанке, ходьбе, голосе и в других функциональных элементах человека при жизни и дают возможность отметить их в общем виде в кодификаторе с целью конкретизации поисков и идентификации личности погибшего (умершего) человека.

б) Принятая последовательность составления функционального портрета в целом соответствует алгоритму создания анатомического портрета: от общего указания на наличие и характер того или иного элемента к описанию его общих и индивидуальных признаков. Каждый функциональный элемент человека (ходьба, жестикулирование, мимика, леворукость, речь и ее звуковая сторона – голос, а также профессиональные навыки, бытовые и вредные привычки) описываются по определенной схеме:

- отмечается наличие того конкретного функционального элемента, который имеет отличия от средних («нормальных») величин, либо присущ не всем людям, например, курение или ношение очков;

- указываются общий вид, степень выраженности и характерные особенности в целом, например, положение, взаиморасположение анатомических элементов и их общие движения.

Так, давая общую характеристику:

а) ходьбы - описывается походка: ее характер (легкость, в развалку), похожесть (походка моряка, солдата либо известного очевидцу человека), темп;

б) устной речи - ясность, быстрота, наполненность (многословие), громкость и основной тон голоса;

в) запаха – сила, источник (от одежды, изо рта, от рук), видовая принадлежность (профессиональный, косметический, лекарственный, физиологический).

- описываются отдельные особенности функционального признака.

Например, в походке отмечают характерные (индивидуализирующие описываемого) положение и движения ступней, бедер, туловища, головы, рук, кистей, пальцев. При описании устной речи обращают внимание на наличие слов – паразитов, неправильность построения фраз, произношение отдельных звуков (акцент, диалект, невыговаривание), заимствование (перенос) фразеологических конструкций из других языков и т.д.

7) На достоверность, полноту и точность вербального описания функциональных элементов человека оказывает влияние учет особенностей источников информации. Поэтому выяснение данных характеристик является первоочередным, а не факультативным. Оно обязательно и при заполнении кодификатора оперативно-справочной системы учета и поиска.

Представляется важным остановиться на соотношении достоверных и правдивых показаний свидетелей. Разница между ними может быть весьма значительной, особенно при описании такого сложного криминалистического объекта как функциональные элементы человека. Очевидец может искренне заблуждаться, считая в то же время, что он говорит правду. О значении влияния его профессии и некоторых других характеристик будет сказано ниже, но не менее важно выяснение:

- его когнитивного и эмоционального состояния в момент восприятия описываемого лица и при вспоминании и воспроизведении им этой информации во время допроса,

- наличие у очевидца определенной психологической установки, определившей направленность его восприятия и влияющей на полноту и корректность даваемых показаний.

Возможными источниками информации о функциональных признаках человека являются:

- непосредственно облик описываемого человека (допрашиваемого, задержанного, освидетельствуемого, опознаваемого) – при восприятии его лицом, составляющим словесный портрет (работником дежурной части, криминальной полиции, следователем);
- показания свидетеля (в первую очередь - очевидца) – при его опросе (допросе), а также показания иных участников уголовного процесса: потерпевшего, подозреваемого, специалиста, эксперта;
- отдельные предметы, в частности, вещи или орудия преступления – при осуществлении их осмотра или экспертизы. Это могут быть одежда, обувь, компенсирующие предметы, например, очки или трость, а также лекарства, сигареты, принадлежности для профессиональных или любительских занятий (игральные карты или «кости», ключи от автомашины, боксерские перчатки, нунчаки), отмычки и иные воровские принадлежности, микрочастицы содержимого карманов или складок одежды;
- обстановка места происшествия, следы рук, ног и другие следы – при проведении осмотра места происшествия. В частности, установлено, что при среднем темпе ходьбы длина шага у женщин составляет 50 – 70 см, у мужчин – 65 – 90 см, угол шага у женщин 12 – 20 градусов, у мужчин – 18 – 23 градуса. Таким образом, дорожка следов ног, являясь отражением функционального элемента человека – ходьбы, позволяет, с одной стороны, предположить пол и возраст человека (демографические признаки), его рост и телосложение (анатомические признаки), а с другой, при получении информации о гендерной принадлежности прошедшего, позволяет установить в поисковой системе параметры его походки (длину и ширину шага). Дорожка следов ног может указать на состояние беременности у женщины (по ширине шагов), возможную профессиональную принадлежность лица: моряк, модель, на состояние здоровья;
- труп или части (часть) трупа человека (пояснения даны в пункте 5.);
- фонограмма, видеофильм, фотография с отображениями соответствующих функциональных элементов или следов от них. Например, по фотографии можно установить и зафиксировать отобразившиеся в статике, манеру человека одеваться, причесываться, бриться,

носить сумку (на правом, левом плече, в руке), наличие у него определенных бытовых привычек: курения, ношения очков, украшений, расчески, часов.

8) При фиксации в поисковой системе функциональных элементов лица, описываемого со слов очевидца либо иного участника уголовного процесса, необходимо принимать во внимание профессию дающего описание, род его повседневных занятий, возраст, родной язык, национальность, состояние здоровья (зрения, слуха, памяти), пол. Так, женщины количественно и качественно более полно воспринимают элементы поведения наблюдаемых лиц. Особенности произношения, наличие акцента достоверно сможет воспринять и описать лишь лицо, достаточно хорошо владеющее языком говорившего (например, русский акцент при разговоре на литовском). Национальность же человека, как правило, определяет его менталитет, темперамент, именно поэтому для скандинавов любой южноевропеец будет человеком многословным (болтливый) с чрезвычайно живой мимикой и жестикуляцией и наоборот.

9) Описание функциональных элементов при проведении допроса очевидца желательно сопровождать показом образцов (фонограмм голосов, видеозаписей походок) и использованием любого другого сравнительного и ассоциативного материала, в том числе фотографий, рисунков и демонстрацией функциональных элементов «в живую». С этой целью используются технические средства (магнитофон, видеопроектор, компьютер) и помощь специалистов – психологов, физиологов, филологов, артистов. В частности, разнообразные образцы функциональных элементов человека (позы, походки, жестикуляции, мимики, манер и т.д.) в виде рисунков приведены в учебном пособии Виниченко И., Житникова В., Зинина А., Овсянниковой М. и Снеткова В. (1999: 116 – 158). Эти рисунки, хотя и не полно охватывают возможные варианты функциональных элементов, но дают представление о них, и могут оказать определенную методическую помощь во время описания функциональных признаков очевидцем. Для большей эффективности показа они могут быть спроектированы на экране монитора.

10) При описании функциональных элементов, осуществляемом во время допроса требуется соблюдение тактико-криминалистических рекомендаций и прямых указаний уголовно-процессуального закона: о необходимости первоначального выслушивания свободного рассказа источника информации (потерпевшего, очевидца, соучастника и др.), о целесообразности последовательной постановки основных, дополнительных, уточняющих, контрольных вопросов и недопустимости наводящих вопросов. Наиболее эффективным является выявление при

допросе (опросе) результатов **комплексного** восприятия функциональных признаков описываемого лица, когда задействован не один, а несколько анализаторов очевидца. При этом, многообразии и комплексная воспринимаемость функциональных элементов обеспечивают определенную компенсацию недостаточной работы одного анализатора работой других. Например, зрительного – слуховым при восприятии ходьбы лица: человек идет в темноте, походка его не видна, но шаги слышны. И наоборот: по жестике можно издали определить, что человек является глухонемым. Запах табака изо рта укажет на вредную привычку курения.

11) Даваемое очевидцем описание функциональных элементов человека является свободным, непрофессиональным (либо слишком профессиональным, например, описание голоса музыкантом), т.е. используемые выражения не соответствуют терминологии криминалистического описания. Для перевода произвольного описания в упорядоченное, пригодное для регистрации, необходимо отыскать наименование требуемого функционального элемента (например, мимика), затем найти тот или иной его признак (движение бровями, подбородком) и определить какому термину в кодификаторе криминалистического учета соответствует выражение, указанное в произвольном описании.

Предлагаемая в статье методика вербального описания функциональных элементов живых лиц (подозреваемых, обвиняемых), а также описания неопознанных трупов позволяет обеспечить единообразный подход к фиксации такого сложного для восприятия, запоминания и воспроизведения криминалистического объекта, каковым являются функциональные элементы человека.

Литература

- KAVALIERIS, A. un citi, 2003. *Kriminālistika. 1. daļa. Kriminālistiskā tehnika*. Rīga: LPA.
- MAŠOŠINS, J., ARĀJS, O., SILARĀJA, S., 2006. *Cilvēka funkcionālās pazīmes un to apraksta metodika*. Rīga: LPA.
- ERIKSONS, S. A., RISLINGS, U. 2000. *Identifikācijas pamati. Habitoloģija. Daktiloskopija. Odontoloģija*. Rīga: LPA.
- БАХИН, В., МАШОШИН, Ю., 1987. Функциональный портрет человека. *Криминалистика и судебная экспертиза*, Вып. 34. Киев: Издательство КГУ, 13-16.

ВИНИЧЕНКО, И., ЖИТНИКОВ, В. и др., 1999. *Криминалистическое описание внешности человека. Учебное пособие*. Москва: Издательство МЮИ МВД России.

ИЩЕНКО, Е., ТОПОРКОВ, А., 2010. *Криминалистика (Учебник. Издание второе, дополненное и переработанное). Глава 7. Отождествление человека по внешним и внутренним признакам. § 3. Функциональные признаки, особые и бросающиеся в глаза приметы внешнего облика*. Режим доступа: <http://sci-lib.biz/kriminalistika/kriminalistika-uchebnik-izdanie-vtoroe.html> [См.15.07.2014].

ИЩЕНКО, Е. и др., 2013. *Криминалистика. Учебник. Глава 2. Использование данных о внешнем облике человека в следственной практике*. Режим доступа: books.google.lv/books?isbn=5392113451 [См. 15.07.2014].

ФОМУШКИН, А., 2003. *Голос и речь раскрывают криминальные тайны*. Санкт-Петербург: Юридический центр.

Juri Mashoshin

Daugavpils University, Latvia

Research interests: psychology, law, criminology

THE VERBAL DESCRIPTION OF FUNCTIONAL ELEMENTS IN CRIMINOLOGY

Summary

This article presents features of the description of the functional elements of manna individual, which in criminology are understood as habitual movements, actions and behaviour based on his/her anatomical, physiological, psychological and social properties. The author defines the place of functional features in the system of a human verbal portrait, as well as specifies their concepts, characteristics and classification. This serves as a scientific basis to present the methods of the description of the functional elements. The conclusions drawn in the article are related to the theoretical role and practical significance of the correct description of the functional elements of an individual leading to his/her successful search and identification.

According to the author's position, external parameters (functional attributes) are inherent in functional elements that reflect their nature and characteristics. The functional characteristics of an individual are part of his verbal portrait, which in criminology is understood as systematic description of the external features of a person, produced by using special terminology to find and identify him/her.

This means that when recording the functional features, one should first comply with the general rules of making a person's verbal portrait. However, with a variety of features, such as dynamism of externalisation or latency, functional features, in our opinion, require a particular approach, characterized by a higher degree of accuracy in their identification, recording and study.

In the process of organizing and conducting a search in hot pursuit of a criminal or a victim gone missing, the most characteristic functional features, i.e. the ones that are marked by a high degree of expressiveness and therefore easily perceived, are identified and indicated in the description as well as in technical carriers of data. We are talking about specific and conspicuous features that are different from average-statistical evidence not only in the frequency of their occurrence, but also in the degree of their externalisation. The complexity of the verbal description of functional features causes problems related to their unambiguous interpretation and the use of information about them in forensic activities.

KEYWORDS: verbal portrait, criminology, search, forensic identification, functional features, functional elements.

Jurijus Mašošinas

Daugpilio universitetas, Latvija

Moksliniai interesai: psichologija, kriminalistika, teisė.

ŽODINIS FUNKCINIŲ ŽMOGAUS ELEMENTŲ APRAŠYMAS KRIMINALISTIKOJE

Santrauka

Straipsnyje apžvelgiami žmogaus funkcinių elementų ypatumai: charakteringi judesiai, elgesys, priklausantys nuo jo anatominių, fiziologinių, psichologinių ir socialinių bruožų. Autorius aptaria šių elementų svarbą žodinio asmens portreto kūrimui, apibrėžia jiems priskiriamas reikšmes, ypatybes ir pateikia klasifikaciją. Taip pat straipsnyje pateikiama funkcinių elementų aprašymo metodika, teorijos ir praktikos dermės svarba vykdant asmenų paiešką.

Autorius teigia, kad funkciniais elementais būdingi tam tikri parametrai (funkciniai bruožai), atskleidžiantys jų esmę ir ypatybes. Funkciniai elementai priklauso žmogaus žodiniam (verbaliniam) portretui, kriminalistikoje jiems priskiriamas sisteminis žmogaus išorės bruožų aprašymas, atliekamas vykdant asmens paiešką pasitelkiant specializuotą terminologiją. Nustatant funkcinius bruožus, svarbu

vadovautis bendrais žodinio portreto kūrimo principais. Tačiau svarbu nepamiršti, kad funkciniai elementai turi specifinių ypatybių, tokių kaip dinamiškumas ar latentiškumas, todėl jų identifikavimui, fiksacijai ir tyrimui reikalingas ypatingas dėmesys.

Organizuojant nusikaltėlio ar dingusio žmogaus paiešką nustatomi ir aprašuose naudojami būdingiausi funkciniai bruožai, kuriuos lengva atpažinti, tokiais laikomi išskirtiniai bruožai, kurie yra lengvai pastebimi ir nebūdingi vidutiniam statistiniam asmeniui. Funkcinių elementų aprašymas yra sudėtingas procesas, todėl jį naudoti kriminalistikoje yra sudėtinga.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: žodinis portretas, kriminalistika, paieška, kriminalistinis identifikavimas, funkciniai bruožai, funkciniai elementai.

Софья Муджири

Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили

Департамент немецкой филологии

ჭავჭავაძის ვრ. 1., 0179, თბილისი, საქართველო

Тел.: +995 599 24 45 85

E-mail: s_mudshiri@yahoo.com

Область научных интересов автора: лингвистика текста, семантика, синтаксис фразеология, просодия

ИЗМЕНЕНИЕ ИДИМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕКЛАМНОГО РИСУНКА

Реклама и идиома представляют собой средства непрямой коммуникации между производителем и потребителем. Лаконичными и эффективными средствами, в частности комплексной подачей текста и рисунка, производитель старается заслужить благосклонность потребителя и заинтересовать его. Осуществление этой интенции особенно продуктивно тогда, когда производитель и потребитель принадлежат одному и тому же культурному, языковому, психо-эмоциональному миру, а это способствует адекватному восприятию и декодированию текста и рисунка потребителем. Создатель рекламы старается с юмором подобрать используемые в рекламном тексте языковые средства, среди которых самое эффективное воздействие на потребителя производят модифицированные идиомы. В рекламах, включающих текст и рисунок, намеренно подчеркивается соотношение между идиомой, идиоматическим образом и рисунком, который даже может не иметь ничего общего с идиоматическим образом. В рекламе с сопроводительным рисунком в большинстве случаев идиомы модифицированы под влиянием изображения. Не все модификации оказывают влияние на изменение идиоматического образа. Хотя существуют примеры и такого влияния. Рисунок в рекламе может оказать влияние на идиоматический образ в том случае, если: а) одновременно актуализированы дословное и переносное значение одного компонента идиоматического образа; б) рекламное изображение вызывает спецификацию идиоматического образа или его компонента. Вместе с тем значение идиомы остается без изменения, однако возможна ее

двойная интерпретация; в) в рисунке, используемом в рекламе, визуализирован один компонент идиоматического образа. В таком случае возможна только его фразеологическая интерпретация; г) к идиоме «добавляется» один компонент, однако он сохраняет фразеологическое значение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: взаимодействие идиоматического образа и рекламного рисунка, восприятие и дидактизация рекламных объявлений на уроках иностранного языка.

Рекламные объявления с рисунками опираются на социокультурные традиции и ценности языкового общества (Stockl 2004: 244) и представляют собой важную часть энциклопедического знания этого общества. Они являются медиумом, средством не прямой коммуникации между производителем и потребителем.

Заинтересованный рекламированием своей продукции производитель всегда учитывает менталитет потребителя и старается лаконичными и эффективными средствами заинтересовать покупателя и завоевать его расположение. К подобным эффективным средствам относится комплексное размещение в рекламе текста и рисунка.

Создатель рекламы старается с умом и юмором подобрать используемые в рекламном тексте языковые средства, среди которых самое эффективное воздействие на потребителя производят модифицированные идиомы. В рекламе идиомы отличаются многообразными модификациями, так как обладают большей образностью, экспрессивностью и юмором, чем узуальные идиомы, и за счет этого привлекают внимание покупателей.

Рецепция трансформированных идиом в рекламе продуктивна в том случае, если производитель и потребитель принадлежат к одному и тому же языковому, этническому и психо-эмоциональному миру. Что же касается лиц, изучающих иностранные языки и географически дистанцированных от данного иноязычного мира, то из-за несовершенного знания данной культуры и языка они часто не могут адекватно декодировать комбинацию текста и рисунка. Именно поэтому в последние годы возрос интерес ученых к изучению корреляции текста и рисунка и ее дидактизации на уроках иностранного языка.

В данной работе рассмотрены использованные в иллюстрированных рекламных объявлениях идиомы²⁷, значение которых меняется под влиянием рекламного рисунка.

²⁷ Примеры рекламных объявлений взяты из различных изданий следующих журналов: «Werbeanzeigen», «Spiegel online», «Glamour», «Auto, Motor, Sport», «Rheinischer Merkur», «Badische Zeitung».

Харальд Бургер называет идиоматическим образом конкретное представление дословного значения идиомы (2008: 90). В отличие от визуально воспринимаемого рекламного рисунка, идиоматический образ существует только в языке и сознании и возникает только в том случае, если возможна взаимосвязь между фразеологической и дословной интерпретацией идиомы, или если эта взаимосвязь носит конвенциональный и лексикализованный характер, а также если фразеологическая интерпретация определяет дословную интерпретацию, которая является ее «естественной», «наглядной» моделью» (Burger 2008: 90-93)²⁸.

Мы опираемся на определение «идиоматического образа», предложенное Х. Бургером, однако мы не рассматриваем ментальный, или языковой образ идиомы, так как это является предметом отдельного исследования.

В настоящей работе нами затронут вопрос о корреляции и взаимодействии идиоматического образа и рекламного рисунка, а также о восприятии и дидактизации рекламных объявлений на уроках иностранного языка. Идиомы, размещенные в рекламных объявлениях, часто проявляют потенциал различной интерпретации. Студент, изучающий иностранный язык, которому знакома только вербальная форма идиомы, иногда не может адекватно реконструировать значение этой идиомы, однако семиотически комплексные рекламные объявления, основанные на единстве визуальных и вербальных информации, облегчают понимание и восприятие идиом. Поэтому рассмотрение рекламных объявлений на занятиях немецкого языка и сенсбилизация студентов по отношению к ним довольно продуктивна.

---

²⁸ Идиоматический образ возникает в случае наличия следующих предпосылок:

- 1) должно быть возможным конкретное представление дословной интерпретации фразеологизма («образности» фразеологизма, или иначе говоря представление идиоматического образа);
- 2) носителю языка должна быть понятна взаимосвязь между фразеологической и дословной интерпретацией идиомы и он должен считать дословную интерпретацию «естественной», «наглядной» моделью фразеологического значения (т.е. он должен воспринимать идиому как «мотивированную»). Взаимосвязь между фразеологическим и дословным значением может быть описана как метафорическая, метонимическая, символическая и др. реляция;
- 3) эта взаимосвязь должна носить коллективный (конвенциональный) вид, т.е. она должна быть действенной для всего языкового коллектива или для ее части;
- 4) эта взаимосвязь должна быть лексикализованной, т.е. метафорическое переосмысление должно опираться на одну интерпретацию. Вместе с тем, фразеологическая интерпретация определяет дословную интерпретацию как источник метафорического образа. Фразеологическая интерпретация образа происходит арбитражно (само собой, произвольно).
- 5) Идиоматическим образом Х. Бургер считает всю сферу сенсорного восприятия, а не только визуальный, наглядный аспект. Представления о фиктивных существах, которые встречаются, например, в произведениях Христиана Моргенштерна: Regenlöwe (лев-дождь) Kamelente (утка-верблюды) и др. и визуализированы в детских книгах и в художественном творчестве, также можно считать «кандидатами» идиоматического образа. Однако к идиоматическому образу относятся только те слова, которые связаны с данной идиомой как с языковым знаком (см. Burger 2008: 90).

При подборе нижерассмотренных рекламных объявлений мы учитывали многообразные стратегии взаимосвязи представленных в них визуальных и вербальных элементов, а также актуальность идиом и степень частотности их использования.

Восприятие рекламных объявлений нами было проверено методом опроса студентов департамента германистики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Для того чтобы выяснить, как поняли студенты идиомы и какое влияние они оказали на них как на потребителя, им были розданы только тексты рекламных объявлений. Затем студентам были показаны соответствующие этим текстам и идиомам рисунки, т.е. полные рекламные объявления. И в этом случае они должны были высказать свое мнение в связи с различным восприятием идиом.

Пример для анализа №1

В гайдлайне «Geh mit uns durchs Feuer!» = «пойти в огонь и воду (за кого, за что-то)» адресат воспринимает комбинацию текста и рисунка как одно целое, как призыв выбрать сложную профессию пожарных, которая «выходит за пределы одного небольшого приключения» (см. в конце текста: und wollen mehr als nur ein kurzes Abenteuer!) На рекламном рисунке представлена дословная интерпретация идиомы, которая омонимична фразеологической интерпретации этой идиомы, хотя для понимания идиомы доминирует фразеологическое значение. Под влиянием рисунка идиоматический образ не меняется. Просто идиома лучше приспособлена к профессиональному контексту (см. также лого пожарных).

Без рисунка идиома была воспринята студентами в ее общем фразеологическом значении.

Под влиянием рисунка, по их мнению, происходит конкретизация идиомы, спецификация в связи с профессией пожарных.

Рекламный рисунок не всегда оказывает столь сильное влияние на идиоматический образ, чтобы изменить его. Хотя существуют примеры и такого влияния. Ниже будет выделено

несколько типов влияния рекламного рисунка на идиоматический образ, которые, однако, трудно разграничить друг от друга.

Пример для анализа №2

Für Schuhe über Leichen gehen...

В рекламном рисунке, в гайдлайне «Mein Mann meinte ich hätte schon genug Schuhe» («Мой муж думает, что у меня слишком много обуви») не содержится идиома, а только указывается на причину смерти мужа изображенной на рисунке женщины, о чем свидетельствуют и визуальные элементы рисунка (пистолет, убитый мужчина и т.д.). Идиома «Für Schuhe über Leichen gehen» = «шагать по трупам» (действовать беспощадно, не считаясь ни с кем), помещенная под рисунком, дословно визуализирована на нем, что вызывает ремотивацию идиомы и ее двойную актуализацию (в прямом и фразеологическом значении). Название бренда (LUCCICO) два раза встречается на рисунке и указывает на высокий имидж фирмы и качество марки.

Без рисунка идиома имеет негативную коннотацию, связанную с психикой и этическими нормами женщины.

Под влиянием рисунка резкость и отрицательная коннотация заменяется позитивным настроением и юмором. Доминантной становится дословное значение идиомы, и она понимается только как непреодолимое желание женщины приобрести рекламируемый объект, ради высокого качества которого можно пожертвовать даже мужем.

Пример для анализа №3

На идиому *fest im Sattel sein (sitzen)* = «занимать прочное положение, быть хозяином положения» в гайдлайне рекламного объявления «Ein Bit – Typ sitzt fest im Sattel» («тот, кто пьет Bittburger, прочно сидит в седле») оказывает влияние рисунок: на рисунке изображены парень и девушка в одежде для верховой езды, которые держат в руках кружки с пивом. Рисунок вызывает ремотивацию идиомы и ее дословное понимание, хотя изменение идиоматического образа обуславливает двойную актуализацию идиомы. Актуализировано как дословное значение идиомы «прочно сидеть в седле», так и фразеологическое значение «занимать прочное положение». Идиома модифицирована, так как добавлен один компонент, в частности «fest», усиливающий влияние на адресата. Идиоматический образ непосредственно связан с пропагандой пива: «Купите пиво Bittburger на октябрьских праздниках в Мюнхене!». Желание купить продукт усиливается у покупателя благодаря надписи на пивной бочке в нижнем углу рисунка: Bittburger, лого фирмы Bittburger Pils, а также приписке в верхнем углу рисунка (Bit im Oktober) и внизу (Bitte eine Bit! Bittburg/Eifel).

Без рисунка студенты понимают как фразеологическое, так и дословное значение идиомы, однако идиома оставляет общее и неконкретное впечатление.

Под влияние рисунка происходит конкретизация идиомы, ее спецификация. Одежда изображенной на рисунке пары и их имидж говорит о хорошем качестве пива. Одновременно усиливается фразеологическая рецепция идиомы («тот, кто пьет это пиво, занимает прочную позицию в жизни») и влияние рисунка на потребителя, который должен приобрести эту продукцию.

Пример для анализа №4

В гайдлайне «Wŕndkraft: eine Idee, der wir Flügel verleihen» (ветряная турбина: идея, которая претворится в жизнь) в первой же лексеме (Wŕndkraft) графема *i* заменяется изображением ветряной мельницы. Субституция семиотического знака достигается благодаря сходству графемы *i* с ветряной мельницей, которая воспринимается как вербально, так и визуально. В гайдлайне фразеологизм “jemandem/etwas Flügel verlaihen” (дать кому-то крылья, дать стимул), с одной стороны, ремотивирован лексемой «Wŕndkraft» и воспринимается как «(техническое) снабжение ветряной турбины крыльями», а, с другой стороны, благодаря изображению ветряной турбины с крыльями возникает параллельная интерпретация: «рекламирование ветряной турбины как источника альтернативной энергии». Двойная актуализация данного фразеологизма (дословная и фразеологическая) релевантна рекламному объявлению. Становится возможной сенсбилизация студентов как по отношению к фразеологическому, так и дословному значению.

По мнению студентов, понимать и запоминать фразеологизмы им помогает иконический рисунок гайдлайна (ветряная турбина с крыльями). Под влиянием рисунка внимание больше концентрируется на изображении ветряной турбины и на пропаганде ее внедрения. По их мнению, доминирует фразеологическая рецепция идиомы. Дословная интерпретация делает гайдлайн более интересным и впечатляющим.

Пример для анализа №5

В гайдлайне «Für alle, die #Neuland entdecken wollen» (Всем, кто хочет освоить #целину) идиома «Neuland entdecken» (открытие целины) имеет следующее фразеологическое значение: «открытие незнакомой, неизведанной сферы, страны». Дословное понимание идиомы не связано непосредственно с рекламой, изображенной на рисунке машины (мы здесь не видим целину). Что же касается фразеологического значения идиомы, то оно связано с визуализированным на рисунке фразеологизмом, к которому добавлена одна небольшая деталь: #, указывающая на очередную новизну и успех в карьере Ангелы Меркель.

Без рисунка идиома воспринимается с конкретным фразеологическим значением, но не передает полную информацию, так как возникают вопросы по поводу рекламируемого объекта.

Под влиянием рисунка значение идиомы становится более конкретным. В первую очередь ее значение связано с политическими успехами Ангелы Меркель. Открытие ею еще одной «целины» символизирует изображение машины, которое соотносится с фразеологическим значением идиомы (открытие целины), а также подчеркивает, что Ангела Меркель поддерживает и эту сферу.

Как видим, студенты легче понимают те модификации, которые наиболее приближены к идиоматическому образу. У студентов возникают проблемы с теми модификациями идиом, которые не соответствуют данным на рекламном рисунке.

Рекламный рисунок может вообще не оказывать влияния на идиоматический образ. Рекламный рисунок может оказывать влияние на идиоматический образ в том случае, если:

1. одновременно актуализированы дословное и переносное значения одного компонента идиоматического образа;
2. рекламный рисунок вызывает спецификацию идиоматического образа или какого-либо его компонента. Вместе с тем, значение идиомы остается без изменения, однако становится возможной ее двойная интерпретация;

3. в рекламном рисунке визуализирован один компонент идиоматического образа. В таком случае возможна только ее фразеологическая интерпретация;
4. один элемент идиоматического образа заменяется другим и он сохраняет фразеологическое значение;
5. к идиоме «добавляется» один компонент, однако он сохраняет фразеологическое значение.

Литература

BURGER, H., 2008. Das idiomatische «Bild» und seine Modifikationen durch materielle Bildertheoretische und empirische Aspekte. In: BLANCO, C. M. *Beiträge zur Phraseologie aus textueller Sicht*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 891-13.

DUDEN - *Deutsches Universalwörterbuch*. 2011 [online]. [zit. 2012-06-28]. Erreichbar von WWW: <http://www.korrekturen.de/rezensionen/duden_deutsches_universal_woerterbuch.shtml>.

FIX, U., WELLMANN, H., 2000. *Bild im Text – Text und Bild*. Heidelberg: C. Winter.

STÖCKL, H., 2004. «Werbekommunikation – Linguistische Analyse und Textoptimierung». In: KNAPP, K. et al. (eds.): *Angewandte Linguistik. Ein Lehrbuch*. Stuttgart: UTB, 233-254.

Sophie Mujiri

Tbilisi I. Javakhishvili State University; Georgia

Research interests: text linguistics, semantics, syntax, phraseology, prosody

CHANGE OF THE IDIOMATIC IMAGE UNDER THE INFLUENCE OF THE ADVERTISEMENT PICTURE

Summary

The advertisement and idiom represent the means of indirect communication between a manufacturer and a consumer. The manufacturer tries to attract the consumer's interest and favor by laconic and effective means: by complex provision of a text and a picture together. The realization of this intention is especially productive when the manufacturer and consumer belong to the same

language, cultural, ethnic and psycho-emotional world. On this basis the consumer will manage to perceive the combination of the text and the picture adequately. The person who makes the advertisement tries to select the language means with humor that are utilized in the advertisement text. Among these, from the point of view of influencing the consumer, modified idioms are the most effective. In the advertisements, consisting of a text and a picture, the relation between the idiom, the idiomatic image and the picture is especially emphasized, even if the picture has nothing in common with the idiomatic image. In advertisements with pictures, idioms are frequently modified, owing to the image. Not all the modifications influence the idiomatic image and cause its change. However, examples of such influence exist. The picture of the advertisement can affect the idiomatic image when a) the literal and metaphoric meanings of one component of the idiomatic image are actualized simultaneously; b) the advertising image causes the specification of the idiomatic image or some of its components. Herewith, the meaning of the idiom remains unchanged, but its double interpretation becomes possible; c) one component of the idiomatic image is visualized in the advertising picture. In this case only its phraseological interpretation is possible; d) one element is “added” to the idiom, though it retains the same phraseological meaning;

KEY WORDS: convergence of the idiomatic image and the advertisement picture, perceptions and didactisation of advertisement proclamation in foreign language lessons.

Sofija Mudžiri

Tbilisio valstybinis I. Džavachišvili universitetas, Gruzija

Moksliniai interesai: teksto lingvistika, semantika, sintaksė, frazeologija, kirčiavimas.

REKLAMOS VAIZDO ĮTAKA IDIOMOJE NAUDOJAMAM ĮVAIZDŽIUI

Santrauka

Reklama ir idiomos padeda kurti netiesioginio komunikavimo tarp gamintojo ir vartotojo kanalą. Naudodamas lakoniškas ir efektyvias priemones, pavyzdžiui, kompleksinį teksto ir vaizdo pateikimą, gamintojas siekia užsitarnauti vartotojo palankumą ir jį sudominti. Jei gamintojas ir vartotojas priklauso tai pačiai kultūrinei, kalbinei, psichologinei-emocinei aplinkai, teksto ir vaizdo suvokimas yra adekvatus ir efektyvus. Reklamos kūrėjai teksto kūrimui dažnai pasitelkia humorą; viena iš

efektyviausių kalbinių priemonių padedančių sukurti humoro efektą yra adaptuotos idiomos. Reklamos, kuriose naudojamas tekstas ir vaizdas, tikslingai pabrėžiamas ryšys tarp idiomos, idiomose naudojamo įvaizdžio ir reklamos vaizdo, kuris gali neturėti nieko bendro su idiomose naudojamu įvaizdžiu. Kai reklamoje naudojamas vaizdas, idiomos dažniausiai pritaikomos prie jo. Ne vis pokyčiai daro įtaką idiomose naudojamam įvaizdžiui, tačiau yra ir kitokių pavyzdžių. Reklamos vaizdas daro įtaką idiomose naudojamam įvaizdžiui, jei a) reklamoje aktualizuojama vieno idiomos komponento tiesioginė ir perkeltinė reikšmė; b) reklamos vaizdas nukreipia dėmesį į specifinę idiomose naudojamo įvaizdžio arba jo komponento reikšmę. Pastebimi atvejai, kai idiomos reikšmė nepakinta, tačiau reklamoje sudaromos sąlygos ją suprasti dvejopai c) reklamos vaizde vizualiai parodomas tik vienas idiomos įvaizdžio komponentas; tokiu atveju idioma suvokiama kaip frazeologizmas d) prie idiomos pridedamas papildomas prasminis komponentas, tačiau junginys išsaugo pradinę reikšmę.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: idiomose naudojamo įvaizdžio ir reklamos vaizdo sąveika, teksto suvokimas ir praktinis reklaminių skelbimų panaudojimas mokant užsienio kalbų.

Gemma Navickienė

Kauno kolegija / University of Applied Sciences, Kėdainiai Jonušas Radvila Study Centre

J. Basanavičiaus Str. 4, Kėdainiai

Tel.: +370 -616-50463

E-mail: gemma.navickiene@yahoo.com

Research interests: principles of translation, contrastive linguistic analysis

ON THE PROBLEMS ENCOUNTERED BY BUSINESS ENGLISH STUDENTS WHILE PERFORMING COMPARATIVE LINGUISTIC RESEARCH

Translator trainers nowadays are faced with the challenge for learners not only to gain knowledge but also enjoy the work of translator to continue doing it. To deal with novel situations, students use guesses, practice, and rules, and convert what they learn in those novel situations into "habitual" or "instinctive" processing. The more "subliminally" or "habitually" they can work, the faster they can translate.

A translator should produce a reliable and cohesive translation, and this can be reached only by comprehending the concepts of denotative, pragmatic and linguistic meanings of lexical units as well as recognising translation shifts necessary to make the translation obey the rules of a target language. In order to apply the theoretical knowledge in practice, the students of the study programme of Business English conduct a comparative linguistic research which includes the study of English texts and their Lithuanian translations in terms of rendering various meanings and applying translation shifts. As the students state, the comparative linguistic study of English texts and their translations contributes to the linguistic competence of the learners of English.

The article gives a short outline of theoretical views related to denotative, pragmatic and linguistic meanings of lexical units as well as translation shifts, and discusses the problems encountered by second-year students of Business English while performing a comparative linguistic analysis of John Galsworthy's "The Forsyte Saga" and its translation made by Irena Marija Balčiūnienė.

A deeper insight into the issue suggests a conclusion that the fulfilment of the task depends not only on the linguistic awareness of a student and his/her knowledge of the English and Lithuanian languages, but also on their willingness to self-study and improve their competences.

KEY WORDS: *denotative, pragmatic and linguistic meanings, translation shifts.*

Introduction

Robinson (2005: 242) citing the American philosopher Charles Sanders Peirce suggests seeing the translator as converting new experience into habit or "second nature". This new experience is "abductive" or based on guesswork and creative, intuitive leaps; "inductive" or based on well-established working patterns; and "deductive" or based on rules, precepts, laws, theories. The key to integrating all three "ductive" processes is the understanding that all of them are forms of *experience*: translators use all of them - guesses, practice, and rules - to deal with novel situations, and also to convert what they learn in those novel situations into "habitual" or "instinctive" processing. The more "subliminally" or "habitually" they can work, the faster they can translate. However, subliminal translation proceeds in a fruitful back-and-forth shuttle movement with conscious, analytical experience, the processing of new situations that require alert awareness and thus bring about change and growth.

Such reasoning leads to one of the fundamental assumptions that learning is most effective when it is learner-centered, i.e. each learner (each student, but the teacher as well) has experiences and makes discoveries on his or her own, and those experiences and discoveries arise out of and are tied back into his or her previous experience and knowledge as well.

The translator should try hard to produce a reliable, i.e. truthful and cohesive translation, and this can be reached by comprehending certain linguistic concepts. The key ones are denotative, pragmatic and linguistic meanings of lexical units. Another important issue is recognising translation shifts necessary to make the translation obey the rules of a target language.

The subject of the research is the findings of second-year students of Business English while performing comparative linguistic analysis of John Galsworthy's *The Forsyte Saga* and its translation made by Irena Marija Balčiūnienė in terms of rendering denotative, pragmatic and linguistic meanings and applying translation shifts.

The aim of the research is to discuss the problems encountered by the students.

To achieve this aim, the following objectives were set: 1) to give a short outline of theoretical views related to denotative, pragmatic and linguistic meanings of lexical units as well as translation shifts; 2) to classify and analyse the examples provided by students; 3) to generalise the findings and anticipate the measures to prevent errors.

The methods used include library research and qualitative as well as quantitative study of the samples provided by the students.

The first part of the article discusses the issue of the meanings of words, and the second one deals with translation shifts.

1. Rendering denotative, pragmatic and linguistic meanings of lexical units in translation

The Lithuanian linguists, the founders of the theory of translation in Lithuania, Olimpija Armalytė and Lionginas Pažūsis (1990) distinguish three basic types of the relations of linguistic signs, and thus three types of meanings:

- 1) the relation of a linguistic sign with the object it defines, i.e. denotative meaning;
- 2) the relation of a linguistic sign and the people who use it, i.e. pragmatic meaning;
- 3) the relations of a linguistic sign with other words of the same system, i.e. linguistic meaning.

However, another linguist, Mona Baker (2011:11), distinguishes four main types of meanings: 1) propositional meaning; 2) expressive meaning; 3) presupposed meaning; 4) evoked meaning.

The definition of the propositional meaning as “the relation between it and what it refers to or describes in a real or imaginary world, how it is conceived by the speakers of the particular language to which the word or utterance belongs” (Baker, 2011:11) suggests a conclusion that it is similar to the denotative meaning defined by Armalytė & Pažūsis (1990).

According to Baker (2011:12), the expressive meaning relates to the speaker’s feelings or attitude rather than to what words and utterances refer to. This actually coincides with the pragmatic meaning defined by Armalytė & Pažūsis (1990).

Baker (2011:12) states that the presupposed meaning arises from co-occurrence restrictions, i.e. what other words or expressions we expect to see before or after a particular lexical unit. These restrictions are of two types:

1) selection restrictions, which are affected by the function of the propositional meaning of a word, e.g. the adjective for *studious* requires the subject to be a person, and the adjective for *geometrical* goes with an inanimate object. Such restrictions are usually strictly observed;

2) collocation restrictions are semantically arbitrary restrictions which do not follow logically from the propositional meaning of a word, e.g. in English, *teeth* are *brushed*, but in German and Italian they are *polished*, in Polish they are *washed*, and in Lithuanian they are *cleaned*.

Armalytė & Pažūsis (1990) would attribute these features to the linguistic meaning, which refers to relations of a word with other words of the same system.

Baker (2011:13) states that the evoked meaning arises from dialect and register variation. According to Armalytė & Pažūsis (1990), these might be associated with pragmatics, as the scholars relate register, style and emotive colouring to the pragmatic meaning.

In order to apply the theoretical knowledge in practice, the students of the study programme of Business English traditionally conduct comparative linguistic research which includes the study of English texts and their Lithuanian translations in terms of rendering various meanings.

The study of the examples provided by the second-year students of the study programme of Business English revealed the quantitative and qualitative problems encountered by them while performing a comparative linguistic analysis of John Galsworthy's *The Forsyte Saga* and its translation made by Irena Marija Balčiūnienė.

The Forsyte Saga was divided into 20 sections, and the students were supposed to analyse the assigned portion of the text and its translation in terms of conveying various meanings or applying translation shifts. The structure of the analysis was based on the system provided by Armalytė & Pažūsis (1990). The students were expected to find 50 sentences illustrating certain linguistic issues. However, the minimum of 25 examples was also set, i.e. each student was made to provide at least 25 correct examples.

First, some attention should be devoted to the quantity. Five students out of 10 who analysed the ways of rendering the meanings provided the minimum of 25 - 31 correct examples, 1 student found 37, and 4 strived for the maximum and provided 45 - 50 correct examples.

These numbers suggest that the fulfilment of the task depends not only on the linguistic awareness of a student and his/her knowledge of the English and Lithuanian languages, but also on willingness to self-study and improve competences.

Next to discuss is the quality, i.e. what linguistic problems were encountered by the second-year students of the study programme of Business English, who have just finished the course of the Basics of the Science of Translation.

The overall number of examples provided to illustrate how the *denotative meaning* might be rendered while translating from English into Lithuanian was 254. However, 31 of them were incorrect.

Table 1. The number of correct and incorrect examples illustrating rendering of the denotative meaning

Denotative meaning					
Full correspondences		Partial correspondences		Non-equivalence	
Total	Incorrect	Total	Incorrect	Total	Incorrect
64	6	110	4	80	21

The incorrect examples of full correspondences included non-equivalent names such as *Bosinney* (p.62) - *Bosini* (p.75); figuratively used *monkey* (p.442) - *beždžionaitė* (p.540), etc.

Good God! She had caught the trick from what he'd told her in the Gallery monkey! (p. 442)   *O Dieve! Kaip mikliai ji pasinaudojo triuku, apie kurį pats jai ką tik buvo papasakojęs paveikslų galerijoje – tai beždžionaitė! (p. 540)*

These are not cases of full correspondence.

As most words have several meanings in other languages, partial correspondences were not actually difficult to illustrate. However, some cases were misunderstood. *Hat* and *age* in the sentences provided are related to full equivalence.

Her aunts reproached June afterwards about the hat (p. 33).   *Po įvykio su skrybėle tetos užsipuolė Džunę (p. 14).*

Its age was felt to be a comfort (p. 22).   *Visus labai guodė garbingas šios vietovės amžius (p. 43).*

However, cases of non-equivalence caused more problems. The first reason was failure to identify the words that have no correspondences, as in

“Please be good friends, you two!” (p.35)   *Norėčiau, kad ir judu susidraugautumėt. (p.16)*

where there is no non-equivalent lexis. The second reason was failure to identify the ways of rendering the meaning of non-equivalent lexical units as in

*And, sick with nervous anxiety, he sent out for one of the “new-fangled” **motor-cabs**.(p.210)*   *Ir, nervingo nekantrumo krečiamas, Somsas liepė pašaukti „naujamadi“ **taksomotorą**. (p.462)*

where *motor-cab* is treated as a *calque* (a word or phrase borrowed from another language by literal, word-for-word or root-for-root translation) whereas this is a case of approximate translation.

While searching for the cases of rendering the *pragmatic meaning*, the students managed to provide 88 examples, 15 of which were incorrect.

Having investigated the students' mistakes made while identifying pragmatically marked lexical units in the source text and ways of rendering this meaning in the target language, a conclusion can be drawn that the most popular mistakes were

a) providing examples without pragmatically marked words and expressions (13 examples) as in

<i>Yes, Jon, I know.</i> (p. 83)	- <i>Taip, Džonai, aš gerai tave suprantu.</i> (p. 605)
<i>Saturday to Monday was spent at his Club in town ...</i> (p. 217)	- <i>Savaitgalius nuo šeštadienio iki pirmadienio jis praleisdavo savo klube, Londone...</i> (p. 310)

(The first sentence, in fact, **is** related to register, but it is not the part *I know* that is pragmatically marked. The translator chose the informal register while addressing Jon by "tu", a singular pronoun.)

b) failure to understand the strategies of rendering the register and emotional expressiveness (2 examples) as in

<i>He asked: "Why don't you get Irene?"</i> (p.132)	<i>Jis paklausė, kodėl ji nevažiuojanti su Irena</i> (p. 147)
<i>Shyly, with a false start, they began</i> (p. 344)	- <i>Jos pradėjo nedrąsiai, nepataikydamos į taktą.</i> (p. 270)

In the first example, the direct question is replaced by an indirect one, thus avoiding the problem of the register, and in the second the informal *start* is replaced by the neutral *pradėjo*.

Identifying the ways of rendering the *linguistic meaning* was the most complicated. Only 49 examples were provided, 13 of which were incorrect.

Due to differences in language systems, the linguistic meaning is very often not preserved. The students provided the least number of examples. Moreover, they made a lot of mistakes, some of which were related to rendering definiteness or indefiniteness expressed by the article (4 mistakes), as in

<i>He decided to commence with the Botanical Gardens, where he had already made so many studies, and chose the little artificial pond,</i>	<i>Jaunasis Džolionas nusprendė pradėti nuo Botanikos sodo, kur ir anksčiau jau buvo daręs nemažą etiudų, ir pasirinko dirbtinį tvenkinėlį,</i>
---	---

sprinkled now with an autumn shower of red and yellow leaves, for though the gardeners longed to sweep them off, they could not reach them with their brooms (P1, p.168)   *visą nupiltą raudonais ir geltonais lapais, kadangi sodininkai, be galo trokštantys tvarkos, negalėjo jų čia pasiekti. (p.198).*

where the meaning of the definite articles is not rendered. There were 5 incorrect examples with repeated past actions, as in

<i>Swithin protruded his pale round eyes with the effort of hearing (P. 38).</i>	<i>Svidinas net išsproginio bespalves apskritas akis, kad geriau girdėtų (p. 18)</i>
<i>Banks were not lending; people breaking contracts all over the place. (P3. p. 108)</i>	<i>Bankai atsisako duoti paskolas; visur nutraukinėjami kontraktai. (p. 632)</i>

where there is no indication of a repeated action in the translation.

The results of the applied linguistic study of the English text and its translation conducted by the second-year students of the study programme of Business English reveal that all students managed to provide the required minimum of the examples. The dynamics of the number of the examples provided to illustrate theoretical issues related to denotative, pragmatic and linguistic meanings suggests that the students were not anxious enough to work hard and find the required maximum of the examples.

Most of the students concentrated on *the denotative meaning*. A total of 254 examples were provided, which makes the average of 25.4 examples per students. However, 31 examples were incorrect, i.e. 3.1 example per student.

The examples of the *pragmatic meaning* were simply skipped by some of less literary-minded students. However, those who understand register and recognise emotionally coloured words found really nice examples which illustrate that even though nations use different means to express connotations, they can share the same impression as there are means to convey the power of ideas in other words. The main problem of the applied linguistic study that the students encountered was that they were not careful enough and included too many examples that had no pragmatically marked lexical units. A total of 88 examples were provided, which makes an average of 8.8 examples and 1.5 mistakes per student.

The *linguistic meaning* was the last section, which might suggest that the maximalists had already found the required number of examples and did not go deeper into the study. For those who still did not have the sufficient number of examples that was at least an understandable task. The section was based on the grammatical issues they had recently studied. However, some students failed to conduct a

comparative analysis that involved two languages: 49 examples were provided; however, 26.5 per cent of them were incorrect.

To sum up, the second-year students of the study programme of Business English, who had just finished the course in the Basics of the Science of Translation, provided 12.2 per cent of incorrect examples that were supposed to illustrate the denotative meaning and ways of rendering it in the target language; 17 per cent of incorrect examples that were supposed to illustrate the pragmatic meaning and ways of rendering it in the target language; and 26.5 per cent incorrect examples that were supposed to illustrate the linguistic meaning and ways of rendering it in the target language.

2. Applying shifts in translation

As Christina Schäffner (2000) points out, translation requires an awareness of and conscious reflection on all the relevant factors for the production of a target text that appropriately fulfils its specified function for its target addresses. The linguist also names other competences, which are involved in general ability to understand the translation process, such as:

- **linguistic competence:** a translator needs proficiency in the languages which she/he is translating between;
- **cultural competence:** a translator needs to know the historical, political, economic and other relevant information of the sender and his/her receivers;
- **textual competence:** a translator needs to know about genre and register conventions and other textual regularities which are relevant to an assignment at hand;
- **subject-specific competence:** a translator needs to have relevant background knowledge about the topic in question;
- **research competence:** a translator needs to know how to search for relevant information. She/he also needs to be critical of what he/she found, especially on the Web;
- **transfer competence:** a translator needs to be qualified in using a source text appropriately and in producing a target text in a satisfactory way. This competence integrates all the others, and it is the only one that is specific to translation.

Eugene Nida and Charles Taber (1969:105-6) state that "in translating the message from one language to another, it is the content which must be preserved at any level; the form, except in special

cases, such as poetry, is largely secondary, since within each language the rules for relating content are highly complex, arbitrary and variable...". This is where translation shifts become of great importance.

According to Mohammad Q.R. Al-Zoubi and Ali Rasheed Al-Hassnawi (2001:1), "shifts are all the mandatory actions of the translator (those dictated by the structural discrepancies between the two language systems involved in this process) and the optional ones (those dictated by personal and stylistic preferences) to which he/she resorts consciously for the purpose of natural and communicative rendition of an SL text into another language". Thus, a *shift* should be redefined positively as the consequence of the translator's effort to establish translation equivalence between two different language systems.

Pažūsis (2014) groups translation shifts into lexical and grammatical replacements, omissions and additions, including transpositions under the heading *Replacing the order of words and clauses* (2014:446). This proves that most shifts very often interlink making the process of translation a complicated creative occupation based on translator's linguistic awareness and extra-linguistic competence.

Transposition is actually a change of word or clause order in a sentence. In English, word order is generally strict, i.e. *the subject + the verb + object + adverbial modifiers*. However, Lithuanian is a synthetic language, which means that most grammatical forms have inflexions. Thus, sentence construction is based on logic rather than the syntactic function of words and their collocations. In Lithuanian, the theme is usually placed at the beginning of the sentence, and the rheme is usually put at the end. According to Peter Newmark (2010) and Mona Baker (2011), theme states the subject of discourse, which is normally referred to in, or logically consequential upon, the previous utterance (sentence or paragraph), whereas rheme is the fresh element, the lexical predicate which offers information about theme.

The English language has articles that indicate whether the information is new (*a*) or known (*the*). Thus the English sentence *A boy [rheme] came up to me* and should be translated *Prie manęs priėjo berniukas [rheme] (to me came up a boy)* into Lithuanian (Navickienė 2012:22).

The same reason makes the translator change the order of clauses. In the sentence *It was pretty early, when I got there*, the information placed in the main clause is more relevant, so in the translation into Lithuanian, the subordinate clause will be placed at the beginning, i.e. *Kai ten nuėjau, buvo dar anksti (When I got there, it was pretty early)*. In Lithuanian, the object usually precedes the verb. Thus,

very often Lithuanian learners of English instead of saying *We use the Past Simple*, start the sentences with *The Past Simple we use ...*, which is a mistake.

Omissions are very handy if the SL is a wordy language. The English say *I opened my eyes*; Germans express the same idea by *Ich habe meine Augen geöffnet*, whereas Lithuanians need one word only, i.e. *Atsimerkiaiu*. While translating from English into Lithuanian, personal pronouns and possessive adjectives are omitted most frequently, to say nothing about form words.

Additional words are sometimes used due to linguistic reasons. *He learns English* is translated into Lithuanian *Jis mokosi anglų kalbos*. This is because the word *English* consists of two semantic components, i.e. *English + language*, whereas in Lithuanian the second component should be expressed formally.

Addition is also necessary to introduce culture-specific items. In certain contexts, *I live near the Main* translated without the supplementary word *river* might not be understood. The Lithuanian sentence *Aš gyvenu prie Smilgos*. ~ *I live near the Smilga* might also need the word *river*.

However, the shifts are mainly categorised according to whether they occur on the level of grammar or semantics.

Pažūsis (2014) distinguishes grammatical and lexical semantic replacements.

Grammatical replacements include replacements of forms, parts of speech and parts of the sentence as well as the syntactic structure of the sentences of the source language by appropriate ones of the target language.

Pažūsis (2014) and some other linguists (Artamonova & Dil, 2000; Gudmanyman & Sydoruk, 2007; Proshina, 2008) distinguish the following types of lexical-semantic replacements:

1. *Specification*, which is the replacement of a word or word combination in the source language (SL) which has a wider meaning by a target language (TL) word or its combination with a narrower meaning.

2. *Generalization*, which is opposite to specification and is the replacement of a SL unit having a narrower meaning by a TL unit with a wider meaning.

3. *Modulation*, which is the replacement of a word or its combination in the SL by a unit of the TL the meaning of which is logically deduced from the meaning of the initial unit. Mostly the meanings of the correlated words in the SL text and translation appear to be connected by *cause-and-effect* relations.

4. *Antonymous translation*, which is the replacement of a concept by a word of an opposite meaning. This very often involves other grammatical and lexical transformations. However, even

though words that have a positive meaning are replaced by words that have a negative one or vice versa, the overall meaning of the statement does not change.

How did the students manage to provide appropriate examples of grammatical and lexical replacements?

Those students who looked for transformations can be divided into two distinct groups. The six minimalists were satisfied with 25-31 examples, whereas the four maximalists managed to find 42-48 correct examples.

Contrary to those who studied the rendition of the linguistic meaning and found only 49 examples, those who studied grammatical replacements found 174 of them, which makes an average of 17.4 examples per student. However, a lot of mistakes were made, which again reveals insufficient linguistic knowledge, especially at grammar level. Even 21.3 per cent of the examples related to replacements of parts of speech, parts of the sentence and sentence structure were incorrect.

Table 2. The number of correct and incorrect examples illustrating grammatical replacements

Grammatical replacements							
Word forms		Parts of speech		Parts of the sentence		Structure	
Total	Incorrect	Total	Incorrect	Total	Incorrect	Total	Incorrect
17		94	28	36	11	27	12

Thirteen incorrect examples of an adjective replaced by a noun were provided by the students.

*Emily, who thought she knew him so well, was **alarmed** (participle), and went towards...* *Emilė, kuri tarėsi jį gerai pažįstanti, išsigando (verb) ir nuėjo prie...* (p.317)
(P2, p.258)

*Don't be **angry** (adjective), Jon dear.* (p.10)

*Džonai, brangusis, **nepyk** (verb)* (p.662)

*Mrs. Small grew **nervous** (adjective).* (p.63)

*Misis Smol **sunerimo** (verb)* (p.76).

Five mistakes were made while illustrating the case of an adjective replaced by a noun in the possessive case.

*Taking his letters he went up to his dressing-room to cleanse himself of **London**.* (P. 3, p.

*Pasiėmęs apačioje laiškus, Somsas užlipo į savo drabužinę nusipurtyti **Londono** dulkių.* (p.

113)

<...>*alacrity that the first fine day will bring into **London** streets after a spell of fog or rain.*

(P. 1, p. 276)

In both cases, *London* is a noun.

Five mistakes were made while illustrating the case of a noun with the suffix *-er* replaced by a verb phrase. In the first sentence, the substantivised noun is omitted, and there are no nouns with the suffix *-er* in the English sentence that follows.

*He therefore said, "Well, good-day!" and went, leaving Dumetrius **the wiser***

(*substantivised adjective*). (P. 3, p. 113)

Annette's startled eyes grew wide, till the whites showed above them. (P. 1, p. 4)

638)

<...>*veržlumą pirmą puikią dieną po rūkų ir lietaus **Londono** gatvėse.* (p. 239)

Puiku! Viso gero! – pasakė jis ir išėjo, gailėdamasis, jog atidengė kortas. (p. 637)

Įbūgusios Anetės akys taip išsiplėtė, kad net baltymai virš jų pasimatė. (p. 656)

The analysis of the examples illustrating the replacement of parts of the sentence reveals that some of the students simply do not know what a subject is and how it differs from an object.

*"I want Mr. Soames Forsyte," he said to **the boy** (object) who opened the door.* (P2 p. 273)

*When Fleur left him Jon stared at **the Austrian** (object).* (P. 8)

*Perhaps this What's-his name will provide **the cocoa** (object).*" (P1 p. 22)

*A choking sensation had attacked his **throat** (object), and he had hurried away into the mist.* (P2 p. 252)

*- Aš noriu matyti misterį Somsą Forsaitą, - pasakė jis **atidariusiam duris berniukui** (object).* (p. 334)

*Flerei išėjus, Džonas įbedė žvilgsnį **į austrę** (object).* (p. 660)

*Galbūt tas – kuo jis ten vardu – įstengs nupirkti **kakavos** (object)?* (p. 26)

*Somsas pajuto kylantį gniužulą **gerklėje** (adverbial modifier of place) ir skubiai dingo rūke.* (p. 310)

Most mistakes were made while illustrating syntactic replacements (44.5 per cent of the total), i.e. 4 incorrect examples of a composite sentence replaced by a simple sentence (see sentence *a*); 4 incorrect examples of a compound sentence replaced by a complex sentence (see sentence *b*); 2 incorrect examples of composite sentences joined by conjunctions (see sentence *c*); and 2 incorrect examples of homogenous parts of sentences and not sentences joined by conjunctions (see sentence *d*) were provided.

(a)... so slight a girl June had a great dignity, the fearlessness of her eyes gave her that (composite). (P1 p. 146)

(b) One misses an old customer like him (simple). (P3. p. 98)

(c) She avoided looking at him while she said that, but she saw him well enough (mixed type). (P. 1)

(d) ...not unsolid, but unobtrusive figure... (P2 p. 253) (homogenous parts of the sentence)

.. Džunė, kad ir trapi būdama, pasižymėjo nepaprastu didingumu, o tą didingumą teikė jai bebaimis žvilgsnis (mixed type). (p. 173)

– Skaudu, kai netenki šitokio seno kliento (complex). (p. 620)

Šitaip klausdama, Flerė į jį nežiūrėjo, tačiau matė pakankamai gerai. (complex) (p. 654)

...nestokojanti solidumo ir visiškai neįkyri jo figūra... (p. 311)

The results of the comparative linguistic analysis of grammatical replacements reveal that the main problems are students' lack of the knowledge of both, the English and Lithuanian grammars. However, some students failed to correctly group the examples found due to carelessness or lack of attentiveness. Grammatical replacements are very useful in the daily routine of a translator, and they help students improve their grammatical knowledge and linguistic awareness.

Lexical replacements seemed to be quite understandable. From 77 examples, only 6 were incorrect.

Table 3. The number of correct and incorrect examples illustrating lexical replacements

Lexical replacements							
Specification		Generalisation		Cause - consequence		Antonymous	
Total	Incorrect	Total	Incorrect	Total	Incorrect	Total	Incorrect
46	2	8	4	2	-	21	-

The mistakes of specification included

"I don't like that blouse," he said slowly, "it's a soft, shapeless **thing**!" (p. 157)

where the word *thing* is simply omitted, and

Even now, when the business had been turned into a Limited Liability Company, and **was declining** (Past Continuous), he felt a sharp chagrin in thinking of that time (p. 23).

„Man nepatinka šita palaidinukė, lėtai ištarė Somsas,- pernelyg lengva ir beformė“ (P. 184)

Net dabar, kai firma persitvarkė į „Ribotos atsakomybės kompaniją“ ir reikalai pašlijo, senasis Džolionas pajusdavo skaudžią neviltingą prisiminęs anuos laikus. (P. 28)

where the verb *be* is not specified. In the source language, it is just an auxiliary used to form a continuous form.

The case of generalisation was more problematic, as a half of the examples provided were incorrect.

Annette's startled eyes grew wide, till the whites showed above them (p. 454). *Įbūgusios Anetės akys taip išsiplėtė, kad net baltymai virš jų pasimatė.* (P. 656)

“Come round at once. I’ve sent the **carriage** for you” (p. 277) „Atvažiuok tuojau pat. Siunčiu **karietą.**” (P. 240) (specification).

The first sentence has no generalisation, and the second is a case of specification.

The results of the close study of the examples provided by the students reveal that grammatical replacements caused a lot of problems due to poor knowledge of the English grammar; poor knowledge of the Lithuanian grammar; and failure to compare English and Lithuanian grammatical issues.

Lexical replacements were not difficult to identify, which is obvious from the figures of correct and incorrect examples.

As the research dealt with *the problems encountered by students*, it seems to be rather pessimistic. However, it should be borne in mind that there were maximalists, who did the job very well. Even every minimalist provided at least 25 correct examples. Definitely, there were more correct examples than incorrect ones, which proves that all of the students at least tried to integrate all the three "ductive" processes into their experience. They guessed, practiced, and checked the rules. As the students state themselves, the comparative linguistic study of English texts and their translations contributes to the linguistic competence of any learner of English.

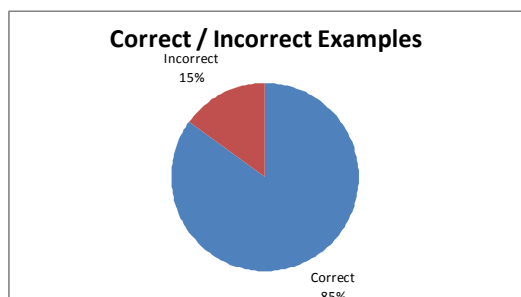

Fig. 1. The percentage of correct and incorrect examples made while identifying rendition of meanings

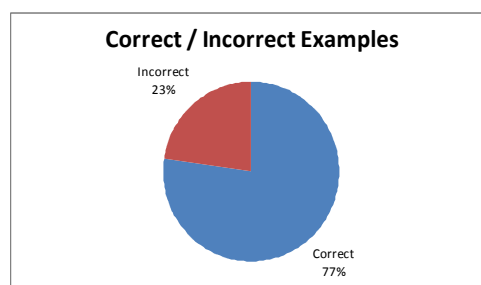

Fig. 2. The percentage of correct and incorrect examples made while identifying translation shifts

Conclusions

Having reviewed the theoretical aspects of denotative, pragmatic and linguistic meanings and ways of rendering them while translating from English into Lithuanian; discussed translation shifts and their necessity in the process of translation; and studied the comparative samples provided by the second-year students of Business English, the following conclusions can be drawn:

1. The analysis of authentic examples from translations of experienced translators encourages students to reflect on the theoretical issues studied and offers them valuable insights into the nature and function of the source and target languages.

2. The nature of the mistakes made by students while analysing the translation in terms of conveying various meanings and applying grammatical and lexical replacements proves learners' inattentiveness and insufficient linguistic competence.

3. While training translators, more attention during theoretical lectures and workshops should be paid to comparative study of English and Lithuanian lexical and grammatical systems. Besides, it might be useful to include into curriculum special courses for those who are interested in comparative linguistic studies.

References

- AL-ZOUBI, M., Q., R. & AL-HASSANAWI, A. R. (2001) *Constructing a Model for Shift Analysis in Translation*. Translation Theory, Volume 5, No. 4, October 2001. Available from:
- a. <http://www.bokorlang.com/journal/18theory.htm>. [Accessed on 25/06/2014]
- ARMALYTĖ, O., PAŽŪSIS, L. (1990). *Vertimo teorijos pradmenys*. Vilnius: Vilniaus universitetas.
- BAKER, M. (2011). *In Other Words*. Second edition. London: Routledge.
- NAVICKIENĖ, G. (2012). *Vertimo teorija ir praktika*. Papildytas leidimas. Kaunas: Kauno kolegijos leidybos centras.
- NEWMARK, P. (2010). *Approaches to Translation*. New York: Pergamon Press.
- NIDA, E., & TABER, C. (1969). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E. J. Brill.
- PAŽŪSIS, L. (2014). *Kalba ir vertimas*. Vilniaus universitetas.
- ROBINSON, D. (2005). *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. Second Edition*. London and New York: Routledge.
- SCHAFFNER, Ch., ADAB, B. J. (2000). *Developing Translation Competence*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Sources of examples

Examples provided by 20 students of the study programme of Business English. Individual applied comparative linguistic research. Kedainiai, 2012.

GALSWORTHY, J., *Forsyte Saga*. Available from

http://www.pdfbooks.co.za/library/JOHN_GALSWORTHY/JOHN_GALSWORTHY-THE_FORSYTE_SAGA_-COMPLETE.pdf [Accessed on 15/02/2014].

GOLSVORTIS, D. (1981). *Forsaitų saga*. Vilnius: Vaga.

Gemma Navickienė

Kauno kolegijos Kėdainių Jonušo Radvilos studijų centras, Lietuva

Moksliniai interesai: vertimas, lyginamoji lingvistinė analizė

PROBLEMOS, SU KURIOMIS SUSIDURIA VERSLO ANGLŲ KALBOS STUDENTAI, ATLIKDAMI LYGINAMĄJĮ LINGVISTINĮ TYRIMĄ

Santrauka

Vertimo dėstytojai susiduria su iššūkiu, kaip ne tik išmokyti studentus versti iš vienos kalbos į kitą, bet ir pamėgti vertėjo darbą. Versdami studentai spėlioja, įgyja praktinių įgūdžių, kuriuos stengiasi paversti įpročiais. Kai įgūdžiai suformuojami, vertimo procesas pagreitėja.

Vertėjas turi pateikti patikimą ir rišlų tekstą, tam būtina, kad vertėjas suprastų denotacines, pragmatines, ir lingvistines leksinių vienetų reikšmes; bei kokias vertimo perdaras naudoti verčiant tekstą. Verslo anglų kalbos studentai pritaiko teorines žinias praktiškai atlikdami lyginamąjį lingvistinį tyrimą, kurio metu analizuoja tekstus anglų kalba ir jų vertimus į lietuvių kalbą. Tyrimo metu pagrindinis dėmesys skiriamas įvairių reikšmių vertimui bei vertimo perdarų praktiniam taikymui. Studentų nuomone, šis tiriamasis darbas padeda tobulinti anglų kalbos kompetencijas.

Straipsnyje pateikiama trumpa teorinės medžiagos apie denotacines, pragmatines ir lingvistines leksinių vienetų reikšmesbei vertimo perdaras apžvalga. Taip pat straipsnyje aptariamos problemos, su kuriomis susidūrė antro kurso anglų verslo kalbos studentai, atlikdami lyginamąjį John Galsworthy romano “Forsaitų saga” ir Irenos Marijos Balčiūnienės vertimo tyrimą. Apibendrinant, tyrimo

rezultatai parodė, kad užduoties atlikimas priklauso ne tik nuo studentų kalbinių kompetencijų bet ir nuo jų noro savarankiškai mokytis ir tobulinti asmenines kompetencijas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: denotacinė, pragmatinė ir lingvistinė reikšmės, vertimo perdaros.

Кристина Николова

Российский университет дружбы народов

ул.Миклухо-Маклая дом.17, 117198, Москва, Россия

Тел. +7985 8842574

E-mail: Kristina.nikolova89@gmail.com

Область научных интересов автора: сопоставительное языкознание, социолингвистика, межкультурная коммуникация

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МАССОВОГО АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ AMNESTY INTERNATIONAL

Статья посвящена описанию социальной направленности документов международной неправительственной организации Amnesty International, отражающих ее работу в двух странах – во Франции и в России. Деятельность Amnesty International направлена на то, чтобы объединить людей доброй воли и сформировать позицию международной общественности по самым острым вопросам современности. В рамках данной статьи за основу анализа принимается социальная дифференциация массового адресата по возрасту и полу. Особенности этих социальных групп учитываются адресантами текстов организации с целью подчеркнуть направленность того или иного послания на определенную целевую аудиторию и сделать его более эффективным. В статье анализируются некоторые лексико-грамматические средства речевого воздействия, обусловленные спецификой предполагаемой аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Речевое воздействие, социальная направленность текстов, международная неправительственная организация

Amnesty International – это международная неправительственная организация, основанная в 1961 году британским юристом Питером Бененсоном и объединяющая людей из разных стран, которые выступают за соблюдение общепризнанных прав каждого человека на основании Всеобщей декларации прав человека. Организация работает в разных странах мира и распространяет тексты на английском, французском, русском, испанском, арабском и других

языках. Деятельность организации изначально была направлена на решение вопросов по делам узников совести; впоследствии эта деятельность была расширена, так как организация начала заниматься также гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными вопросами.

Необходимо отметить, что действия организации, обычно нацеленные на критику политики правительства в различных государствах, встречают ответную критику со стороны правительств, которые часто воспринимают требования Amnesty International как вмешательство во внутренние дела страны.

Источники информации Amnesty International являются одинаковыми для создания документов на разных языках. В основе проведенного анализа лежат материалы, взятые с официальных сайтов организации на русском (www.amnesty.org.ru) и французском (www.amnesty.fr) языках. Совокупность всех текстов можно рассматривать в рамках такого понятия как «корпоративный дискурс». Под этим термином обычно понимается «речь, рассматриваемая как целенаправленная социальная деятельность, обеспечивающая самоидентификацию группы, инкорпорирование индивида в данную группу и позиционирование группы в сознании адресата, характеризующуюся определенными философскими, ценностными и социопрагматическими установками и определенным репертуаром речевых стратегий» (Колобова 2007: 9). Корпоративный дискурс является примером кооперирующего общения, в котором организация регулирует речевые стратегии текстов и излагает общие принципы взаимодействия адресанта и адресата (Колобова 2007: 20).

Среди представленных документов можно выделить тексты разных жанров – отчеты, статьи, пресс-релизы, петиции, аналитические доклады, брошюры, рекламные объявления, интервью и т.д. Перечисленные материалы относятся в основном к двум функциональным стилям, элементы которых иногда взаимодействуют в рамках одного документа, – публицистическому и официально-деловому. Анализ такого взаимодействия можно найти, например, в работе Е. А. Бочарникова «Стилистические заимствования как проявление интердискурсивных отношений» (Бочарникова 2011).

В данной статье рассматриваются тексты, написанные в жанре обращения, опубликованные в рамках кампаний во Франции и в России (общий объем выборки составил 20 документов). С точки зрения жанра, «обращением» часто называют любую официальную призывающую речь, однако обращение имеет свои жанровые черты, закрепленные в речевой

традиции и продиктованные официальной ситуацией, статусом говорящего (официальное уполномоченное лицо), статусом адресата ("не-подчиненный"), с целью побудить слушателей к определенным действиям в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Таким образом, обращение воспринимается как официальная речь, в которой в интенсивной форме (в отличие от просьбы) высказывается развернутый аргументированный призыв к общественно-значимым действиям (в отличие от побуждения) и которая предназначена для аудитории, не находящейся в отношении прямого подчинения оратору (в отличие от приказа). Именно поэтому обращение не может ограничиться лишь перечислением (как в приказе) действий, которые нужно совершить, а должно содержать развернутую аргументацию необходимости совершения действия для самих слушателей и его общественную полезность (Т. Анисимова, Е. Гимпельсон 2002: 107).

Выбор жанра производится адресантом на основе поставленных коммуникативных целей и используемых стратегий сообщения. Под влиянием жанровых норм адресант настраивается на определенный вид общения, а адресант, в свою очередь, создает речевое произведение с учетом ожиданий адресата. Под речевым жанром мы понимаем «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов), которые характеризуются следующими основными свойствами: они объективны по отношению к индивиду и нормативны; источены, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; характеризуются особым оценочным отношением к действительности; выполняют функцию интеграции индивидуумов в социум; многообразны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения; являются опорой для творчества» (Салимовский 2003: 352).

Для создания текста и воплощения в нем своих коммуникативных интенций (информирование, воздействие, убеждение и др.) адресант продумывает коммуникативные стратегии. О. С. Иссерс отмечает, что «в самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» (Иссерс 2011: 12).

Целью текстовой информации Amnesty International является привлечение внимания общества к важным социальным темам для решения острых проблем в области прав человека. Эта информация, как правило, снабжена фотографиями, которые дополняют вербальные средства и усиливают эмоциональный эффект, а значит, и речевое воздействие документов на

адресата. Выбор фотографий не случаен: они иллюстрируют главную идею текста и делают его более доступным для массовой аудитории.

Одним из важных речевых средств воздействия является употребление глаголов в форме повелительного наклонения, императивов: например, в слогане-призыве «*Contrôlez les armes*» (*Контролируйте оборот оружия) важным лексико-грамматическим средством выражения социальной направленности текстов и на русском и на французском языке является императив, при этом он может быть представлен как в форме единственного, так и множественного числа «*Mobilisez-vous*» (*Действуйте), «*Informe-toi*» (*Будь в курсе). Грамматическая семантика императива взаимодействует с лексической семантикой глаголов «действовать», «контролировать», что усиливает речевое воздействие слоганов, которые представляют собой «мини-тексты» (Ремчукова 2013). Выбор способа обращения к адресату предполагает выбор той или иной формы числа глагола в форме императива и, как правило, зависит от дифференциации аудитории по возрастному признаку (Болотин, Волкова 2012). Тексты организации предназначены для широкого круга читателей ввиду общественной значимости обсуждаемых проблем. Тексты направлены на массовую аудиторию, таким образом, их адресат может рассматриваться как «массовый» (под этим термином обычно понимается пользователь средств массовой коммуникации - телевидения, радио, интернет). У него нет возможности участвовать в общении в качестве говорящего: он не может ни согласиться, ни высказать возражение, ни перебить адресанта. Роль массового адресата с формальной точки зрения можно назвать пассивной, поскольку она сводится к восприятию текста адресатом без выраженных (Колокольцева 2001: 17). С точки зрения социальной идентификации адресат предстает как человек с активной социальной позицией определенного возраста и пола, так как возрастная и гендерная дифференциация имеет ключевое значение при разработке кампаний организации.

Известно, что молодежь более восприимчива к призывам, чем представители старшего поколения. Рациональное отношение к призывам свойственно, скорее, людям среднего возраста (30-45 лет); пожилое население относится к ним более негативно по сравнению с другими возрастными группами (Сиротинина 1998: 4). Молодежь в большей степени отзывается на импульсы времени, что позволяет адресанту использовать эти качества для проведения эффективной кампании. Например, экспрессивный призыв «**НЕ МОЛЧИ! ДЕЙСТВУЙ!**» направлен в большой степени на молодую аудиторию и не зависит от гендерной дифференциации (Болотова 2007).

С другой стороны, в русской версии сайта есть рубрика «18+», предназначенная для лиц старше 18 лет («Активистам азербайджанского молодежного движения грозит тюрьма»; «Amnesty International провела акцию против смертной казни в Белоруси», «Напиши свое послание Pussy Riot!»). Важно отметить, что данное ограничение существует только в России, во Франции и в других странах такого ограничения нет. Приведем следующий пример, взятый с французского сайта(www.amnesty.fr) : «*Le 17 mars 2012, Lioubov Kovaliova a reçu une lettre de la Cour suprême du Bélarus l'informant que son fils, Vladislav Kovaliov, avait été exécuté. Elle n'avait pas été prévenue de l'imminence de l'exécution*» (*17 марта 2012 года Любовь Ковалева получила письмо от Верховного суда Белоруссии с информацией о том, что ее сын, Владислав Ковалев, был казнен. Она не была предупреждена о готовящейся казни).

«*Comment avez-vous su qu'il avait été exécuté ?*»

(*Как Вы узнали о том, что он был казнен?)

«*Les 13, 14 et 15 mars, l'avocat de Vlad a essayé de le voir, mais il n'y a pas été autorisé. Bien sûr, à ce moment-là, je ne me doutais pas un instant que Vlad était parti – je ne sentais rien. C'est quand j'ai reçu la lettre de la Cour suprême que j'ai compris*»

(*13, 14, 15 марта адвокат Влада хотел с ним встретиться, но его к нему не пустили. Конечно, в тот момент, я ни секунды не подозревала, что Влада уже нет... Я ничего не знала. А когда получила письмо из суда, то поняла...).

Отсутствие ограничений, связанных с учетом дифференциального признака «возраст адресата», может привести к травмам психологического характера у подростков, которые являются частью аудитории организации. Однако другие тексты сходной проблематики находятся в свободном доступе в русскоязычной версии сайта, и их содержание также может негативно отразиться на психическом состоянии молодого человека, что недопустимо.

Приведем в качестве примера следующий текст, в котором несколько раз повторяется глагол «казнить» (в разных формах) и устойчивое выражение «*приговаривать к смертной казни*». Содержание текста может причинить психологическую травму молодому поколению: «*Некоторые страны продолжают **приговаривать к смертной казни** или **казнить** людей с психическими болезнями, открыто нарушая международные стандарты. Amnesty International фиксировала случаи, когда людей, страдающих от подобных расстройств, **приговаривали к смертной казни** или **казнили** в различных странах, в том числе в Японии, Пакистане и США. И до тех пор, пока эти страны не проведут срочных реформ своей системы уголовного*

правосудия, жизни многих других людей ещё находятся в опасности. В Пакистане в 2014 был признан виновным в богохульстве и приговорён к казни Мохаммед Асгар, несмотря на то, что в 2010 году в Великобритании у него диагностировали параноидальную шизофрению».

Обратимся к рассмотрению гендерной направленности кампаний организации. Философ Сильвиан Агасински в своей книге «Политика полов» подчеркивает: «*La différence sexuelle est universelle, elle est essentielle à l'espèce telle que nous la connaissons aujourd'hui... Tout sens se loge dans des systèmes différentiels dont la mixité sexuelle est sans doute le modèle principal*» (*Половая дифференциация универсальна, это основа того общества, которое мы знаем сегодня. Вся основа этого общества базируется на дифференциальной системе, где половая неоднородность является безусловной главенствующей моделью) (Agacinski 1998, цит. по Grandcoing 2007: 27).

Гендер можно определить как специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой (Шведова 2002: 9) или как *Le genre, c'est ce que l'on pourrait appeler le «sexe social»* (*Гендер – это то, что можно назвать «социальным полом») (Delphy 2003: 7). В качестве примера приведем кампанию в защиту женщин, тексты которой отличаются в русской и во французской версии (www.amnesty.org.ru). В России организация призывает остановить насилие над женщинами везде - от собственного дома до охваченных конфликтом районов. «Агрессивная» тональность текстов на русском языке может вызвать у адресата негативные эмоции («Убийство», «подвергаются насилию», «насилие»). Они усугубляются также низким качеством перевода текста на русский язык, так как в оригинале текст дается на английском языке: «**Убийство младенцев женского пола уже само по себе обрывает бесконечное число жизней. Миллионы девушек и женщин ежегодно **подвергаются насилию** со стороны родственников, знакомых и незнакомых людей, сотрудников правоохранительных органов и участников вооруженных конфликтов. Некоторые формы **насилия**, как, например, насильственное зачатие, насильственный аборт, сожжение невесты и **насилие**, связанное с приданым, распространяются исключительно на женщин. Женщины также несоизмеримо чаще становятся жертвами других форм **насилия**... ».**

В качестве альтернативного примера можно отметить кампанию, направленную на женскую французскую аудиторию («*AMELIORER LA SANTE MATERNELLE*» (*Улучшение материнского здоровья)), целью которой является улучшение медицинских условий в неблагополучных регионах Франции. Чтобы сделать кампанию более эффективной и расширить

ее аудиторию Amnesty International при помощи мини-текста (слогана) напоминает, что «*La santé, c'est un droit humaine*» (*Здоровье - это человеческое право): независимо от пола, социального статуса и материальной базы, каждому человеку полагается медицинская помощь. Тем не менее, основная задача этой кампании, определяющая ее коммуникативные стратегии, состоит в том, чтобы у каждой женщине были созданы нормальные условия для рождения ребенка.

Таким образом, коммуникативные стратегии организации определяются необходимостью воздействовать на многонациональную аудиторию, которую объединяет наличие общих гуманитарных ценностей, а на национальном уровне можно заметить и определенную специфику - ориентированные на характерные для данной аудитории национальные формы восприятия той или иной проблемы. Документы организации направлены на формирование общественного мнения и находят отклик у людей разного возраста и пола, но, конечно, прежде всего их адресатом является гражданин с активной общественной позицией.

Литература

DELPHY, C., 2003. *Penser le genre: quels problèmes?* In : M.-C. Hurtig, M. Kail, & H. Rouch, *Sexe et genre. De la hiérarchie entre les sexes*. Paris: CNRS Éditions.

GRANDCOING, C., 2007. *Communication et medias. Evolution et révolution*. Paris: Economica.

АНИСИМОВА, Т., ГИМПЕЛЬСОН, Е., 2002. *Современная деловая риторика: Учебное пособие*. Москва: МПСИ.

БОЛОТИНА, М., ВОЛКОВА, И. 2012. Императив как средство воздействия в текстах социальной рекламы (на материале русского и английского языков)./ *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. № 2, 7-12.

БОЛОТНОВА, Н., 2007. *Филологический анализ текста: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов*. Москва: Флинта.

БОЧАРНИКОВА, Е., 2011. Стилистические заимствования как проявление интер дискурсивных отношений. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. № 2, 5-11.

ИССЕРС, О., 2011. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: ЛКИ.

- КОЛОБОВА, А. 2007. *Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний)*. Автореф. дис. . канд. филол. наук, Владивосток.
- КОЛОКОЛЬЦЕВА, Т., 2001. *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*. Волгоград: Изд-во Волгогр.гос.ун-та.
- РЕМЧУКОВА, Е., 2013. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта. *Вестник РУДН*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2, 4-10.
- САЛИМОВСКИЙ, В., 2003. Речевой акт. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва: Флинта, Наука.
- СИРОТИНИНА, О., 1998. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности. *In: Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград, Саратов: Перемена.
- ШВЕДОВА, Н., 2002. *Просто о сложном: гендерное просвещение*. Москва: Антиква.
- WWW.AMNESTY.ORG.RU *Официальный сайт Amnesty International на русском языке [электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://amnesty.org.ru/> (см. 25.08.2014 г.)
- WWW.AMNESTY.FR *Официальный сайт Amnesty International на французском языке [электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://www.amnesty.fr/> (см. 25.08.2014 г.)

Kristina Nikolova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Research interests: comparative linguistics, sociolinguistics, intercultural communication

SOCIAL DIFFERENTIATION OF THE MASS AUDIENCE IN TEXTS OF THE INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATION AMNESTY INTERNATIONAL

Summary

The article deals with the description of the social orientation of the documents of the international non-governmental organization Amnesty International. They reflect its work in two countries – France and Russia. The activity of Amnesty International aims to unite people of goodwill and to form the position of international public. The present report is based on social differentiation of

the mass audience according to individual's age and gender. Speech peculiarities of these social groups are actively used by the authors of the organization's texts to emphasize the targeting of one or another message at a certain group and to make it more effective. This article analyzes some means of linguistic manipulation and some lexical and grammatical means of influence, due to the specifics of the intended audience.

KEY WORDS: linguistic manipulation, social direction of the texts, international non-governmental organization.

Kristina Nikolova

Rusijos tautų draugystės universitetas, Rusija

Moksliniai interesai: lyginamoji kalbotyra, sociolingvistika, tarpkultūrinė komunikacija

SOCIALINĖ BENDRO ADRESATO DIFERENCIACIJA TARPTAUTINĖS NEVALSTYBINĖS ORGANIZACIJOS AMNESTY INTERNATIONAL TEKSTUOSE

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama socialinės diferenciacijos išraiška tarptautinės nevyriausybines organizacijos Amnesty International dokumentuose, susijusiuose su jos darbu Prancūzijoje ir Rusijoje. Organizacija Amnesty International savo veikla siekia suburti geros valios žmones, formuoti bendrą tarptautinę poziciją apie aktualiausias šių laikų problemas. Šiame straipsnyje analizuojama socialinė bendro adresato diferenciacija atsižvelgiant į adresatų amžių ir lytį. Šios adresatų grupės išskiriamos siekiant akcentuoti konkretaus teksto tikslinę auditoriją bei padaryti tekstą efektyvesniu. Tyrime aptariamos kai kurios leksinės ir gramatinės priemonės, naudojamos pasiekti tam tikrą tikslinę auditoriją.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: kalbinis poveikis, socialinis aspektas tekstuose, tarptautinė nevyriausybė organizacija.

Ардалан Носрати

Белорусский государственный университет

Ул. К. Маркса, 31, Минск, Беларусь

Тел +375 44 7410443

E-mail: anosrati87@gmail.com

Область научных интересов автора: прагматика, теория речевых актов, речевой этикет, социолингвистика.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА РЕЧЕВОГО АКТА ПОЖЕЛАНИЯ

Характерной особенностью современной лингвистики является ее антропологический характер. Отправной точкой (и главным условием) для исследования языка стал «человеческий фактор» – феномен жизни человека с его культурными, социальными, психическими характеристиками. Основное внимание языковедов сосредоточено на проблемах использования языка в качестве орудия взаимодействия и воздействия в конкретных ситуациях общения.

В данной статье сначала дается краткий обзор лингвистической литературы, которая непосредственно связана с объектом нашей исследовательской работы, затем представляются определения таких понятий, как социальный статус и ситуативная роль, анализируется соотношение и противоречия между ними. Разные аспекты изучения социального статуса коммуникантов рассматриваются с точки зрения социолингвистики и психолингвистики. Изучаются и описываются характеры социальных взаимоотношений общающихся, в рамках которых для реализации речевого акта пожелания можно выделить несколько уровней, а именно: Адресант $\geq$ Адресат, Адресант $<$ Адресат и Адресант = Адресат. Отмечается, что участники общения с более высоким статусом обладают бóльшей степенью свободы в выборе лексики. Материалом для нашего анализа являются примеры, взятые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также из книг «Большая книга поздравлений и пожеланий на все случаи жизни» (БКПП) (Минск, 2008) и «365 пожеланий от Дарьи» (365 ПОД) (Москва, 2010).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социолингвистика, социальный статус, ситуативная роль, симметричное и асимметричное отношения, пожелание.

При анализе речевого акта пожелания особое значение приобретает совокупность разных социолингвистических факторов, непосредственно влияющих на речевое поведение коммуникантов – в частности, на выбор лексики и ее употребление в зависимости от обстановки общения. При этом лексика может выступать в качестве определяющего показателя положения и роли интерактантов в социуме. Именно адресант с учетом нижеследующих факторов, разрабатывая стратегию и тактику для достижения коммуникативной цели, выстраивает свою речь – речевой акт пожелания.

Существует большое количество разных социолингвистических характеристик, среди которых наиболее важными являются:

- 1) социальный статус адресанта и адресата;
- 2) ситуативная роль общающихся;
- 3) пол коммуникантов;
- 4) степень близости (знакомства и т. п.) участников общения;
- 5) возраст говорящего и адресата;
- б) их профессия.

Иногда в рамках социолингвистики рассматривают и другие признаки, такие, как уровень образования адресанта и адресата, место рождения и жительства, образ жизни информантов и т. д. Однако в данном случае нас интересуют только социальный статус и ситуативная роль общающихся. Более детальному рассмотрению социолингвистических явлений русского языка посвящены работы Е. Ф. Тарасова (1969, 1974, 2009), В. И. Карасика (1986, 1989, 2002), Л. П. Крысина (1989) и др.

Понятие «социальный статус» неоднородно и охватывает широкий круг различных взаимоотношений. По мнению О. А. Леонтович, «каждая социальная позиция предполагает использование соответствующих коммуникативных норм, которые включают: произношение; формы обращения к собеседнику; выбор лексики, приличествующей положению языковой личности в обществе; манеру вербального и невербального поведения; следование грамматическим правилам или отклонение от них; выбор коммуникативной дистанции и коммуникативных стратегий; использование параязыковых средств (уверенность/неуверенность интонации, громкость голоса и т. д.); жанрово-стилистическую вариативность» (Леонтович 2003: 249).

Таким образом, социальный статус занимает особое место как наиболее значимый признак интеракции индивидов в социальном общении. Именно потому изучаются различные аспекты социального статуса: социолингвистический, прагматический и лингвосемантический. В. И. Карасик, широко рассматривая социальный статус человека, считает его «одним из основных понятий социолингвистики, обусловленных социально-экономическими и культурно-этическими характеристиками общества, с одной стороны, и ролевыми, дистанционными, нормативными характеристиками социальной стратификации, с другой стороны» (Карасик 2002: 107). Он также дополняет, что социальный статус – это «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» (там же: 5). При этом «некоторые статусы ситуативны, имеют кратковременный характер: *пассажир трамвая, покупатель в булочной, человек, выступающий на профсоюзном собрании или научной конференции*» (Беликов и Крысин 2001: 182).

Тогда напрашивается вопрос: что ожидается от человека, ситуативно выступающего в указанных ролях? От пассажира трамвая ждут соблюдения правил поведения. Например, в ситуации проверки билетов он обязан предъявить то, что от него требуется. Очевидно, что применительно к каждой роли есть ожидания, которые варьируются в зависимости от определенной ситуации. Тем самым обязанности человека тесно связаны с общественными ожиданиями.

Что касается статуса, то разные позиции разграничивают отношения представителей групп (индивидов) в социальной иерархии, а что касается роли, то осуществление обязанностей и удовлетворение ожиданий составляют содержание конкретной роли человека в разных обстановках общения.

Несколько другое представление о трактовке термина статуса и роли приводит Л. П. Крысин. Согласно ему, «статус отвечает на вопрос: «кто он?», роль – на вопрос: «что он делает?»» (Крысин 1989: 134). Точнее сказать, «роль – это динамический аспект статуса» (там же).

Итак, в зависимости от определенной позиции, которую занимает участник общения в обществе, он способен исполнять разные социальные роли. Например, «в семье он сын, или отец, или муж, на службе – подчиненный, начальник или сотрудник, в магазине покупатель, в парикмахерской или в ресторане – клиент» (Крысин 1977: 85).

Мы убеждены, что отношения между людьми в обществе имеют разные аспекты. Какие-то из них – более постоянные, более важные, доминирующие – это социальный статус. А другие отношения между индивидами носят непостоянный, вариативный характер, обусловленный ситуацией общения – это ситуативная роль. В свете сказанного ясно, что социальный статус и роль неразрывно связаны друг с другом и как будто включают в себя две стороны одного и того же социального явления.

В социально неоднородном общении мы считаем целесообразным подразделить речевой акт пожелания по признаку статусных и ролевых отношений адресанта относительно партнера на разновидности «асимметричное» – *вышестоящий* – *нижестоящий* и наоборот, и «симметричное» – *равный* – *равный*. К асимметричной ситуации относятся: *руководитель* – *подчиненный*, *преподаватель* – *студент*, *врач* – *пациент*, *родитель* – *ребенок* и др., а симметричному отношению свойствен диалог: *сослуживец* – *сослуживец* и т. п.

Речевой акт пожелания распространяется на любые социальные статусы. Пожелание может быть отправлено, например, от учащихся к учителю и наоборот или от министра к его подчиненным и т. д. Вместе с тем, мы полностью отдаем себе отчет в том, что в определенных условиях можно наблюдать сужение возможностей речевого акта пожелания (командир – солдат, врач – пациент и др.: приказ/совет/рекомендация/пожелание и др.). Очевидно, однако, что речевой акт пожелания довольно широко осуществляется на одном и том же социальном уровне, а именно от «взрослого» к «взрослому». Под «взрослым» мы понимаем “полноценный, самостоятельный и независимый человек”. Здесь мы используем терминологию Э. Берна, знаменитого американского психолога (Берн 2013), который, изучая вопрос о ролях участников общения с психологической точки зрения, выделяет три ролевых уровня общающихся: «Родитель – Взрослый – Ребенок». Они соответствуют диалогической ситуации «вышестоящий – равный – нижестоящий», в которой статусы коммуникантов по отношению друг к другу могут быть представлены следующим образом:

Адресант > Адресат

Адресант < Адресат

Адресант = Адресат

В рамках реализации речевого акта пожелания считаем целесообразным выделить три уровня социального статуса общающихся относительно друг друга. Это можно продемонстрировать в виде следующей схемы: **Адресант ≥ Адресат**, **Адресант < Адресат** и **Адресант = Адресат**. В

нашем исследовании мы руководствуемся терминами В. И. Карасика, который применительно к ситуации взаимоотношений коммуникантов различает «ситуации социального неравенства и ситуации социально-ситуативного неравенства» (Карасик 2002: 143). Он добавляет, что «ситуация социального неравенства может накладываться на ситуативное равенство участников общения. Например, министр беседует с подчиненным, командир благодарит солдат за службу» (там же). Остановимся подробнее на характеристиках каждой из представленных ситуаций:

1). Социальный статус адресанта выше, чем статус партнера или равен ему.

Это ситуация, в которой социальные статусы адресанта и адресата не соответствуют ситуативным ролям. В качестве иллюстрации приведем пример, в котором учитель в начале урока высказывает пожелание всем ученикам.

— *Доброе утро, ребята, присаживайтесь. Поздравляю вас с первым днем весны, желаю вам больших успехов в учебе, и так как весна – это начало теплого времени года, то пожелаю вам тепла в ваших сердцах и душах* (Олешков 2012: 106).

Понятно, чего ожидают от учителя при исполнении им учебно-дидактической деятельности – это скорее необходимость передавать знания, объяснять уроки и т. д. Сначала учитель, обращаясь к ученикам, просит, чтобы они сели. Такое статусное отношение – социальное неравенство. Но далее имеет место ситуация, где говорящий (учитель) с высоким положением по отношению к коммуникантам с более низкой позицией с целью мотивации учебной деятельности у учащихся принимает роль равного по статусу лица.

В следующем примере демонстрируется фрагмент диалога царя и подчиненного:

— *Витя!* — окликнул меня вдруг Сим Семыч впервые в жизни по имени. Удивленный, я остановился и вытаращился на него. — *Слушаю, Ваше Величество!* — **Счастливого пути, Витя!** — сказал царь и шапкой смахнул слезу. — **Счастливо оставаться, Семыч,** — сказал я дрогнувшим голосом и толкнул задом дверь (НКРЯ).

Здесь необходимо обратить внимание на коммуникативное поведение участников общения, т. е. на лингвистические и паралингвистические средства. К паралингвистическим средствам приведенного контекста относятся невербальные знаки, такие, как «вытаращился, смахнул слезу, сказал дрогнувшим голосом и толкнул задом дверь». Выбор формы слов при обращении, т.е. титула лица «ваше величество» вместе с использованием частицы «слушаю» со стороны подчиненного, обусловлены более высоким социальным положением адресанта. Тем более, что тембр голоса (дрогнувший голос) адресата также свидетельствует о асимметричной

ситуации. Кроме того, варьируя форму обращения от формального к не формальному общению (Витя), царь пытается создать непринужденную атмосферу. Все это показывает, что ситуация социального неравенства может в зависимости от конкретных обстоятельств переходить на ситуативное равенство между царем и подчиненным. Но следовало бы еще учесть иронический и «сказочный» контекст. В реальной жизни такой диалог между царем и слугой, скорее всего, был бы невозможен.

2). Социальный статус адресанта ниже, чем статус партнера.

Тут мы рассмотрим реализацию представленной выше схемы в ситуации, когда говорящий (подчиненный) в служебной обстановке по различным поводам отправляет пожелание к слушающему (начальнику).

— *Хороший начальник — половина дела. Поэтому мы хотим поздравить нашего любимого начальника с этим замечательным праздником! Хотим пожелать, чтобы Вам всегда улыбалась удача — и в делах, и в личной жизни* (БКПИП).

В этом фрагменте для демонстрации более высокого социального статуса собеседника, адресант с низким положением использует простое языковое средство – обращение на Вы. Этому соответствует утверждение О. А. Леонтович, которая считает: «У русских существует два универсальных языковых средства, служащих показателями социальных взаимоотношений: ты/Вы и имя-отчество, используемые в обращении» (Леонтович 2003: 251).

В следующем отрывке можно выделить показатели, позволяющие считать статусно-ролевое отношение «врач – пациент» асимметричным.

На следующий день после тяжелой операции врач, осматривая пациента, давал ему необходимые указания, советы (вам нельзя ходить, постельный режим до трех дней и дома воздержаться от жирной пищи) и т. д. Обращаясь к врачу, пациент поблагодарил его за то, что он как будто заново на свет родился и пожелал: Доктор, Дай Бог здоровья Вам и Вашей семье! [собственная запись устной речи].

В данной ситуации пациент, несмотря на его статус, получая акты указания, совета и др., приобретает социальную роль низкого по статусу лица. Однако в отдельных случаях возникают ситуации, в которых можно наблюдать пожелание (*Дай Бог здоровья Вам и Вашей семье!*), отправляемое от лица с низкой ролью информанту, обладающему высоким статусом.

3). Социальный статус адресанта и адресата равный:

Здесь рассматриваются обстановки общения, в которых социальный статус участников коммуникации соответствуют друг другу, то есть равны. Как уже упоминалось, речевой акт пожелания чаще всего осуществляется в условиях, когда собеседники обладают равным социальным статусом. Доказательством этого служит материал, собранный нами по двум сборникам пожеланий. В одной книге (365 пожеланий от Дарьи) все контексты относятся к собеседникам с равным статусом. Второй сборник (Большая книга поздравлений и пожеланий на все случаи жизни) включает в себя более разнообразные контексты пожеланий, однако бóльшая их часть (98%) ориентирована на симметричную ситуацию – равную.

Высокая частотность употребления речевого акта пожелания при социальном равенстве в сравнении с неравенством собеседников, может, по нашему мнению, объясняться меньшими ограничениями в выборе языковых средств, используемых в построении диалога общающимися, а также чувством непринужденности, большей свободы действий коммуникантов в общении и др. В качестве иллюстрации приведем четыре фрагмента, связанные со служебной, дружеской, праздничной и неформальной ситуациями соответственно.

— *Что в этот день пожелать вам, коллеги? Наверное, самым простым пожеланием будет такое: способных учеников, тихих уроков, внимательных глаз, чтобы все знания, которые вы даете молодому поколению, были усвоены ими только на «пяť». Ну и самое главное, чего пожелать, — это терпение. Будьте счастливы!* (БКПИП).

— *Дорогой друг! Сегодня состоялся твой первый рабочий день. От всей души желаю тебе здоровья, счастья и дальнейшего процветания!* (БКПИП).

— *С наступившим вас Новым годом! Это самый короткий день в году. Только проснулись, а уже вечер. <...> Пусть этот день принесет вам спокойствие и благополучие на весь предстоящий год!* (365 ПОД).

— *Желаю тебе поступить на тот факультет, который поможет тебе реализовать свои планы в будущем!* (БКПИП).

Исследованный нами материал показал, что в асимметричной / симметричной ситуациях социальный статус и ситуативная роль информантов могут быть обозначены с помощью языковых и паралингвистических средств. Очень показательно то, что в обстановке общения адресанты при равенстве статусов не испытывают тех или иных затруднений и ограничений в выборе языковых средств. В то же время коммуникант с более высоким положением обладает бóльшей степенью свободы в выборе слов и конструкций.

Литература

- БКПИП - КУЗНЕЦОВ, И. Н., 2008. *Большая книга поздравлений и пожеланий на все случаи жизни*. Минск: Харвест.
- БЕЛИКОВ, В. И., КРЫСИН, Л. П., 2001. *Социоллингвистика*. Москва: центр Рос. гос. гуманитар. ун-та.
- БЕРН, Э., 2013. *Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры*. Москва: Эскмо.
- ДОНЦОВА, Д. А., 2010. *365 пожеланий от Дарья Донцовой*. Москва: Эскмо.
- КАРАСИК, В.И., 1986. *Признак социально-ситуативного статуса лица в семантике английских глаголов*. Волгоград: ВГПИ.
- КАРАСИК, В.И., 1989. *Статус лица в значении слова*. Волгоград: ВГПИ.
- КАРАСИК, В. И., 2002. *Язык социального статуса*. Москва: ИТДГК Гнозис.
- КРЫСИН, Л. П., 1977. *Язык в современном обществе*. Москва: Просвещение.
- КРЫСИН, Л. П., 1989. *Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка*. Москва: Наука.
- КУЗНЕЦОВ, И. Н., 2008. *Большая книга поздравлений и пожеланий на все случаи жизни*. Минск: Харвест.
- ЛЕОНТОВИЧ, О. А., 2003. *Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию*. Волгоград: Перемена.
- НКРЯ - Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>
- ОЛЕШКОВ, М. Ю., 2012. *Педагогический дискурс*. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.
- ТАРАСОВ, Е.Ф., 1969. *Социологические аспекты речевого общения*. Москва: МГУ.
- ТАРАСОВ, Е.Ф., 1974. *Психоллингвистические особенности языка рекламы*. Москва: Наука.
- ТАРАСОВ, Е.Ф., 2009. *Психоллингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы*. Москва: Эйдос.

Ardalan Nosrati

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Research interests: pragmatics, theory of speech acts, speech etiquette, sociolinguistics

THE SOCIOLINGUISTIC STATUS OF THE SENDER AND RECIPIENT OF THE SPEECH ACT OF WISH**Summary**

A characteristic feature of modern linguistics is its anthropological character. The ‘human actor’ – the phenomenon of human life with its cultural, social, and mental characteristics – has become the starting point (and the main condition) of language study. Linguists devote most of their attention to problems of the use of language as an instrument of interrelation and impact in specific communicative situations.

This article provides an overview of the linguistic literature directly related to the object of the research. It also defines such concepts as ‘social status’ and ‘situational role’ and analyzes the correlation and contradictions between these concepts. Different aspects of the study on communicants’ social status are analyzed from the perspective of sociolinguistics and psycholinguistics. The nature of communicants’ social relationships within which several levels of the speech act of wish are distinguished (namely: Sender $\geq$ Recipient, Sender $<$ Recipient and Sender = Recipient) is studied and described. It is emphasised that the participants of communication who have a higher social status have a greater freedom in the choice of vocabulary. The material for analysis consists of examples taken from The National Corpus of the Russian Language and also from the books *Congratulations and Wishes for All Occasions* (Minsk, 2008) and *365 Wishes from Daria* (Moscow, 2010).

KEY WORDS: sociolinguistics, a social status, a situational role, symmetric and asymmetric relations, wish.

Ardalan Nosrati

Baltarusijos valstybinis universitetas, Minskas,

Moksliniai interesai: pragmatika, kalbos aktų teorija, kalbinis etiketas, sociolingvistika.

SOCIOLINGVISTINIS ADRESANTO IR ADRESATO STATUSAS KALBOS AKTE – LINKĖJIME**Santrauka**

Viena iš pagrindinių šiuolaikinės lingvistikos tendencijų – antropologinis požiūris į kalbą. Todėl viena iš svarbiausių lingvistinio tyrimo sąlygų - dėmesys „žmogiškajam faktoriui“, t.y. žmogaus kultūrinėms, socialinėms, psichologinėms savybėms. Pagrindinis lingvistinių tyrimų objektas – kalbos naudojimas ir įtaka konkrečioms bendravimo situacijoms.

Šiame straipsnyje pateikiama trumpa teorijos apžvalga, terminų „socialinis statusas“ ir „situacinis vaidmuo“ apibrėžimai ir jų analizė. Komunikantų statusas aptariamas atsižvelgiant į sociolingvistikos ir psicholingvistikos teorijas. Straipsnyje analizuojami tipiniai socialinės komunikacijos bruožai būtini kalbinio akto-linkėjimo realizavimui. Aptariant kalbėjimo aktą - linkėjimą išskiriami šie lygiai: Adresantas $\geq$ Adresatas, Adresantas $<$ Adresatas ir Adresantas = Adresatas. Apibendrinant, kalbinio akto dalyviai, kurių socialinis statusas aukštesnis, laisviau renkasi leksines priemones. Medžiaga tyrimui paimta iš Nacionalinio rusų kalbos tekstyno (НКРЯ) bei knygų „Didžioji linkėjimų ir sveikinimų visoms progoms knyga“ (Minskas, 2008) ir „365 Darijos linkėjimai“ (Maskva, 2010).

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: sociolingvistika, socialinis statusas, situacinis vaidmuo, simetriški ir asimetriški santykiai, linkėjimas.

Екатерина Подсевак

Киевский национальный лингвистический университет

Кафедра английской филологии и перевода

Ул. Красноармейская, 73, 03150, Киев, Украина

Тел.: +380993739389

E-mail: sunkat@ua.fm

Область научных интересов автора: когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, стилистика

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕХНИКИ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. БРЭДБЕРИ

В данной публикации представлен анализ научно-фантастических произведений американского писателя Рэя Дугласа Брэдбери с точки зрения лингвистики. Научно-фантастические художественные тексты сравнительно недавно стали объектом исследования лингвистики. Особенностью данных текстов является их взаимосвязь с элементами структуры собственно научных текстов. Помимо терминов, данная группа элементов включает квазитермины и квазиреалии. В рассматриваемых произведениях Брэдбери мы приходим к выводам об активном использовании квазитерминов для создания атмосферы профессиональности, повсеместного наступления технического прогресса в различных сферах жизни. Основные стилеобразующие приемы автора ярко иллюстрируют эмоционально-оценочный компонент изображаемых квазиреалий, что, на наш взгляд, свидетельствует о второстепенной роли научной составляющей текстов. На первом месте в произведениях автора находятся переживания человека, а не фантастические описания технических возможностей новых машин будущего. Использованные при анализе статистические методы позволили определить качественно-количественные характеристики образного стиля Брэдбери в рассматриваемом материале. Согласно полученным нами результатам, технический прогресс будущего в индивидуально-авторской картине мира Рэя Брэдбери имеет негативную коннотацию. Образные средства автора указывают на оппозицию техники человеку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-фантастическая литература, квазитермины, квазиреалии, лингвостилистический анализ, ритм, авторские метафоры.

Лингвистика последних лет все чаще обращается не только к словарям, но и к художественным текстам различных стилей. Исключением не стала и научная фантастика. Отцом научной фантастики считается Ж. Верн, своим возникновением данный жанр художественной литературы обязан успехам научно-технического прогресса и проблем, связанных с ним. По мнению Г. Гуревича «научной считается и фантастика, где необычное создается материальными силами - природой или человеком с помощью науки и техники» (Гуревич 1967: 32).

Ярким представителем научной фантастики является Рэй Дуглас Брэдбери, американский писатель, чьи произведения носят антропоцентрический характер. Сам Рэй Брэдбери считал научную фантастику способом выражения серьезных идей и тем: «Science fiction has always been and will always be a fable teacher of morality» - «Научная фантастика всегда была и будет сказкой, которая учит морали» (Bradbury 1997: 4).

Исследованием произведений Рэя Брэдбери занимались многие ученые. Его творчество находилось в центре внимания литературоведческих работ В. Джонсона (W. L. Johnson), М. Менгелинга (M. E. Mengeling), А. Салливена (A. T. Sullivan), Н. В. Маркиной, Л. Г. Михайловой, посвященных исследованию проблем, касающихся идейно-тематического содержания творчества писателя. Лингвистический подход к анализу его произведений возник в последнее время, и представлен, в частности, в работах Ю. В. Головневой, В. В. Литвиновой, Б. Д. Лобджанидзе, О. А. Плакиды.

Среди многочисленных произведений Брэдбери нами были рассмотрены роман "Fahrenheit451", рассказы "The Veld", "The Garbage Collector", "The Concrete Mixer" "The Murderer", "I Sing The Body Electric!", "There Will Come Soft Rains", а также серия коротких историй "The Martian Chronicles".

Научно-фантастическая литература характеризуется наличием лексических элементов, соотносимых не только с художественными структурами текстов, но и элементов, соотносимых с научными структурами.

Согласно исследованиям Ю. В. Черницыной, группа элементов, соотносимых с научными структурами, подразделяется на такие подгруппы (Черницина 2009: 27):

А). Термины – слова либо словосочетания, относящиеся к общенаучной и специальной лексике.

Б). Квазитермины – слова либо словосочетания, встречающиеся только в научно-фантастических текстах и являющиеся авторскими неологизмами. В рассматриваемых нами произведениях Р. Брэдбери таковыми авторскими неологизмами-квазитерминами являются: *wrist radio; electronic vacuum hound, office intercoms* (Bradbury 1953a); *soundproofed HappyLife Home, all dimensional...color film and mental tape film behind the glass screens* (Bradbury 1950); *wall-TV, mechanical hound* (Bradbury 1978); *the first humanoid-genre minicircuited, rechargeable AC-DC Mark V Electrical Grandmother* (Bradbury 1969). Употребление таких неологизмов происходит в произведениях Брэдбери для создания впечатление профессиональной атмосферы, и развития идейно-образного содержания рассказа/романа.

В). Квазиреалии – слова либо словосочетания, связанные с тематикой научно-фантастических текстов, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решением научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира. Среди функций квазиреалий в научно-фантастических текстах, необходимо выделить следующие (Черницына 2009: 28):

1) указывают на представления авторов о тенденциях развития тех или иных социально значимых объектов;

2) задают определенные «условия игры», являясь следствием и условием развития содержания научно-фантастического текста.

Квазиреалии будущего, описанного в произведениях Брэдбери, сосредоточены вокруг его технической составляющей, что следует из приведенных выше примеров квазитерминов. Мир техники, машин и механизмов имеет яркий эмоционально-оценочный компонент, выражающийся различными стилистическими приемами. Проанализировав избранные произведения писателя, мы выделили основные наиболее частотно употребляемые стилистические приемы автора (см. таблицу ниже) при изображении техногенной стороны будущего и его влияния на жизнь человека, описываемого в его научно-фантастических произведениях:

Стилистический прием	% применя	Функция в художественном тексте
----------------------	--------------	---------------------------------

Ритм		
а) полисиндетон	31,3%	а) нагнетание атмосферы, нарастание напряжения в
б) параллельные	16,5%	тексте
конструкции	7,8%	б) усиление экспрессии, наплыв чувств персонажей
в) лексический повтор		в) монотонность и однообразие действий; смысловая акцентуация повествования
Сравнение	12,4%	оценочное суждение персонажей и рассказчика
Эпитет	11,2%	экспрессивность суждений персонажей и рассказчика
Метафора	10,7%	оценочное суждение, концептуализация внутреннего мира персонажей
Эллипсис	2,9%	имитация разговорного стиля, потока сознания персонажей
Риторический вопрос	2,7%	кульминация переживаний персонажа; размышления рассказчика
Асиндетон	2,4%	передача динамики развития событийности
Антитеза	2,1%	акцентирование контрастности

Ритм в произведениях Брэдбери служит ярким средством эмоциональной выразительности. Ритм прозы основан по преимуществу на повторе образов, тем и других крупных элементов текста, на параллельных конструкциях, употреблении предложений с однородными членами (Арнольд 2002: 292). Б. Д. Лобджанидзе определяет основной функцией повтора функцию эмоционального воздействия на читателя (Лобджанидзе 2012: 6). Ритм квазиреалий будущего в анализированном материале подается следующим образом:

1) «*Strangers come and violate you. Strangers come and cut your heart out. Strangers come and take your blood*» (Bradbury 1978: 8). Параллельные конструкции (синтаксический повтор) в сочетании с полисиндетоном и лексическим повтором служат для нагнетания атмосферы тревожности, усиления напряжения. Параллелизм с анафорой в данном примере иллюстрирует негативное восприятие главным героем романа «451 градус по Фаренгейту» спасение его жены аппаратом по замене крови двумя равнодушными, как и сам аппарат, санитарями.

2) «**When it wasn't the telephone it was the television, the radio, the phonograph. When it wasn't the television or radio or the phonograph it was motion pictures at the corner theater, motion pictures projected, with commercials on low-lying cumulus clouds. It doesn't rain rain any more, it rains soapsuds. When it wasn't High-Fly Cloud advertisements, it was music by Mozzek in every restaurant; music and commercials on the busses I rode to work. When it wasn't music, it was inter-office communications, and my horror chambers of a radio wrist watch on which my friends and my wife phoned every five minutes**» (Bradbury 1953b: 2). Параллельные негативные конструкции с асиндетоном передают бесконечную динамику, суету присутствия в жизни человека различных технических развлекательных приспособлений; и наплыв чувств персонажа (раздражение).

3) «**You smoke a little more every morning and drink a little more every afternoon and need a little more sedative every night**» (Bradbury 1950: 3). Лексический повтор и полисиндетон иллюстрируют, с одной стороны, монотонность, автоматизированность, привычность действий. С другой – усиливают экспрессию, выражение недовольства подобным образом жизни в «умном счастливом» доме-автомате.

4) «**When it was all over he felt like a man who had been thrown from a cliff, whirled in a centrifuge, and spat out over a waterfall that fell and fell into emptiness and emptiness and never-~~quite-touched-bottom-never~~ –never-~~quite-no not quite-touched-bottom~~ ... and you fell so fast you didn't touch the sides either... never... quite... touched... anything**» (Bradbury 1978: 45). Лексический повтор с многосоюзностью вносит в повествование о поездке в метро наплыв чувств персонажа, внимание читателя акцентируется на данных негативных переживаниях.

Повтор сочетается с антитезой: «*slept but did not sleep, lived but did not live in its gently humming, gently vibrating*»; «*the dead beast, the living beast*»; «*He would be Montag-plus-Faber, fire plus water*» (Bradbury 1978), чтобы подчеркнуть неоднозначность, контрастность.

Асиндетон, номинативные предложения с координативной связью употребляются для передачи динамики развития событий, быстротечности времени в городе, наполненном техникой: «*One two three four five six seven days: the firehouse*»; темпа жизни: «*Look, Eye, Now, Flick, Here, There, Swift, Pace, Up, Down, In, Out*» (Bradbury 1978).

Риторический вопрос выполняет, в основном, либо оценочную функцию, благодаря заключенному в нем утверждению или отрицанию: «*Sure it's silly, but a guy's got to make his work as good as he can and worth while or why in hell do it?*» (Bradbury 1953a: 5), дает оценку своей работе мусорщик, собирающий тела людей вместо мусора. Другая функция риторического

вопроса – вовлечение читателя в размышления рассказчика – проявляется во всех произведениях Рея Брэдбери.

Лингвостилистический анализ произведений писателя показал, что количество употребляемых метафор невелико. Наличие же, наряду с вышеописанными стилистическими приемами, авторских метафор дает возможность взглянуть на тексты писателя как отображение его индивидуально-авторской картины мира. Такой подход выявил:

1) Описание человека, не принимающего технических достижений прогресса, с помощью метафор света и тепла, подразумевая внутренний свет: «*how many people did you know that refracted your own **light** to you?*» (Bradbury 1978: 36). «*A very **sunny**, pleasant warm thing, a thing that shed **bright light** upon the room. **Dawn** among the dark hills. **High noon at midnight**, that smile. The blue eyes sparkled serenely...smile upon him like a **heat lamp**. He shut his eyes and the **Smile was there in the darkness**» (Bradbury 1953b: 1).*

2) Люди, не заботящиеся о духовном наполнении технических средств развлечения и жизнедеятельности, характеризуются метафорами огня, часто – разрушительного: «*People were more often...**torches, blazing away until they whiffed out.***» (Bradbury 1978: 36); «*The room was **blazing hot**, he was all **fire**, he was all coldness*»; «*...the women who were **burning** with tension. Any moment they might hiss a long sputtering hiss and **explode***» (Bradbury 1978:135-136).

3) Технические аппараты и устройства ассоциируются со смертью: «***Ghost Machine. Voices without bodies***»[telephone] (Bradbury 1953b: 2); «*the televisor, that insidious beast, that **Medusa**, which **freezes a billion people to stone** every night » (Bradbury 1953b: 5).*

4) Люди, пострадавшие от чрезмерного использования техники, описаны как неживые, неодушевленные «*white **things***» (Bradbury 1953a: 9).

Данные метафоры являются основой для анализа как базовых концептов произведений Рея Брэдбери, так и авторской картины мира писателя. Дальнейшие исследования будут проводиться нами именно в этих направлениях.

Сравнения также играют немаловажную роль в характеристике технических квазиреалий произведений писателя:

1) «*It [Hound] was like a great bee come home from some field where the honey is full of **poison wildness, of insanity and nightmare***» (Bradbury 1978: 24);

2) «*wrist radio buzzed like a **wounded** grasshopper*»; 3) «*it[insinkerator]purred like a sleepy **lion***» (Bradbury 1953b: 4-8)

4) «*it [house] felt like a mechanical cemetery*» (Bradbury 1950: 7).

Лексические элементы данных сравнений дают нам основание предполагать в представлении автора негативную коннотацию механической собаки, наручного радиоприемника, измельчителя, дома-автомата – фантастической техники будущего. Применяв процедуру обобщения признаков, содержащихся в семантике анализированных членов сравнения, можно констатировать, что все они выражают одно – вред (Подсевак 2014).

Использование автором тех или иных стилистических приемов являются важными для создания определенного образа текста, однако, только в сочетании и соединении всех используемых стилистических приемов создается индивидуально-авторский стиль писателя, благодаря которому его творчество легко узнается читателями и ценится. Именно язык повествования, наряду с сюжетом, раскрывают основной смысл произведений читателя.

Проанализировав произведения Рэя Брэдбери, мы пришли к выводу, что научная фантастика в творчестве данного автора является способом выражения общечеловеческих идей о ценности духовного, его преимуществе над материальным. Антропоцентрическое направление научной фантастики Брэдбери, репрезентированное различными языковыми средствами, позволяет нам увидеть главную мысль автора – важен не научный и технический прогресс, преобразующий мир, а именно человек и его отношения с этим механизированным миром.

Литература

BRADBURY, R., 1978. *Fahrenheit 451*. New York: Ballantine Books.

BRADBURY, R., 1949. *The Concrete Mixer*. In: *Thrilling Wonder Stories*. Режим доступа: <http://greenhumanities.edublogs.org/files/2012/09/Bradbury-Illustrated-Man-1wytg1b.pdf> (См. 12.03.2013).

BRADBURY, R., 1953a. *The Garbage Collector*. Режим доступа: <http://www.gdhsenglish.com/thompson/assets/pdfs/ENG3U1%20pdf's/Short%20Stories/The%20Garbage%20Collector.pdf> (См. 24.02.2013).

BRADBURY, R., 1969. *I Sing the Body Electric*. Режим доступа: <http://raybradbury.ru/library/story/69/2/0/> (См. 07.12.2012).

BRADBURY, R., 1997. *The Martian Chronicles*. Reprint. New York: HarperCollins Publishers.

- BRADBURY, R., 1953b. *The Murderer*. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2004/09/23-46> (см. 19.01.2014).
- BRADBURY, R., 1950. *The Veldt*. Режим доступа: http://www.d.umn.edu/~csigler/PDF%20files/bradbury_veldt.pdf (См. 28.09.2013).
- JOHNSON, W.L., 1980. Ray Bradbury Text. New York: Ungar.
- MENGELING, M.E., 1971. Ray Bradbury's Dandelion Wine: Themes, Sources and Style. In: *English Journal*. Vol. 60, 877 – 887.
- SULLIVAN, A.T., 1972. Ray Bradbury and Fantasy. In: *English Journal*, Vol. 61, 1309-1312.
- АРНОЛЬД, И.В., 2002. *Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов*. 4-е изд., Москва: Флинта: Наука.
- ГОЛОВНЕВА, Ю. В., 2013. Метафоры внутреннего мира человека в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». In: *Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II междунар. науч. конф.* Челябинск: Два комсомольца, 40-43.
- ГУРЕВИЧ, Г., 1967. *Карты Страны Фантазий*. Москва: Искусство.
- ЛИТВИНОВА, В. В., 2009. *Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери*. Дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Краснодар.
- ЛОБДЖАНИДЗЕ, Б. Д. 2012. *Повтор, его виды и функции в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»*. Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2012/III/uch_2012_III_00007.pdf (См. 02.02.2014).
- МАРКИНА Н. В., 2006. *Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство*. Дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Самара.
- МИХАЙЛОВА, Л. Г., 1981. *Новые тенденции в современной английской и американской научной фантастике*. Автореф. канд. филолог. наук. Москва.
- Миры Рэя Брэдбери*, 1997. In: *Собрание фантастических произведений*. Т.8. Рига: Полярис.
- ПЛАКИДА, О. А., 2013. Концепты "life", "old age", "wine" как наиболее частотные и ярко выраженные концепты произведения «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери. *Молодой ученый*, №5, 464-468.
- ПОДСЕВАК, Е. С., 2014. Образные сравнения в индивидуально-авторской картине мира Р. Брэдбери. In: *Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия:*

материалы III междунар. науч. конф. Новосибирск: Международный Научный Институт "Educatio", 68-70.

ЧЕРНИЦЫНА, Е. В., 2009. *Лексико-стилистические проблемы перевода научно-фантастического текста: на материале переводов произведений Рэя Брэдбери "451° по Фаренгейту", "Август 1999: Земляне", "Февраль 1999: Илла" и "Август 2026: Будет ласковый дождь" на русский язык. Дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук.* Москва.

Kateryna Podsievak

Kyiv National Linguistic University, Ukraine

Research interests: cognitive linguistics, cognitive poetics, stylistics

LEXICO-STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE TECHNOLOGICAL FUTURE IN RAY BRADBURY'S SCIENCE FICTION

Summary

The publication presents an analysis of the science fiction works of the American writer Ray Douglas Bradbury from the point of view of linguistics. Science fiction literary texts have only recently become the object of study in linguistics. A feature of these texts is their relationship with elements of the structures of scientific texts. In addition to terms, this group of elements includes quasiterms and quasirealia. We draw a conclusion about the active use of quasiterms in Bradbury's works under investigation to create an atmosphere of professionalism and the wide-spread technological progress in various spheres of life. The main stylistic techniques of the author vividly illustrate the emotional-evaluative component of the depicted quasirealia that serves, in our opinion, as an evidence of the secondary role of the scientific component in Bradbury's works. Human experience, and not the description of the technical capabilities of the new machines of the future, is in the first place in the works of the author. The application of statistical methods to the material under study made it possible to determine the qualitative and quantitative characteristics of Bradbury's original style. According to the obtained results, the future technical progress in the individual has a negative connotation in Ray Bradbury's worldview. The figurative means the author uses indicate the opposition between man and the achievements of technological progress.

KEYWORDS: science fiction, quasiterms, quasirealia, lexico-stylistic analysis, rhythm, author's metaphor.

Kateryna Podsievak

Kijevo nacionalinis lingvistikos universitetas

Moksliniai interesai: kognityvinė lingvistika, kognityvinė poetika, stilistika.

LEKŠINĖS- STILISTINĖS TECHNOLOGIJŲ VAIZDAVIMO YPATYBĖS R. D. BRADBURY
MOKSLINĖS FANTASTIKOS KŪRINIUOSE

Šiame straipsnyje pateikiama Ray Douglas Bradbury mokslinės fantastikos kūrinių lingvistinė analizė. Mokslinės fantastikos kūriniams lingvistai susidomėjo visai neseniai. Viena iš šio tipo tekstų ypatybių yra struktūrinis panašumas į mokslinį tekstą. Mokslinės fantastikos kūriniuose naudojami ne tik moksliniai terminai, bet ir kvaziterminai bei kvazirealijos. Pasirinktų Bradbury kūrinių analizė parodė, kad siekdamas sukurti profesionalumo įspūdį bei pabrėžti techninio progreso svarbą įvairioms gyvenimo sritims, autorius dažnai naudoja kvaziterminus. Pasirinktoms stilistinėms priemonėms būdingas ryškus emocinis- vertinamasis komponentas, tai leidžia daryti išvadą, kad mokslinis šių elementų komponentas teksto kūrimui nėra pats svarbiausias. Autoriui svarbu pavaizduoti žmonių išgyvenimus, o ne technines ateities prietaisų galimybes. Pasirinktas statistinės analizės metodas leidžia aprašyti kokybines ir kiekybines rašytojo meninio stiliaus ypatybes pasirinktuose kūriniuose. Apibendrinant, galima teigti, kad techninis progresas, vaizduojamas Ray Bradbury mokslinės fantastikos kūriniuose, turi neigiamą reikšmę. Meninių priemonių analizė leidžia teigti, kad kūriniuose dominuoja žmogaus ir technikos opozicija.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: mokslinė fantastika, kvaziterminai, kvazirealijos, stilistinė kalbos analizė, ritmas, autorinės metaforos.

Laura Simonavičienė

Vytauto Didžiojo universitetas

Humanitarinių mokslų fakultetas Lietuvių kalbos katedra

El. p. l.simonaviciene@ hmf.vdu.lt

Moksliniai interesai: tekstynų lingvistika, pragmatika, leksinė semantika, kalbos kultūra, redagavimas.

KIEK GERAS YRA GERAS, O BLOGAS – BLOGAS?

Nors iš pirmo žvilgsnio leksinė žodžio reikšmė atrodo nesunkiai suvokiama, iš tikrųjų tai gana sudėtingas reiškinys. Kaip kalbėdamiesi nesupainiojame reikšmių, suprantame vieni kitus? Atsakymas paprastas – kontekstas, situacija ir žodinė aplinka pašalina polisemiją, parodo, kokia konkrečia reikšme vartojamas žodis.

Kalbant apie žodžių reikšmes, būtina paminėti, kad „be dalykinio turinio, žodis dar teikia papildomą informaciją – žadina jausmus, kelia vaizdinius, asociacijas, turi ekspresijos galią“ (Pikčilingis 1975: 9). Toks žodis vadinamas stilistiškai konotuotu, jis įeina į stilistinę kalbos sistemą. E. Jakaitienė (2010: 53) teigia, kad „kiekvienoje kalboje yra žodžių, kurie komunikuoja informaciją ne tik apie pačius žmonių suvokiamus tikrovės dalykus, bet ir apie tai, kaip juos vertina žmonės“. Šį vertinimą ji vadina konotacine reikšme, arba konotaciniu reikšmės komponentu.

Taigi akivaizdu, kad, tyrinėjant konotacines žodžių reikšmes, negalima atsiriboti nuo konteksto ir kalbinės situacijos. Kitais žodžiais tariant, iš bendro turinio žodžio reikšmė negali būti išplėsta, nes visi turinio elementai vienaip ar kitaip atsiliepia leksinėje reikšmėje (Jakaitienė 2010: 26–27). Juk komunikuojame ne atskirais žodžiais, bet tam tikrais jų junginiais, iš kurių konstruojame sakinius, ištikus tekstus. Būtent todėl „leksinės reikšmės sudedamoji dalis konotacija gali būti aptinkama ne tik ir ne tiek atskirai paimtame, izoliuotame žodyje, kiek platesniame ir tipiškame jo vartojimo kontekste – žodžių junginyje, sakinyje, tekste. Tai leidžia skirti atskirą konotacijos rūšį – kontekstinę konotaciją“ (Marcinkevičienė 2001: 56). Būtent ši konotacijos rūšis²⁹ yra vienas svarbiausių kalbos pragmatikos

---

29 Skiriama dvejopa žodžių konotacija: *pastovioji*, arba *sisteminė*, ir *nepastovioji*, arba *situacinė*, *kontekstinė*. Vadinasi, kai kurių žodžių teigiama arba neigiama konotacija aiški, jai nustatyti nereikalingas joks kontekstas, jie priklauso stilistiškai konotuotų žodžių grupei, pvz.: *kūtvėla*, *nevala*, *snarglius*, *sapalioti* ir pan. Tačiau nemažiau svarbi ir kontekstinė konotacija, kuri „dažnai siejasi su bendravimo situacijos vertinimu, kalbančiųjų tarpusavio santykių atskleidimu“ (Jakaitienė 2010: 55).

elementų ir šio tyrimo ašis. Kaip minėta anksčiau, konotacinė žodžių reikšmė tiesiogiai susijusi su vertinimu, t. y. tuo, kaip tam tikrus tikrovės dalykus vertina žmonės. Anot S. Hunston (1989: 356), jei tekste skaitytojui sakoma, ką rašytojas mano apie tam tikrą dalyką, tuomet kiekvienas leksikos ar gramatikos elemento pasirinkimas yra vertinamasis. Juk pavadindami daiktą ar reiškinį, kartu lyg ir pasakome „ir man tai patinka, malonu, gera“ arba atvirkščiai – „nepatinka, nemalonu, nemiela“ (Gudavičius 2009: 183). Taigi akivaizdu, kad vertinimas yra labai svarbi teksto dalis, jis yra būtinas, kad atsirastų sąveika tarp rašytojo ir skaitytojo.

Vertinimą tekste jau ne vieną dešimtmetį tyrinėja daugybė užsienio mokslininkų. Kiekvienas jų vertinimą kaip reiškinį apibūdina savaip, juolab vartoja skirtingus terminus. Dažniausiai, kalbant apie asmeninį kalbėtojo nusistatymą, vartojamas terminas „vertinimas“ (angl. *evaluation*). W. Labovas (1972, cituota iš Bednarek 2006) jį apibrėžia kaip priemonės, kurias naudoja pasakotojas, siekdamas parodyti pasakojimo esmę: kodėl tai yra sakoma ir kas yra išskiriama kaip svarbiausia. M. J. Toolanas (1988) vertinimą laiko ypač svarbiu teksto elementu, kuriuo tarsi užbėgama už akių klausimui „kas iš to?“ Jis naudojamas nustatyti ir sustiprinti konteksto reikšmę, pasakojimo vertę ir svarbą bei įdomumą. Pasak S. Hunston (1989), vertinimo funkcija žodiniame pasakojime dažnai išreiškiama kaip nurodymas klausytojui, kur yra pagrindinis pasakojimo taškas. Bellas (1991) teigia, kad vertinimas naujienose naudojamas siekiant pabrėžti pagrindinę mintį, sufokusuoti istoriją ir sutelkti auditorijos dėmesį. Anot G. Thompson ir S. Hunston (2000), vertinimas yra platus terminas, kuris nusako kalbėtojo ar rašytojo poziciją, nusistatymą, požiūrio kampą, jausmus apie realybę ar teiginius, apie kuriuos jis ar ji kalba. A. Gudavičius (2009) vertinimu vadina teigiamą arba neigiamą kalbančiųjų požiūrį apie pasaulio daiktus ir reiškinius, pagrįstą jautimų, jausmų ir proto patirtimi.

Kadangi vertinamas, kaip teigė G. Thompson ir S. Hunston (2000), yra labai platus terminas, siekiant išvengti neaiškumų ir painiavos, būtina jį sukonkretinti ir susiaurinti. Taigi vertinimu nuspręsta vadinti teksto autoriaus nuomonės, požiūrio ar pozicijos raišką tam tikro įvykio, daikto, asmens, dalyko atžvilgiu.

Teigiama, kad egzistuoja skirtingi vertinamieji parametrai, pagal kuriuos teksto autorius gali vertinti pasaulį. Ką jis praneša, gali būti vertinama pagal įvairias kategorijas: ar mes jaučiame, kad tai apie ką kalbame yra geros ar blogos naujienos, ar informaciją, kurią turime, vertiname kaip patikimą ar nepatikimą, ar tai, apie ką kalbame, yra tikėta ar netikėta, akivaizdu ar neakivaizdu, svarbu ar nesvarbu, būdinga ar nebūdinga ir pan. M. Bednarek (2006). Autorės manymu, visi šie klausimai yra susiję su vertinimu. Vis dėlto, pasak G. Thompson ir S. Hunston (2000), pagrindinis vertinamasis parametras yra

geras ir *blogas*, arba *teigiamas* ir *neigiamas*. Taigi tiriamas būtent šis parametras, tiksliau, opoziciniai būdvardžiai *geras* ir *blogas* (apie tai plačiau – 3 darbo dalyje). Šie žodžiai pasirinkti todėl, kad yra gan dažnai vartojami įvairiuose stiliuose.³⁰ Be to, iš pirmo žvilgsnio atrodo, kad šie opoziciniai būdvardžiai yra vertinamieji – jie visada turėtų labai aiškiai rodyti kalbančiojo poziciją, nusistatymą ar nuomonę aprašomo reiškinio, asmens, dalyko, įvykio, situacijos, asmens atžvilgiu. Keliama **hipotezė**, kad realioje vartosenoje būdvardžiais *geras* ir *blogas* visada išreiškiama autoriaus pozicija. Kitais žodžiais tariant, jie visada yra vertinamieji. Taigi šio tyrimo **tikslas** – išsiaiškinti, ar realioje vartosenoje būdvardžiu *geras* visada apibūdinami geri dalykai, o *blogas* – blogi, pagrįsti tai pavyzdžiais ir iliustruoti statistiniais skaičiavimais. Vadinas, siekiant įgyvendinti užsibrėžtą tikslą, būtina iširti minėtų žodžių reikšmes. Taigi tyrimo **objektas** – opozicinių būdvardžių *geras* ir *blogas* reikšmės.

Kadangi, pasak R. Marcinkevičienės (2001: 48), „iš konteksto išryškėjanti reikšmė niekaip kitaip nepasimato kaip tik iš didelio kiekio vartosenos pavyzdžių ir dažnai įvairiuose kontekstuose vartojamas žodis paprastai įgyja naujų reikšmių arba buvusios reikšmės turi tendenciją platėti, abstraktėti“, žodžių *geras* ir *blogas* konotacijas nuspręsta tirti **tekstynų lingvistikos metodu** integruojant lyginamąją žodyninių aprašų ir statistinę gautų duomenų analizę.

Siekiant iširti, kokios būdvardžių *geras* ir *blogas* reikšmės vyrauja realioje vartosenoje, ir nustatyti, kurios yra vertinamosios, naudinga jas suskirstyti į tam tikras kategorijas. Pirmiausia reikšmių kategorijos sudarytos remiantis lietuvių kalbos žodynuose (DLKŽ ir LKŽ) pateikiamais pasirinktų opozicinių būdvardžių aprašais. Tada, atsižvelgus į jau turimus duomenis ir DLKT publicistikos dalyje esančius pavyzdžius, nustatytos reikšmių, kuriomis būdvardžiai *geras* ir *blogas* vartojami realiai, kategorijos ir aptartas vertinamasis jų atspalvis.

Apribojimai

- Analizuojami DLKT publicistikos dalyje esantys būdvardžiai *geras* ir *blogas*, nes publicistiniam stiliui priklausančių žanrų tekstuose ne tik išdėstomi faktai, bet ir stengiamasi atitinkamai nuteikti, įtikinti skaitytoją. Publicistikos kūrinys turi būti ne tik logiškas, tikslus, dalykiškas, bet ir įspūdingas, emocionalus, vaizdingas.
- Tiriamas tik vienaskaitos vardininkas, nes jis lietuvių kalboje yra vienas dažniausiai vartojamų linknių. Rankiniu būdu atmetamas sutampantis moteriškosios giminės daugiskaitos galininkas.

30 A. Utkos „Dažniniame rašytinėje lietuvių kalbos žodyne“ (2009) būdvardis *geras* yra 105-ojoje, o *blogas* 673-iojoje vietoje. Nors vienas būdvardis nuo kito gerokai nutolęs, viso žodyno kontekste (jame yra 42 061 žodis) tai yra gan dažnai vartojami žodžiai.

- Apibendrinamieji rezultatai pateikiami išanalizavus po 400 žodžių *geras* ir *blogas* vartosenos pavyzdžių, esančių DLKT publicistikos dalyje, nes duomenys tendencingai kartojasi. Prieš pradėdant analizuoti DLKT publicistikos dalyje esančius būdvardžių *geras* ir *blogas* vartosenos atvejus, svarbu pristatyti DLKŽ ir LKŽ pateikiamus jų aprašus, kad būtų galima sudaryti objektyvias minėtų žodžių reikšmių kategorijas. Kaip matyti 1 lentelėje, DLKŽ yra net 8, LKŽ – 11 būdvardžio *geras* reikšmių.

1 l e n t e l ė. Būdvardžio *geras* aprašai lietuvių kalbos žodynuose.

Dabartinės lietuvių kalbos žodynas (DLKŽ)	Lietuvių kalbos žodynas (LKŽ)
<p>1 gėrlas, ~à (4) prš. b l o g a s.</p> <p>1. turintis teigiamų ypatybių, tinkamas, naudingas: <i>Namas dar g. Čia ~os žemės (derlingos). ~os akys, ausys (puikiai mato, girdi) ~à galva (gabus). G. draugas (tikras). ~óji pusė viršuje.</i></p> <p>2. malonus, gailestingas, nepiktas: <i>Jis g., nesibara. G. šuo, nekanda. Būk ~ūtis!</i></p> <p>3. mokantis savo darbą, gabus, sumanus: <i>G. mokytojas, gydytojas.</i></p> <p>4. teikiantis pasitenkinimą, patogus, jaukus: <i>G. gyvenimas. ~à žinia. Praėjo jų ~osios dienos. ~a čia būti.</i></p> <p>5. nemažas, didelis: <i>G. vežimas, glėbys, gabalas. ~à sauja. Jau g. laikas (vėlyvas). G. melagis.</i></p> <p>6. pelningas: <i>~ą tarnybą gavo.</i></p> <p>7. sveikas, stiprus: <i>Ligonis jau ~ėsnis, ~ėlėsnis.</i></p> <p>◇ <i>Išėiti į ~a (gerai baigtis). Kas ~o (kokios</i></p>	<p>1. meilus, malonus; gailestingas; nepiktas: <i>Mano tėvas labai gėras, retai pyksta Rg.</i></p> <p>2. doras, teisingas, žmoniškas: <i>Jis yra geras žmogus J.Jabl.</i></p> <p>3. gabus, gudrus, apsukrus: <i>Brangios, geros rankos dirbo prie jo šono P.Cvir.</i></p> <p>4. tinkamas; patogus; naudingas; vertingas; tikras; parankus: <i>Kluonas da gėras, tik stogas kiauras Ldvn.</i></p> <p>5. nemažas, didelis, žymus; tikras, atsakomas: <i>Skiedrų bus gėras vežimas Skr.</i></p> <p>6. sveikas, stiprus: <i>Šiandie ligonis gėras jau, vakar vakare buvo prikrypęs Trgn.</i></p> <p>7. laimingas, vykęs: <i>Jam gera obligacija papuolo (teko) Viln.</i></p> <p>8. pelningas: <i>Jis gerą vietą turėjo – ir pasistatė namus Kn.</i></p> <p>9. garbingas: <i>Monika sumišusi atsakinėjo ir galvojo, kad ponai tik dėl to su ja tokie meilūs, jog ji geroje vietoje sėdi P.Cvir.</i></p> <p>◇ gėros akys apie nesigėdintį: <i>Gėros akys dūmų nebijo</i></p>

<p>naujienos)? Ko ~o (galimas daiktas) apsirgsiu.</p> <p>~aĩ prv.: <i>Ar ~aĩ miegojai? ~aĩ (sutinku), rytoj ateisiu. ~aĩ (smarkiai) palijo. Viena galva ~aĩ, dvi trys dar ~iaũ. ~iausiaĩ padarytum, paklausęs jo.</i></p> <p>~yn prv.</p> <p>~umas (2): <i>Širdies ~umas. Koks ~umẽlis čia gyventi!</i></p> <p>2 gẽrlas (4)</p> <p>turtas, lobis: <i>Iš svetimo ~o neprasikursi (tts.). To ~o (tokių dalykų) nepritrũks.</i></p>	<p>Upt.</p> <p>gẽrą akĩ turėti palaikyti, mėgti: <i>Paprašyt, kai da in manęs gerą akį turi Skdt.</i></p> <p>geràs akis turėti nesigėdyti: <i>Jis turi geràs akis Gs, Skr.</i></p> <p>gerùs nagùs turėti būti nagingam: <i>Nagùs gerùs turėjo Kt.</i></p> <p>gerà rankà susijęs su sėkme: <i>Mano gerà rankà – kur aš sėjau, ten gerai auga Gs.</i></p> <p>gerà širdimì mielai: <i>Plikis gera širdžia vaišina svetį S.Dauk.</i></p> <p>gerõs širdiẽs palankus: <i>Jis labai geros širdies J.Jabl.</i></p> <p>iš gerõs širdiẽs palankiai nusiteikęs: <i>Iš geros širdies ir akmeniu metęs neužgausi Kpr.</i></p> <p>jókiu (niekũ) gerũ niekaip: <i>Jókiu gerũ neina, ir gana Gs.</i></p> <p>kad gẽras sakoma nusiviliant: <i>Ištrũko kumelys, o dabar pagauk, kad geras! Sml.</i></p> <p>kõ gẽro tikriausiai: <i>Tai mes rytoj, kad kõ gẽro, ir pabaigsim kultū Sml.</i></p> <p>2 gẽras sm. (4)</p> <p>1. turtas, lobis, brangenybės: <i>Iš biednų muzikų gẽro ponai statė puikų dvarą (d.) Alvt.</i></p> <p>2. gerumas: <i>Su gerũ ir su piktu tėvai ją ragina Jrk. Jis su gerũ neklauso KI574.</i></p>
--	--

Nors, kaip matyti, reikšmių kiekis šiek tiek skiriasi, jas apibendrintai galima suskirstyti į septynias kategorijas.

- 1. Kokybiškumo, tinkamumo:** *namas dar geras; kluonas da gẽras, tik stogas kiauras.*
- 2. Asmeninių savybių, ypatybių:** *jis geras, nesibara; jis yra geras žmogus.*
- 3. Profesionalumo:** *geras mokytojas, gydytojas; brangios, geros rankos dirbo prie jo šono.*

4. **Komfortabilumo:** *geras gyvenimas; praėjo jų gerosios dienos.*
5. **Didumo:** *geras vežimas, glėbys, gabalas; skiedrų bus geras vežimas.*
6. **Pelningumo, turtingumo:** *gerą tarnybą gavo; jis gerą vietą turėjo – ir pasistatė namus.*
7. **Sveikumo:** *ligonis jau geresnis; šandie ligonis geras jau, vakar vakare buvo prikrypęs³¹.*

DLKŽ ir LKŽ būdvardžio *blogas* reikšmių gerokai mažiau nei *geras*: DLKŽ pateikiamos 5, LKŽ – 4 reikšmės (žr. 2 lentelę). Jas taip pat galima apibendrinti ir suskirstyti į tam tikras kategorijas.

1. **Nekokybiškumo, netinkamumo:** *blogas oras, kelias; mano blogos akys, aš neįžiūriu.*
2. **Neigiamų ypatybių, savybių:** *blogas įprotis; blogas vaikas širdį tėvam užduoda.*
3. **Nesveikumo, silpnumo:** *blogas arklys; ligonis visai blogas.*
4. **Apžavėjimo, kenkimo:** *blogas žvilgsnis; bloga akis³².*

2 l e n t e l ė. Būdvardžio *blogas* aprašai lietuvių kalbos žodynuose

Dabartinės lietuvių kalbos žodynas (DLKŽ)	Lietuvių kalbos žodynas (LKŽ)
<p>blōg̃las, ~à (4) prš. g e r a s.</p> <p>1. prastas, netikęs: <i>B. oras, kelias. B. darbas. B. mainas. ~à sveikata. B. žmogus. ~à nuotaika (liūdna, prislėgta). ~óji pusė (išvirkščioji).</i></p> <p>2. turintis negerų, neigiamų ypatybių: <i>B. įprotis. Blōgos žinios, mintys. B. skonis (neišlavintas). B. mokinys (negabus, nerūpestingas).</i></p> <p>3. tarm. liesas, menkas: <i>B. arklys.</i></p> <p>4. tarm. silpnas (apie ligonį).</p> <p>5. prietauose apžavintis, kenkiantis: <i>B. žvilgsnis. ~à akis, ranka.</i></p> <p>~aĩ prv.</p>	<p>blōgas, -à (brus. благий) adj. (4) J; R310</p> <p>1. kam nors netinkamas, prastas, negeras: <i>Mano blōgos akys, aš neįžiūriu Sb.</i></p> <p>2. turintis neigiamų moralinių ypatybių: <i>Blōgas vaikas širdį tėvam užduoda Inš.</i></p> <p>3. liesas, menkas: <i>Blogi jaučiai ir arkliai iš bado sylos neteko K.Donel¹.</i></p> <p>4. R319, K silpnas (apie ligonį): <i>Ligonis visai blōgas Jrb.</i></p> <p>◇ blogà akis; blōgas žvilgsnis tariama galia pakenkti pažiūrėjimu: <i>Atžinda turi blogas akis Pt..</i></p> <p>blogà rankà tariama galia pakenkti</p>

³¹ Pavyzdžiai iš DLKŽ ir LKŽ.

³² Pavyzdžiai iš ten pat.

~ŷn	prv.	prisilietimu: <i>Yra žmonių, kurie turi blōgą raņką</i>
~ūmas (2)1 gēras, -à (nom. pl. gerì, gērūs) adj.		<i>arba blogas akis Pn.</i>
(4)		blōga aņt širdiēs; blogà širdis vemti verčia, šleikštu: <i>Ma[n] blōga aņt širdiēs Rs.</i>

Opozicinių būdvardžių *geras*, *blogas*, esančių DLKT publicistikos dalyje, reikšmės nustatytos atsižvelgus į jais apibūdinamus greta esančius žodžius, dažniausiai – daiktavardžius. Tiksliau kalbant, jos sudarytos remiantis sinonimijos principu – žiūrėta, koku sinonimu galima pakeisti tiriamą būdvardį, kad sakiny s neprarastų pradinės reikšmės, pavyzdžiui: *geras karys* – *profesionalus karys*; *geras gaminys* – *kokybiškas gaminys*; *blogas metodas* – *netinkamas metodas*, *geras kelio galas* – *didelis kelio galas* ir pan. Opozicinių būdvardžių *geras*, *blogas* grupės išskirtos atsižvelgus į jau nustatytas žodynines reikšmių kategorijas (detaliau žr. 4 dalyje).

Iš viso DLKT publicistikos dalyje rasti 8879 būdvardžio *geras* pavartojimo atvejai. Taigi, remiantis DLKT publicistikos dalyje esančiais vartosenos pavyzdžiais ir žodyninėmis reikšmių kategorijomis, paaiškėjo, kad būdvardis *geras* galėtų priklausyti septynioms realioje vartosenoje išryškėjančioms reikšmių kategorijoms.

1. **Profesionalumo** (*geras karys*, *geras administratorius*, *geras mokytojas*), kai kalbama apie **asmeni**.

Ne kiekvienas archyvų darbuotojas gali būti geras archyvaras profesionalas.

Redaktoriumi po manęs liko tikrai geras vadovas – kunigas Aušvydas Belickas.

Dar kartą pasitvirtino tiesa, kad buvęs geras krepšininkas ne taip dažnai tampa ir puikiu treneriu.

2. **Kokybiškumo, tinkamumo, naudingumo, malonumo** (*geras gaminys*, *geras portretas*, *geras eilėraštis*, *geras metodas*, *geras siūlymas*, *geras apsisprendimas*, *geras oras*), kai kalbama apie **objekta**.

Geras Nikolajaus II portretas, nieko neprikiši.

Jei sukurtas geras produktas, surinkti kapitalą labai paprasta.

Itališkos vakarienės žavesys yra ne tik labai geras maistas, bet ir ilgas vakarojimas.

3. **Būdo, charakterio, elgesio** (*geras berniukas, geras žmogus, geras tėvas*), kai kalbama apie **asmenį**.

Tai buvo jautrus, nuoširdus ir geras žmogus, mokąs objektyviai ir tauriai veikti.

Šantažo įrankiu paverstas berniukas – nepaprastai geras ir švelnus, – atrodytų, ko čia juoktis...

Būtų ne tik išsilavinęs, bet ir geras, dvasingas žmogus, paisantis ne vien savo interesų.

4. **Tikro buvimo kuo** (*geras draugas, geras pažįstamas*), kai kalbama apie **asmenį**.

Tiesą pasakius, paukščiukas nėra toks geras vaiko draugas. Juk jų labai nepaglostysi.

Anekdotų pasakotojas R. Šilanskas – geras L. Kasparavičienės vyro draugas.

Geras pažįstamas K. Škirpos.

5. **Pelningumo, turtingumo, patogumo** (*geras gyvenimas, geras darbas, geras kšnelis*), kai kalbama apie **objektą**.

Jaunimui svarbiau Niujorko birža ir geras gyvenimas, ar ne?

Tebevažiuos gyventi į Lietuvą – Maskvoje geras darbas, draugai.

Rūmai niekieno neprižiūrimi stovėjo dar šimtmetį – geras kšnelis lobių ieškotojams...

6. **Garbingumo** (*geras vardas*), kai kalbama apie **objektą**.

Padedą per daugelį metų išsikovotas geras mokyklos vardas.

Europoje žinomas Panevėžio stiklo fabriko geras vardas.

Jau atsiranda supratimas, kad įmonės geras vardas irgi yra kapitalas.

7. **Didumo, žymumo** (*geras dešimtmetis*), kai kalbama apie **objektą**.

Guli geras gabalas Australijos ir Okeanijos.

Ir geras pusdienis prabėgo apžiūrinėjant suomės ūkį.

Iki jos egzistencijos pabaigos liko vos geras mėnuo³³.

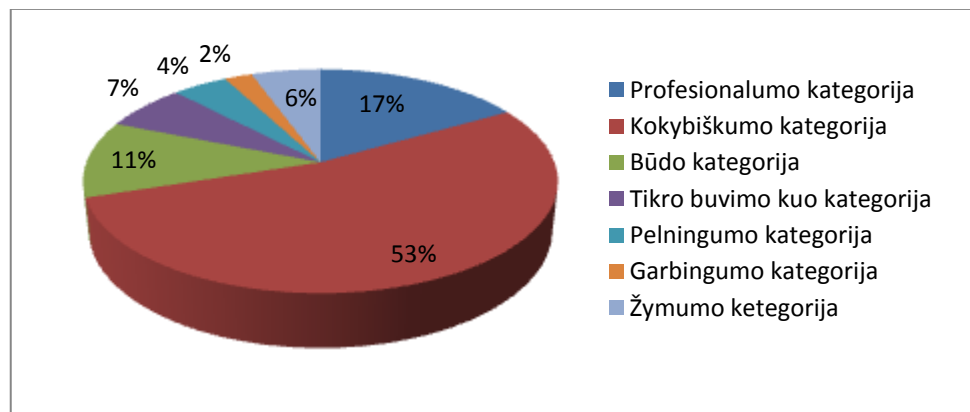

33

Pavyzdžiai – iš DLKT publicistikos dalies.

Iš pateiktų reikšmių kategorijų ir pavyzdžių matyti, kad trys jų susijusios su asmens būdo, charakterio, gebėjimų apibūdinimu, keturios apibūdina objektą. Kaip matyti 1 paveiksle pateiktoje diagramoje, DLKT publicistikos dalyje vyrauja kokybiškumo, tinkamumo, naudingumo, malonumo kategorija (*geras gaminys, geras portretas*). Ji sudaro daugiau nei pusę vartosenos pavyzdžių (53 proc.). Kelis kartus mažiau vartosenos pavyzdžių priklauso profesionalumo (*geras karys, geras mokytojas*) ir būdo, charakterio, elgesio kategorijoms (*geras vaikas, geras žmogus*) (atitinkamai 17 ir 11 proc.). Taigi *geru* dažniausiai apibūdiname objektą, daug rečiau asmenį. Rečiausiai aptinkama garbingumo (*geras vardas*) ir pelningumo, turtingumo, patogumo (*geras gyvenimas*) kategorijos.

Išanalizavus DLKT publicistikos dalyje esančius būdvardžio *geras* vartosenos pavyzdžius, galima teigti, kad šiuo žodžiu ne visada išreiškiama autoriaus pozicija tam tikro įvykio, asmens, situacijos ar dalyko atžvilgiu. Iš pateiktų reikšmių kategorijų pavyzdžių matyti, kad nevertinamoji yra septintoji didumo, žymumo kategorija. Būdvardis *geras* vartojamas *didumo, žymumo, nemažumo* reikšmėmis, kurios pačios savaime nėra nei teigiamos nei neigiamos. Tokie pavyzdžiai DLKT publicistikos dalyje sudaro 6 proc. visų vartosenos atvejų (žr. 1 pav.).

1 p a v e i k s l a s. Būdvardžio *geras* statistinė pavyzdžių analizė

DLKT publicistikos dalyje iš viso yra 1703 būdvardžio *blogas* pavartojimo atvejai. Išanalizavus 400 eilučių, nustatytos keturios realioje vartosenoje išryškėjusios reikšmių kategorijos.

1. **Prastumo, netinkamumo, nederamumo, nemalonumo** (*blogas dalykas, blogas derinys*), kai kalbama apie **objekta**.

Nemanome, jog kritika – labai blogas dalykas.

Blogas derinys – lietus ir vėsus oras.

Tas susitikimas – blogas ženklas.

2. **Neprofesionalumo** (*blogas muzikantas, blogas vadovas*), kai kalbama apie **asmeni**.

Kaime žmonės turėjo supratimą, kas yra geras, kas blogas muzikantas.

Čia Aristotelis buvo blogas vadovas.

Mąstytojas, kuris mąstydamas nejaučia, yra blogas mąstytojas.

3. **Neigiamų moralinių ypatybių** (*blogas žmogus, blogas patėvis*), kai kalbama apie **asmeni**.

Jis mane myli ir tada, kai esu blogas.

Jis buvo negeras (patėvis irgi blogas), bet tai buvo tėvas.

Trečiadienį pareiškė, kad O. bin Ladenas yra blogas žmogus ir turi blogų ketinimų.

4. **Nepelningumo** (*blogas mėnuo, blogas derlius*), kai kalbama apie **objekta**.

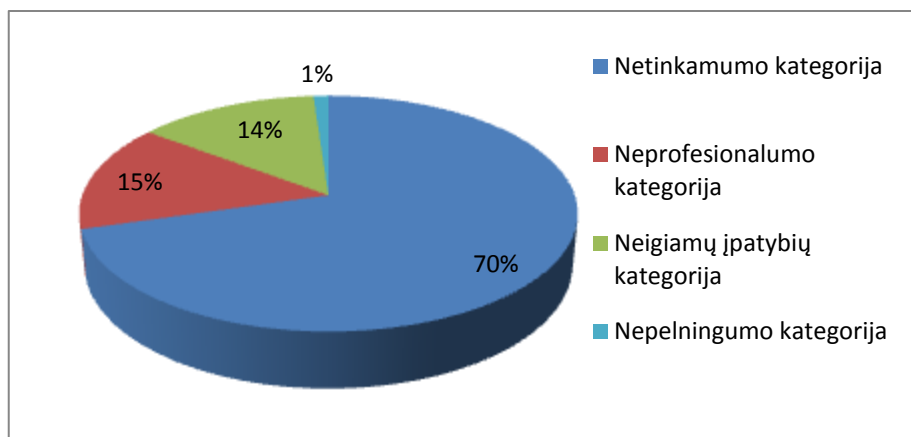
Išimtis buvo rugsėjo mėnuo, kuris buvo blogas visai šalies alaus rinkai.

Jis vogė tik iš bado, ponas juk žino: blogas derlius, dideli mokesčiai, nuoma.

Jeigu neduos elgetai išmaldos, užtrūks karvės, bus blogas derlius, kris gyvuliai, atsitiks nelaimė.

Iš pateiktų reikšmių kategorijų ir pavyzdžių matyti, kad dvi jų susijusios su objektu, dvi apibūdina asmens neprofesionalumą ir neigiamas moralines ypatybes. Kaip matyti 2 paveiksle pateiktoje diagramoje, DLKT publicistikos dalyje dominuoja prastumo, netinkamumo, nederamumo, nemalonumo (*blogas dalykas, blogas derinys*), kai kalbama apie objektą, kategorija (sudaro 70 proc. visų vartosenos atvejų).

Kelis kartus rečiau būdvardis *blogas* vartojamas neigiamų moralinių ypatybių (*blogas žmogus, blogas patėvis*) ir neprofesionalumo (*blogas muzikantas, blogas vadovas*) kategorijoms priklausančiomis reikšmėmis (atitinkamai 14 ir 15 proc.). Taigi *blogu* dažniausiai apibūdiname netinkamą, prastą, nederamą, nemalonų objektą, daug rečiau asmenį. Rečiausiai sutinkama nepelningumo kategorija (*blogas mėnuo, blogas derlius*). Ji sudaro vos 1 proc. visų būdvardžio *blogas* reikšmių vartosenos pavyzdžių.

2 p a v e i k l a s. Būdvardžio *blogas* statistinė pavyzdžių analizė

Išanalizavus DLKT publicistikos dalyje esančius būdvardžio *blogas* vartosenos pavyzdžius, būtų galima tvirtinti, kad būdvardžiu *blogas*, kitaip nei *geras*, visada išreiškiama autoriaus pozicija tam tikro įvykio, asmens, situacijos ar dalyko atžvilgiu. Juk sakydami, kad *lietus ir vėsus oras yra blogas derinys* išreiškiame asmeninę nuomonę, kažkas yra apibūdinama kaip asmeniška, neįmanoma patikrinti, neapibrėžta, palyginti su neutraliais žodžiais, kurie turi prasmę, nepriklausančią nuo kalbančiojo, yra patikrinti ir nustatyti. Kas vienam blogai, kitam gali būti gerai – kam nors kitam lietus ir vėjas patinka, sukelia teigiamas emocijas, moralinį pasitenkinimą, ir tai bus *geras derinys*. Kitais žodžiais tariant, jei išreiškiama „tiesa“, kurią rašytojas pateikia skaitytojui, atsižvelgęs į asmeninius patyrimus, vertindamas ką nors pagal savus kriterijus, žodį galima vadinti vertinamuoju. Apžvelgus visus DLKT publicistikos dalyje esančius būdvardžio *blogas* reikšmių vartosenos pavyzdžius galima teigti, kad *blogas* visada yra *blogas* (*nepelningas, prastas, netinkamas, neprofesionalus, turintis neigiamų ypatybių* ir pan.).

Išvados

Atlikus tyrimą ir išanalizavus trijuose šaltiniuose (DLKŽ, LKŽ ir DLKT) esančius būdvardžius *geras* ir *blogas*, iš dalies paneigiama darbo pradžioje kelta hipotezė. Kitais žodžiais tariant, į klausimą, ar būdvardžiu *geras* visada apibūdinami geri dalykai, o *blogas* – blogi, negalima atsakyti teigiamai.

Kai būdvardžiu *geras* reiškiamas didumas, žymumas, jis nerodo nei teigiamumo, nei neigiamumo. Tačiau tokie pavyzdžiai DLKT publicistikos dalyje sudaro vos 6 proc. visų vartosenos atvejų. Vadinasi, dažniausiai būdvardžiu *geras* vis dėlto išreiškiama autoriaus pozicija, požiūris ir asmeninė nuomonė.

Apžvelgus visus DLKT publicistikos dalyje esančius būdvardžio *blogas* reikšmių vartosenos pavyzdžius, galima teigti, kad *blogas* visada yra *blogas* (*nepelningas, prastas, netinkamas, neprofesionalus, turintis neigiamų ypatybių* ir pan.).

Literatūra

- BEDNAREK, M., 2006. *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus*. New York: Continuum.
- BELL, A., 1991: *The Language News Media*. Oxford: Blackwell.
- GUDAVIČIUS, A., 2009. *Etnolingvistika*. Šiaulių universitetas: VŠĮ „Šiaulių universiteto leidykla“.
- HUNSTON, S., 1989. *Evaluation in Experimental Research Articles*. University of Birmingham.
- Hunston, S., Thompson, G., 2003. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*, Oxford University press.
- JAKAITIENĖ, E., 2010. *Lietuvių kalbos leksikologija*. Vilnius: Mokslas.
- MARCINKEVIČIENĖ, R., 1997. Klausimas dėl klausimo, arba ką gali kompiuterinis tekstynas. *Darbai ir Dienos*, Nr. 5, 19–37.
- MARCINKEVIČIENĖ, R., 2001. Daiktavardžių konotacijos tyrimas tekstynų lingvistikos metodu. *Lituanistica*, Nr. 3 (47), 46–57.
- PIKČILINGIS, J., 1975. *Lietuvių kalbos stilistika*, 2. Vilnius: Mokslas.
- TOOLAN, M. J., 1988. *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge.

Šaltiniai

- UTKA, A., 2009. *Dažninis rašytinės lietuvių kalbos žodynas*. Prieiga: http://donelaitis.vdu.lt/publikacijos/Dazninis_zodynas.pdf. (2014 08 26).

NAKTINIENĖ, G. *ir kt.*, 2005. *Lietuvių kalbos žodynas*. Prieiga: www.lkz.lt. (2014 08 26).

KEINYS, S. *ir kt.*, 2006. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Prieiga: www.dlkz.lt. (2014 08 26).

Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas. Prieiga: <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>. (2014 08 26).

Laura Simonavičienė

Vytautus Magnus University

Faculty of Humanities

Department of the Lithuanian Language

Research interests: corpus linguistics, pragmatics, lexical semantics, standard usage of language, editing.

HOW GOOD IS GOOD, AND HOW BAD IS BAD?

Summary

One of the key functions of evaluation is determination whether an aspect is good or bad, positive or negative, approved or disapproved (Birrot 2008). Although Monika Bednarek (2006) argues that there is no single universal evaluative parameter enabling an author of a text to evaluate the world, Geoffrey Thompson and Susan Hunston (2000) are confident that the key evaluative parameter is *good* versus *bad*, or *positive* versus *negative*. This has raised the aim of this research to find out, whether or not such words as *good* and *bad* always refer to, respectively, positive or negative nature, and whether or not these words always express the author's position towards a certain event, person, situation or subject.

Since, according to Rūta Marcinkevičienė (2001), a meaning becomes apparent from the context, and there is no other method to identify the meaning but by employing a vast pool of examples of use, a decision has been made to analyse connotations of the words *good* and *bad* by applying the method of corpus linguistics.

The total of 8 879 cases of use of the adjective *good* and 1 703 cases of use of the adjective *bad* have been found in the publicist section of the Corpus of Contemporary Lithuanian Language (CCLL). Generalizing results are presented on the basis of the analysis of 400 examples of use of the words *good* and *bad* each, as the data have shown distinct repetition.

In order to find out which meanings of the oppositional adjectives *good* and *bad* prevail in actual language usage, and identify the ones that have evaluative nature, a decision has been made to classify the meanings under certain categories. The categories of meaning have first been formed based on descriptions of the selected adjectives as provided in the dictionaries of the Lithuanian language (*Dictionary of Modern Lithuanian* and *Dictionary of the Lithuanian Language*). Afterwards, categories of meanings that the adjectives *good* and *bad* are actually used in have been identified based on the available data and examples provided in the publicist section of the CCLL. Finally, the hypothesis proposing that the oppositional adjectives *good* and *bad* always refer to, respectively, positive or negative nature and always express an author's position has been rejected based on the analysis of the collected data and examples of use of these adjectives provided in the publicist section of the CCLL.

KEY WORDS: connotation, evaluation, word meaning, context.

Варвара Соседова, Дмитрий Новиков

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Пр. Вернадского, д. 76, 119454 Москва, Россия

Тел. +79161145397

E-mail: sosedovavarvara@gmail.com, dnnovikoff@mail.ru

Область научных интересов: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, семантика, переводоведение, межкультурная коммуникация

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ,
ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ, ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА
ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ФЕ STIFF UPPER LIP С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ)**

В статье рассматриваются некоторые особенности отражения специфики лингвокультурных концептов при переводе. В частности, в фокус внимания авторов попадают лингвокультурные концепты, вербализованные фразеологическими единицами (ФЕ). На примере одного из базовых концептов англо-саксонского менталитета — STIFF UPPER LIP — анализируются способы передачи его содержания средствами русского языка: проводится анализ уже существующих переводов данной ФЕ в русскоязычной литературе, а также рассматриваются примеры из Британского национального корпуса, и предлагается их наиболее адекватный с точки зрения авторов перевод. При этом, при сопоставлении функционально-когнитивной значимости фразеологических единиц, характерных для англо-саксонского менталитета, и их русских соответствий наблюдаются определенные различия между единицами текста-источника и их соответствиями в тексте перевода, однако в большинстве случаев при переводе сохраняется концептуальная организация исходной ФЕ. Рассматриваются также различные приемы передачи исследуемого концепта с учетом контекста: калькирование, описательный, лексический и контекстуальный перевод. Авторы приходят к выводу, что в определенных случаях наилучший прагматический эффект может быть достигнут как дословным переводом рассматриваемой единицы при частичной семантической потере исходного концепта и неестественности звучания перевода на русском

языке, так и другими средствами перевода, более удачно и полно передающими семантику концепта, но в то же время способными вызывать дополнительные коннотации, отсутствующие в тексте оригинала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, концепт, фразеологическая единица, *stiff upper lip*.

Как известно, трудности перевода фразеологических единиц проистекают, главным образом, из их яркости, образности, лаконичности и многозначности. При этом стремление передать не только смысл фразеологизма, но и его образность, не упустив при этом его стилистическую функцию с учетом особенностей контекста, превращает перевод фразеологических единиц в один из сложнейших когнитивных процессов переводческой деятельности, в рамках которого переводчиком решается задача адекватной передачи культурно-специфичного концепта, вербализуемого ФЕ исходного языка, такими средствами языка перевода, которыми было бы возможно достичь максимально сходного прагматического эффекта на языковую личность иной лингвокультуры.

Среди возможных переводческих приемов, направленных на достижение указанной цели, оказываются: калькирование, описательный, лексический и контекстуальный перевод, реализующие переводческие соотношения эквивалентности, приращения, и потери (Эльжуркаева 2013: 108). Рассмотрим реализацию этих приемов на примере передачи национально-специфичного концепта, вербализованного фразеологической единицей *stiff upper lip* (далее SUL).

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей исходного языка (ИЯ) и соответствующей единицей языка перевода (ПЯ) — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия. Эквиваленты, в зависимости от степени совпадения лежащих в их основе когнитивных образов с исходным концептом оригинала, могут быть полными (идти против течения — *to go against the stream* (буквально — «идти против течения»)) и частичными (*to laugh in one's sleeve* — смеяться в кулак (то есть, «смеяться украдкой, исподтишка»). (Эльжуркаева 2013, 106-109). Количество эквивалентов в русском и английском языках сравнительно невелико. Значительно чаще переводчику приходится использовать русскую ФЕ, аналогичную по смыслу английской, но основанной на ином образе. Следует, однако, быть внимательным в выборе ФЕ, отражающей национальные реалии, ибо при переводе национально

окрашенных ФЕ, важнейшей задачей переводчика становится «культурная адаптация таких микротекстов, позволяющая обеспечить «читаемость» в другой культуре через сохранение их эквивалентности как смысловой, так и «импрессивной», то есть эквивалентности впечатления (подсознательного воздействия), производимого на реципиента» (Телия 1996: 12).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению способов перевода концепта SUL, необходимо остановиться на словарном значении ФЕ SUL, а также на ее синонимах для установления наиболее существенных семантических признаков вербализуемого ею концепта с целью определения более адекватных способов его передачи при переводе.

Концепт SUL был выделен, наряду с UNDERSTATEMENT, PRIVACY, CLASS SYSTEM, CHALLENGE, в качестве одного из ключевых для английской культуры (Джиоева 2014: 89). ФЕ SUL, используемая как один из способов вербализации данного концепта, имеет следующие словарные толкования:

- Stiff Upper Lip – a quality of **remaining calm** and not letting other people see what you are really feeling in a difficult or unpleasant situations. (MED)
- Someone who has a stiff upper lip **does not show their feelings when they are upset**. (CIDE)
- Stiff upper lip – the ability to accept bad luck or unpleasant events **without appearing upset**. This is thought to be typical of British people, especially upper-class British people. (LDELС)
- Stiff upper lip – firmness, fortitude. (ODT)
- SUL - "плотно сжатые губы", ~ английский характер (символ выдержки и упорства, умения не пасовать перед трудностями). (ВЛС)
- A (the) stiff upper lip – выдержка, мужество, присутствие духа. (АРФС)

Суммируя приведенные дефиниции, можно говорить о том, что SUL – это типичная черта английского характера, отражающая способность скрывать эмоции в сложной ситуации, не пасовать перед трудностями. Это подтверждается и рядом синонимов SUL, раскрывающих характер исследуемого концепта: firmness, fortitude, courage, bravery, boldness, resoluteness, pluck, nerve, grit, guts, stoicism, strength, back-bone, will-power, self-possession, austerity, self-control, calmness, coolness, imperturbability, patience, fatalism, resignation, forbearance, sang-froid (ODT).

Если обратиться к переводным словарям, например к онлайн-словарю «Мультитран», можно отметить значительное количество вариантов лексического перевода данной ФЕ:

a stiff upper lip – мужество, выдержка, присутствие духа, выносливость, упорство, английский характер, твердость духа;

keep a stiff upper lip – сохранять/не терять мужество, сохранять/не терять присутствие духа, держаться молодцом, не вешать носа, не падать духом, проявлять твердость характера, быть зажатым, сдержанным/вести себя зажато, сдержанно.

Как видно из приведенных вариантов, полного эквивалента в русском языке не существует. В основном, дается лексический перевод, когда какое-либо понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — лексемой или набором отдельных лексем, например, «мужество», «упорство», «выносливость».

Среди всех перечисленных вариантов мы находим и несколько ФЕ – *не вешать носа и не падать духом, твердый духом*. Значение ФЕ *вешать (повесить) нос* – впадать в уныние. На наш взгляд, этот вариант перевода является наиболее уместным в побудительных предложениях: *Выше нос!* или *Не вешай нос*, однако соответствие фразеологических единиц далеко не полное (русская ФЕ подразумевает ситуацию, в которой нужно утешать человека, подбадривать его, тогда как английский вариант таких ограничений не имеет). Удачным переводом SUL в таком контексте может быть и русское *Держись!*

Падать духом – отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходить в уныние. Данная ФЕ схожа по характеристикам с выше описанной. *Твердый духом* – стойкий, неунывающий; данный перевод близок по значению к оригиналу.

Еще одной ФЕ, близкой по значению английской SUL, является выражение *стиснув зубы*. *Стиснув зубы* – (разг. экспресс.) подавить свои чувства, сдержаться, не показывая своей слабости. Однако представляется, что помимо стилистических ограничений, между данными ФЕ существуют более серьезные различия. Стиснуть зубы – значит уже выдать эмоцию (злость, боль), тогда как суть английской SUL заключается в том, чтобы чувства человека оставались известными лишь ему самому.

Приведем еще одну ФЕ, частично совпадающую по значению с SUL: *«сохранить лицо* – не терять собственного достоинства, сберечь свою репутацию. Имеется в виду, что лицу, группе лиц, социальной организации, несмотря на неприятности, грозящие утратой уважения в глазах окружающих, удастся отстоять свой общественный авторитет, социальный статус и т.п.

Говорится с одобрением. Речевой стандарт. Обычно в роли сказуемого. Порядок слов-компонентов фиксированный» (БФСРЯ). В русском варианте делается акцент на уважение и общественный авторитет, статус, тогда как английский вариант является более ориентированным на внутренний мир человека, а не внешнюю реакцию общества.

Таким образом, у нас имеется достаточное количество вариантов, из которых мы можем выбирать в конкретном случае. Ниже мы приведем примеры перевода изучаемой ФЕ и сравним, насколько упомянутые выше варианты перевода частотны в уже существующих текстах и универсальны в других случаях.

В. Овчинников использует перевод «жесткая верхняя губа». «Когда англичане говорят о «жесткой верхней губе», за этим, стало быть, стоят два понятия: во-первых, способность владеть собой - культ самоконтроля, и во-вторых, умение подобающим образом реагировать на жизненные ситуации - культ предписанного поведения», - отмечает он (Овчинников 2005: 377). В данном примере автор делает кальку с английского языка «жесткая верхняя губа», позже подробно разъясняя, что имеется в виду. Несмотря на универсальность движения мимических мышц во время переживания различных эмоций, не носителю английского языка сложно понять, что стоит за данным выражением. Комбинация калькирования и дальнейшей расшифровки образа представляют собой удачную комбинацию для передачи значения ФЕ с сохранением образа оригинала.

«Поджатием верхней губы» называет *stiff upper lip* автор русского перевода книги Р.Д. Льюиса «Деловые культуры в международном бизнесе», характеризуя таким «поджатием» реакцию англичан на разные огорчительные ситуации (Льюис 1999: 245). Отмечая, однако, что к XXI веку все меньше британцев отвечает этому стереотипу, Р. Льюис подчеркивает, что «презрительно поджатая верхняя губа уже не показатель для современных британцев» (там же: 247). В данном случае переводчик заменяет состояния действием, что, на наш взгляд, искажает исходное значение ФЕ, весь смысл которой заключается как раз в том, что состояние верхней губы не должно меняться, она остается неподвижной, как будто ничего не происходит. Более того, поджатие верхней губы означает скорее неодобрение, (ср. поджать губы — мимическое движение как выражение обиды, нежелания продолжать разговор), т.е. выражает конкретную эмоцию, чего не должно случаться в соответствии с характером рассматриваемого концепта.

В. В. Ощенко переводит сочетание «*They keep a stiff upper lip*» следующим образом: «Они не принимают трагического выражения лица, с опущенными вниз уголками рта, не ноют»

(Ощенкова 2004: 294). В этом примере переводчик предлагает описательный перевод, стараясь при этом сохранить исходный образ, заменяя английскую «губу» на русское «рот», при этом автор не переводит непосредственно выражение *keep a stiff upper lip*, а отталкивается от антонимического описания выражения лица, говоря о том, чего англичане не делают. На наш взгляд, более уместным было бы указание на каменное или непроницаемое лицо, что, очевидно, является более понятным для русского читателя.

Как вариант перевода «неподвижная верхняя губа» предлагает переводчик известной книги Э. Майола и Д. Милстеда «Эти странные англичане» («*Xenophobe's Guide to the English*»): «Настоящий англичанин должен всегда держать голову прямо и гордо, ни в коем случае не шевелить верхней губой (и тем более, ему нельзя допускать заметного ее дрожания, выдающего эмоции!) и стоять, выставив вперед правую ногу и изображая всей своей позой решительность. Правда, беседовать в такой позе несколько неудобно, а уж интимные интонации и вовсе исключаются. Однако и намертво застывшая верхняя губа, и решительная собранность движений свидетельствуют, по мнению англичан, о том, что является отличительным признаком нации: абсолютном владении собой» (Майол, Милстед, 2001: 23). В приведенном примере использование кальки и антонимичного перевода в первом случае вполне уместно, поскольку приводится описание физиологических характеристик, также оно уместно и во втором случае, поскольку контекст помогает читателю понять, что имеется в виду, и наглядность образа более чем необходима.

Фильм “*Stiff Upper Lips*” в русскоязычном прокате представлен как «Застывшие верхние губы» или «Стиснув губы», или «Упрямая верхняя губа». В данном случае, ни один из предложенных вариантов калькирования не является удачным, поскольку не только не отражает содержание фильма, но и запутывает русского зрителя. Происходит это по ряду причин. Во-первых, слово «застывший» в русском языке имеет заметную составляющую «замерзший, оцепенелый», что не совсем соответствует английскому *stiff* – твердый, крепкий, сильный, чопорный. Во-вторых, в русском языке закреплено выражение «стиснув зубы» и подмена слова режет слух, более того создается образ обиженного или разозленного человека, что не соответствует оригиналу. Что касается третьего варианта перевода, то в русской картине мира не существует устоявшегося образа «упрямой верхней губы» и соответствующего ему смыслового наполнения, сложно даже представить себе эту упрямую, капризную, несговорчивую верхнюю губу, если не воображать рядом знаменитый Нос Н.В. Гоголя. Какой

же вариант перевода следовало предложить в данном случае? Наиболее уместным, на наш взгляд, стал бы контекстный перевод, например, «Держи себя в руках» или «Возьми себя в руки», что понятно русскоязычному зрителю и более точно соответствует сюжету фильма.

Роман известного английского писателя П.Г. Вудхауса «Stiff Upper Lip, Jeeves» в русских переводах звучит как «Не унывай, Дживс!» или «Держи удар, Дживс!», что вполне передает содержание книги и является удачным примером контекстуального перевода.

Как видно из проанализированных примеров, в каждом случае авторы приводят собственные варианты перевода, не отмеченные в приведенном выше списке, руководствуясь определенным контекстом и задачами.

Ниже мы приведем примеры перевода концепта SUL различными способами и постараемся объяснить уместность того или иного варианта (примеры взяты из Британского национального корпуса).

а) Калькирование дает возможность донести до русского читателя живой образ английского фразеологизма, что невозможно при использовании свободного необразного словосочетания, являющегося русским объяснением значения английского фразеологизма.

Much British cinema does lack emotional punch, and many screen Englishmen conceal their feelings so effectively beneath a stiff upper lip that it's fair to ask whether they're really human at all.
Британскому кинематографу в большинстве своем явно не хватает эмоций, а многие англичане на экране так умело скрывают свои чувства за неподвижной верхней губой, что хочется спросить, есть ли в них хоть что-то человеческое.

В данном примере дается дословный перевод выражения SUL, поскольку в английском варианте происходит наложение значения ФЕ на прямое значение словосочетания a stiff upper lip, кроме того в предложении дано объяснение ФЕ - *умело скрывать чувства*, что позволяет и передать исходный образ на русский язык, и смысл всего предложения.

Аналогичный пример:

And yet so many people are pleased with the way they manage to hide their emotions — to maintain that ‘stiff upper lip’ of which men in particular seem to be so proud.

И все же многим нравится то, как им [англичанам] удаётся скрывать свои эмоции - "держат верхнюю губу неподвижной", чем особенно, кажется, гордятся мужчины.

б) Наиболее распространенный способ перевода — описательный; он заключается в том, что значение ФЕ передается посредством свободных словосочетаний, в совокупности позволяющих максимально передать исходный концептуальный образ:

*Victorians, who had yet to discover **the stiff upper lip** and the view that religion had always to be a serious matter, were passionate people who expressed their feelings freely and often loudly.*

В Викторианскую эпоху люди не отличались сдержанностью, они открыто и часто шумно выражали свои чувства; им только предстояло узнать, что такое настоящая выдержка и твердость духа, и принять тот факт, что к религии всегда необходимо относиться со всей серьезностью.

*'All those cosy pictures of the family around the fire, **all that stiff upper lip** during the war — and now she is determined not to see all her work go down the drain.'*

Все эти уютные семейные фотокарточки вокруг камина, все то, что отражает исключительно английский характер во время войны - теперь она ни за что не даст результатам своего труда пропасть впустую.

В следующем примере показано сочетание калькирования и описательного перевода:

*In his therapeutic work, he found that mental and emotional problems were often reflected in a patient's physical appearance, and began to think that emotions were 'locked into' the body by muscular tensions, a good example **being the 'stiff upper lip'** and the way that anger can be suppressed by a clenched jaw. За время своей терапевтической практики он обнаружил, что психические и эмоциональные проблемы часто отражаются на внешности пациента, что привело его к мысли о том, что эмоции "заперты в теле" напряжением мышц, что отчетливо выражается, например, в неподвижности верхней губы, как способности сохранять твердость духа, и в том, как не давать воли гневу может напряженный подбородок.*

В данном контексте описание физической характеристики необходимо сопроводить пояснением, поскольку дословного перевода ФЕ недостаточно для передачи смысла предложения, ведь в английском тексте идет очевидная отсылка к национальной черте английского характера, а не только наблюдение за физическими реакциями организма.

в) Лексический перевод. Этот прием применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — лексемой или набором отдельных лексем.

The socialization process trains us to 'have a stiff upper lip' and not express our feelings in an open, straightforward way. В процессе социализации мы учимся стойкости, умению скрывать чувства, а не выражать их прямо и открыто.

г) Контекстуальный перевод заключается в том, что переводчик стремится найти такую русскую ФЕ, которая хотя и не соответствует по значению английскому фразеологизму, взятому отдельно, но с достаточной точностью передает содержание вербализованного ею концепта в данном конкретном контексте. Например:

'Stiff upper lip, old boy,' said Sir Pangloss Broadbum, reinforcing his seasoned nerves with a gulp of scotch and soda. Возьми себя в руки, старина! (Или даже «Соберись, тряпка!», если позволяет общая стилистика текста.)

Таким образом, в определенных контекстах наилучший прагматический эффект может быть достигнут как дословным переводом рассматриваемой единицы при определенной семантической потере исходного концепта и неестественности звучания перевода на русском языке, так и другими средствами перевода, более удачно и полно передающими семантику концепта, но в то же время способными привносить дополнительные коннотации, отсутствующие в тексте оригинала. Можно сделать вывод, что хотя при сопоставительном анализе функционально-когнитивной значимости подобных фразеологических единиц характерных для англосаксонского менталитета и их русских соответствий между ними наблюдаются некоторые различия, в большинстве случаев при переводе концептуальную организацию фразеологической единицы, как правило, можно и уместно сохранить.

Литература

British National Corpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/> [См: 17.05.2014].

ДЖИОЕВА, А. А., 2014. *Англосаксонского менталитет сквозь призму английского языка*. Москва : Издательство Московского университета.

ЛЬЮИС, Р. Д., 1999. *Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию*. Москва : «Дело».

МАЙОЛ, Э., МИЛСТЕД, Д., 2001. *Эти странные англичане*. Москва: Эгмонт Россия ЛТД.

ОВЧИННИКОВ, В., 2005. *Сакура и дуб*. Москва: Дрофа.

ОЩЕНКОВА, В. В., 2004. *Язык и культура*. Москва: Глосса-Пресс.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры.

ЭЛЬЖУРКАЕВА, М.Я., 2013. Проблемы перевода фразеологических единиц. *Филологические науки в России и за рубежом : материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.)*. Санкт-Петербург: Реноме, 106-109. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/106/4460/> [См. 02.03.2015].

Лексикографические источники

MED – Macmillan English Dictionary. Macmillan Publishers Limited 2009–2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/>. [См. 02.03.2015].

CIDE – *Cambridge International Dictionary of English* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/>. [См. 02.03.2015].

LDELС – *Longman Dictionary of English Language and Culture*. 3rd edition. Pearson ESL, 2000.

ODT – *Oxford Dictionary and Thesaurus* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/thesaurus/>. [См. 02.03.2015].

ВЛС — Рум, А. Р. У. *Великобритания: Лингвострановедческий словарь*. Около 10 000 словарных статей. Москва: Русский язык, 2000.

АРФС — *Англо-русский фразеологический словарь* [Ок. 5000 единиц / составитель А. В. Кунин]. Москва: Русский язык. 2007.

БФСРЯ — *Большой фразеологический словарь русского языка* [авт.-сост.: И.С. Брилёва и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС. 2006.

Varvara Sosedova, Dmitry Novikov

Moscow State Institute of International Relations MGIMO, Moscow, Russia

Research interests: linguocultural studies, cognitive linguistics, semantics, translation studies, cross-cultural communication.

LINGUOCULTURAL CONCEPTS EXPRESSED BY PHRASEOLOGICAL UNITS:
TRANSLATION ASPECTS (AS EXEMPLIFIED BY THE TRANSLATION OF STIFF UPPER LIP)

Summary

The paper deals with the issue of communicating linguocultural concepts while translating from English into Russian; specifically, the concept STIFF UPPER LIP expressed by the respective idiom is in the focus of this research. The authors give a critical review of translations taken from Russian sources, assessing their appropriateness, and provide their own translations for examples from the British National Corpus, based on the conceptual characteristics of the phraseological unit under analysis.

While analysing the functional and cognitive value of phraseological units typical of Anglo-Saxon mentality and their Russian equivalents certain differences can be found between the idioms taken from the source text and those of the target text, the conceptual structure of the phraseological unit in the translation being retained in most cases. The article discusses different ways of communicating the concept under study, taking context into consideration: loan translation, descriptive, lexical and contextual translation. The authors come to the conclusion that in some contexts the best pragmatic effect can be achieved both through loan translation with some semantic loss of the concept under study and a certain degree of awkwardness of the corresponding phrase in the Russian language, and through other means of translation that convey the semantic aspect of the concept in a fuller and more precise way but lose the original structure of the phraseological unit, which may give rise to additional connotations not to be found in the source.

KEY WORDS: concept, translation, phraseological unit, stiff upper lip.

Varvara Sosedova, Dimitrijus Novikovas

Maskvos valstybinis tarptautinių santykių institutas, Rusija

Moksliniai interesai: kultūrinė lingvistika, kognityvinė lingvistika, semantika, vertimas, tarpkultūrinė komunikacija

LINGVOKULTŪRINIŲ KONCEPTŲ YPATYBĖS IDIOMŲ VERTIME (PAVYZDŽIUI, VERČIANT ANGLIŠKĄ IDIOMĄ STIFF UPPER LIP Į RUSŲ KALBĄ)

Santrauka

Straipsnyje analizuojamos kai kurios lingvokultūrinių konceptų vertimo ypatybės, būtent idiomų, kuriose naudojami tokie konceptai, vertimas. Analizuojamas vieno iš bazinių anglo-saksų mentaliteto konceptų — STIFF UPPER LIP – vertimas į rusų kalbą: aptariami šio koncepto vertimai literatūroje rusų kalba, pavyzdžiai iš Britanijos nacionalinio tekstyno, pateikiamas straipsnio autorių siūlomas vertimas. Palyginus funkcinės – kognityvinės idiomų reikšmes, pastebima, kad egzistuoja tam tikri mentaliteto skirtumai, atsispindintys lyginamojoje teksto anglų kalba ir vertimo į rusų kalbą analizėje, tačiau daugumoje atvejų vertime išsaugoma konceptualioji idiomos struktūra. Straipsnyje taip pat apžvelgiami įvairūs koncepto perdamos būdai: kopijavimas, aprašymas, leksinis ir kontekstualusis vertimas. Autoriai daro išvadą, kad kai kuriais atvejais geriausias pragmatinis poveikis pasiekiamas pasirenkant pažodinį vertimą, dėl kurio iš dalies nukenčia koncepto semantinė struktūra bei pats tekstas rusų kalba; arba kitus vertimo būdus, kurie išsaugo koncepto semantinę struktūrą, tačiau suteikia konceptui papildomų reikšmių, kurių nėra originaliajame tekste.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: vertimas, konceptas, frazeologinis vienetas, stiff upper lip.

Ichiro Taida

I-Shou University, Taiwan,

Department of Applied Japanese,

No.1, Sec. 1, Syuecheng Rd., Dashu District, Kaohsiung City 84001, Taiwan, R.O.C.

Tel : 886-7-6577711

E-mail: taida@isu.edu.tw

Research interests: Classics, Classical Receptions

A CHRONOLOGICAL STUDY OF THE EDITIONS OF THE *HOMERIC HYMNS*

The purpose of the paper is to trace the historical development of the editions of the Homeric Hymns, the thirty-three ancient Greek hymns by different anonymous poets, most of which are thought to be composed between the 7th to 6th centuries BCE. Since Demetrius Chalcondyles published the first printed book of the hymns in 1488 in Florence, different editors have produced more than thirty editions. The hymns had been published with other Homeric epics (i.e., the Iliad and the Odyssey), but since around 1800, editions that only include the Homeric Hymns have been released. Recent years have seen a renewed interest in the hymns, and several editions dedicated to only one hymn and accompanied by a full commentary have been created.

KEYWORDS: Homeric Hymns, Homer, ancient Greek, epic, editions, books

The collection of the thirty-three *Homeric Hymns* is one of the most famous ancient Greek epic meter collections, and recent years have seen a renewal of interest in these texts. In 2003, Martin L. West created a new edition in the Loeb Classical Library Series. Moreover, an edition of the *Homeric Hymn to Aphrodite* was produced by Andrew Faulkner in 2008, and by S. Douglas Olson in 2012. Athanassios Vergados published the *Homeric Hymn to Hermes* in 2012 and Nicholas Richardson released the text of and a commentary on three hymns (Apollo, Hermes and Aphrodite) in 2010.

Such distinguished editions, of course, are not easy to produce. Since Demetrius Chalcondyles created the first printed book of the hymns in 1488 in Florence, different editors have produced more than thirty different editions³⁴, which have evolved in the succeeding years. It is very useful for scholars to

---

34 For the list of the editions of the *Homeric Hymns*, see Càssola 1975: 616-21.

reflect on how publication of the hymns has developed over the last five centuries. Several studies have been carried out into the history of the editions. Thomas W. Allen and Edward E. Sikes³⁵ in particular explained the feature of each edition from Chalcondyles to the end of the nineteenth century. Although their study is detailed and comprehensive, there is still room for further investigation of this important subject. The text of each hymn has been changed and improved by technical developments in editing text and the continual efforts of editors. In addition, the structure and form of each edition has been modified and improved. It is revealing to see the change of editions chronologically.

First of all, the *Homeric Hymns* were composed by various authors in various places. The majority are most probably products of the archaic period (7th to 6th centuries BCE).³⁶ Then the hymns had been gathered together before the fifth century BCE.³⁷ They were transmitted by scribes in the Greek-speaking world.³⁸ As the Renaissance flourished in Italy in the fifteenth century AD, classical studies became very active in Florence, supported by the ruling Medicis. As a result, many Greek manuscripts were transported to Florence. Foremost among the discoverers of Greek manuscripts was Giovanni Aurispa. In 1422–3 he was in Constantinople, where he gathered a vast number of manuscripts from various parts of the Greek world. He brought manuscripts from the East to Italy, with Florence as his destination. In this city, there were many famous copyists and collectors of Greek manuscripts; their combined collections were kept in the Medici's library.³⁹ Therefore, Florence was one of the best locations for manuscripts of classical literature.

In 1439, the Council of Florence was held, drawing scholars from both the East and the West. Basilios Bessarion was one such Greek scholar who attended the meeting, and he chose to stay in Italy permanently. He translated Greek works into Latin, and was conspicuous as the great patron of the many learned Greeks who flocked to Italy, both before and after the fall of Constantinople.⁴⁰ Among them was Chalcondyles, who moved to Italy in 1447 and worked as a lecturer of Greek at Padua (1463–71) and at Florence (1471–91).⁴¹ He produced the first printed book of Homer's *Iliad* and *Odyssey* and included the *Homeric Hymns*, at Florence in 1488.⁴² This edition resembles a medieval manuscript

---

35 Allen & Sikes 1904: lxxiv-lxxviii. Their article about the editions of the hymns was reprinted in Allen, Halliday & Sikes 1936: cx-cxv.

36 Faulkner 2011.

37 West 2003: 20. For the *Homeric Hymns* in ancient times, see Faulkner 2012b.

38 For the transmission of the hymns, see West 2003: 20–22; Richardson 2010: 32–3.

39 For more detailed explanations about Aurispa, see Sandys 1908: 36–7.

40 For more detailed explanations about Bessarion, see Sandys 1908: 61.

41 Sandys 1908: 64.

42 Chalcondyles was the editor of the *Editio Princeps*. This book was printed by Bernardus Nerlius and Nerius Nerlius, using Greek font produced by Demetrius Damilas. Cf. Olson 2012: 51.

because the word divisions are unclear, and it does not have line numbers or an *apparatus criticus*. The style of the letters is also similar to that of the manuscripts, and the text includes many ligatures used by medieval scribes. The following illustrations show special letters from the *Editio Princeps*:

πιστόν (Note the ligature of στ)

περικαλλία (Note the ligature of ερ)

ἔπειτα (Note the ligature of ει)

θυμῶ (Note the ῶ without ι)

Chalcondyles must have used one of the extant manuscript, which is named as D, or a manuscript very similar to it.⁴³ He said his text of the hymns was not perfect because of damage to the manuscripts that he had available to him.⁴⁴

Chalcondyles created the *Editio Princeps* just 33 years after Johann Gutenberg published the first printed Bible in 1455. Gutenberg's technological advance reached Italy from German-speaking areas by 1467.⁴⁵ By the year 1500 about 5,000 books had been produced in Italy, of which about 300 came from Florence: by contrast, Venice boasted 2,835 of them.⁴⁶ We must focus on Aldus Manutius, a publisher of classical Greek literature in Venice. He started the Aldine Press in 1494 and issued many editions of classics. In 1500 he established the New Academy of Hellenists, the purpose of which was to promote the study of Greek and the systematic publication of the Greek classics. He produced no less than 27 *editiones princepes* of Greek classics, encompassing all the principal Greek classics.⁴⁷ The

43 Allen & Sikes: xxxiii, Allen, Halliday & Sikes: xlv. Besides D, Chalcondyles may have used manuscripts from the x and p families. Cf. Faulkner 2008: 55.

44Legrand 1885: 14.

45Sandys 1908: 97.

46 Sandys 1908: 97.

47 For more detailed explanations about Aldus Manutius, see Sandys 1908: 98–100.

Homeric Hymns were published in Homeric editions from the Aldine Press several times.⁴⁸ The textual content of the Aldine edition is almost the same as the *Editio Princeps* of Chalcondyles,⁴⁹ but the styles are notably different from each other. In the Aldine edition, each word was printed clearly dividedly and the font used in the Greek text is more modernized compared to Chalcondyles' *Editio Princeps*. Then, Henricus Stephanus, who ruined himself over the publication of his *Thesaurus Graecae Linguae* (1572) and his *Plato* (1578),⁵⁰ published his Homeric edition, including the hymns, in 1566. It is well known that he divided Plato's works into numbers and sections (a, b, c, d and e).⁵¹ Similarly, he was the first to add line numbers and a Latin translation to his edition of the *Homeric Hymns*.

We must now focus on the edition of Joshua Barnes, of the University of Cambridge, which was published in 1711. Although his Homeric scholarship, which included the *Homeric Hymns*, has become infamous for its imperfections,⁵² it was still very useful and influential.⁵³ As John Edwin Sandys points out,⁵⁴ it has been recognized as a work of greater utility than any of its predecessors, and ninety years elapsed before any clearly superior edition appeared. Barnes' edition includes *Notae* and *Variae lectiones* at the bottom of each page, which resemble a modern *apparatus criticus*. He wrote comments on the text in the *Notae* and gathered the conjectures of other editors and the variants in manuscripts in the *Variae Lectiones*. Barnes was at the forefront of modern editors who strive to corroborate and explain words and contents in the *Homeric Hymns* by citing parallel Homeric examples.

Friedrich August Wolf released two editions of the *Homeric Hymns*, in 1784 and 1807, each as part of a fuller Homeric edition. Around 1800, the hymns were also edited by other editors: Carl David Ilgen (1796), August Matthiae (1805) and Gottfried Hermann (1806). In the three editors' editions, the *Homeric Hymns* were edited for the first time without the Homeric epics and include a lengthy commentary written in Latin. Also, there is great progress in editing the text. Editors started to refer to multiple manuscripts and collate them to establish their own texts. The modern and scientific study of the *Homeric Hymns* is said to have begun with David Ruhnken, who published the readings of two medieval manuscripts (A and C) in 1749.⁵⁵

---

48 According to Càssola 1975: 617, the Aldine edition of the *Homeric Hymns* was published in 1504, 1517, 1521, 1524, 1528, etc.

49 Allen & Sikes: lxxiv, Allen, Halliday & Sikes 1936: cx.

50 Sandys 1908: 175.

51 Sandys 1908: 176.

52 Sandys 1908: 357, Allen & Sikes 1904: lxxvi, Allen, Halliday & Sikes 1936: cxii.

53 Wilamowitz-Mollendorff 1982: 78-9 also evaluated Barnes' edition: "his Homer contained material which was useful in its day. All this work has one feature in common: a trend towards Greek, which not for the first time put new life into scholarship."

54 Sandys 1908: 357.

55 Allen & Sikes 1904: lxxvii, Allen, Halliday & Sikes 1936: cxiii.

Moreover, we may say that the period is a transition period of many important developments concerning the *Homeric Hymns* and epic poetry in general.⁵⁶ The medieval manuscript M, which alone preserves the *Homeric Hymn to Demeter* and the fragment of the *Hymn to Dionysus*, was discovered in 1777 by Christian Frederick Matthaei. Originally, it had been in the Imperial Archive in Moscow, and Matthaei claimed that he had found it in a farmhouse where for years it had been lying among pigs and chickens.⁵⁷ Ruhnken produced the edition of the *Homeric Hymn to Demeter* in 1780 based on the M. Furthermore, Jean-Baptiste Gaspard d'Ansse de Villosion discovered the primary manuscript of the *Iliad*, Venetus A, and published the scholia written in the margins of the manuscript in 1788. The scholia include the information from the textual criticism of the Homeric epics by Aristarchus, the great Homeric scholar of the Alexandrian period. His knowledge of grammar and accent has made a great impact on the editing of the epic texts. For example, Wolf was able to re-edit the *Homeric Hymns* in 1807 using the Alexandrian information in the scholia, but he did not have access to it for the 1784 edition.⁵⁸ Therefore, there are many differences between the two editions, especially the movable *v*, accent and orthography.⁵⁹ Thus, the period around 1800 is very important for the *Homeric Hymns*.⁶⁰

About a half-century after the boom, August Baumeister edited the *Homeric Hymns* in 1860. He used approximately seven manuscripts,⁶¹ and the *apparatus criticus* is almost identical to modern editions. In 1886 Albert Gemoll and Eugenius Abel both released editions. Gemoll's German commentary marked the first time that a commentary was not in Latin but a modern language. Abel inserted the digamma (F)⁶² into the text, following the custom of previous Homeric editions. For example, compare Abel's lines 21 and 23 of the *Homeric Hymn to Aphrodite* with those of Faulkner's text (2008):

21 οὐδὲ μὲν αἰδοίη κούρη Φάδε Φέργ' Ἀφροδίτης, Abel

56 Wolf as a person was in a transition period. See Hermann 1990: 523; "In his scholarly work and in his pedagogical influence alike, Wolf embodied the transition from the aesthetic estimation of antiquity (the so-called neo-Humanism) to historical science (the so-called Positivism). He was likewise a symbol of the transition from the men of universal minds (Winckelmann, Lessing, Herder, Goethe) to the pure philologists (Boeckh, Bekker, Hermann, K. O. Müller, Lachmann). He himself was both; he expanded the frontiers of *Altertumswissenschaft*."

57 Reynolds & Wilson 1991: 198.

58 Wolf's *Prolegomena ad Homerum* (1795) was based on those scholia. For more information about Venetus A and *Prolegomena ad Homerum*, see Pfeiffer 1976: 174.

59 For more details about these differences, see Taida 2012.

60 I already argue the history of the editions around 1800 in my article (Taida 2012: 183).

61 Cassola 1975: 620.

62 For the digamma, see Finkelberg 2011: 205: "Digamma is a letter of the Greek alphabet representing the sound *w* [...] . This sound was lost at an early date in many Greek dialects, including Attic and Ionic, and so the letter does not appear in the alphabets of these areas [...]. Though the letter digamma never occurs in our manuscripts, and was perhaps never pronounced as such by poets in Homer's time, it is clearly an essential part of the epic language. It is required by the prosody of countless Homeric verses, as discovered by Richard Bentley in the 18th century."

οὐδὲ μὲν αἰδοίη κούρη ἄδεν ἔργ' Ἀφροδίτης, Faulkner

23 αὔτις δ' ὄπλοτάτην, βουλή Διὸς αἰγιόχοιο, Abel αὔτις δ' ὄπλοτάτην, βουλή Διὸς αἰγιόχοιο, Faulkner

As David Binning Monro points out, the first systematic attempt to restore the digamma was made by Christian Gottlob Heyne in his edition of the *Iliad* (1802), and the first text with the restored digamma was published by Richard Payne Knight.⁶³ Subsequently, some editors adopted such text with the restored digamma. Jan van Leeuwen in particular created many editions of the *Iliad* and the *Odyssey* around 1900 with the text that included the digamma. As regards the *Homeric Hymns*, Abel is the only editor to print the text with digamma.

Most of the editions of the hymns which I have cited so far were published in Germany. However, in 1893 Alfred Goodwin released an edition of the *Hymns* at Oxford. This edition is very important, as it changed the order of the hymns. Before Goodwin, the *Homeric Hymn to Apollo* was sometimes divided into two (*Hymn to Delian Apollo* and *Hymn to Pythian Apollo*), and it was always placed first among the hymns. The *Hymn to Demeter* was placed in the fourth or fifth position, i.e. at the end of the longer hymns. Thus the order was as follows: 1 *Hymn to Apollo*, 2 *Hymn to Hermes*, 3 *Hymn to Aphrodite* and 4 *Hymn to Demeter* or 1 *Hymn to Delian Apollo*, 2 *Hymn to Pythian Apollo*, 3 *Hymn to Hermes*, 4 *Hymn to Aphrodite* and 5 *Hymn to Demeter*. However, Goodwin placed the fragment of the *Hymn to Dionysus* first and then, just after *Dionysus*, placed the *Hymn to Demeter* before the compound *Hymn to Apollo*. Thus the order was 1 *Hymn to Dionysus*, 2 *Hymn to Demeter*, 3 *Hymn to Apollo*, 4 *Hymn to Hermes* and 5 *Hymn to Aphrodite*. Goodwin followed the order proposed by manuscript M. In the last two decades of the nineteenth century, the manuscripts were investigated by many scholars⁶⁴, and it was evident that manuscript M was the most trustworthy and oldest manuscript. Goodwin's order has been esteemed by subsequent editors, and it has become an established order.

In the early twentieth century, Allen and Sikes created an edition with a full commentary written in English in 1904, and they show the relationship among extant manuscripts using a stemma (a tree diagram). Allen and Sikes revised their edition with William R. Halliday and the second edition was published in 1936. In the same year Hugh G. Evelyn-White published the third edition of the *Homeric Hymns* in the Loeb Classical Library series and Jean Humbert released a French edition in the following year.

⁶³ Monro 1891: 363.

⁶⁴ E.g. Gemoll 1885, Hollander 1886, Hollander 1891, Bethe 1893, Allen 1895.

In 1975 Filippo Càssola published an edition which included a preface, translation and commentary written in Italian. Since his research on the manuscripts is really trustworthy, recent editors, including Faulkner, Richardson and Vergados, also relied on it when they established their editions. It must be noted that, although the relationship of some less important manuscripts has been neglected by former scholars, Càssola investigated the relationship among them, and his stemma shows the detailed relationship of all the extant manuscripts.

In 1974, Richardson edited the *Homeric Hymn to Demeter* on its own, the first time a full commentary for only one hymn was published. As we have seen at the beginning of this paper, in 2008 one of Richardson's students, Faulkner created a new edition of the *Homeric Hymn to Aphrodite*. Finally, in 2012, Vergados produced an edition of the *Homeric Hymn to Hermes* and Olson one of the *Hymn to Aphrodite*.⁶⁵ These recent efforts suggest that we will see more editions dedicated to only one hymn in the years to come.

Bibliography

- ABEL, E. 1886. *Homeri hymni, epigrammata, Batrachomyomachia*. Leipzig.
- ALLEN, T. W. 1895. "The Text of the Homeric Hymns: I & II," *JHS*, vol. 15, pp. 136–83, 251–313.
- ALLEN, T. W., and Sikes, E. E. 1904. *The Homeric Hymns*. London.
- ALLEN, T. W., Halliday W. R., and Sikes, E. E. 1936. *The Homeric Hymns*. 2nd ed. Oxford.
- BARNES, J. 1711. *Homeric Ilias, Odyssea, etc.* Cambridge.
- BAUMEISTER, A. 1860. *Hymni Homerici*. Leipzig.
- BETHE, E. 1893. "Zur Ueberlieferung der Homerischen Hymnen," *Hermes*, vol. 28, 522–35.
- CÀSSOLA, F. 1975. *Inni omerici*. Milan.
- CHALCONDYLES, D. 1488. *ἡ τοῦ Ὀμήρου ποιήσις ἅπασα* (*The Editio Princeps*), Florence.
- EVELYN-WHITE, H.G. 1936. *Hesiod, Homeric Hymns, Epic Cycle, Homerica*. 3rd. ed. Cambridge / Massachusetts / London.
- FAULKNER, A. 2008. *The Homeric Hymn to Aphrodite: Introduction, Text, and Commentary*. Oxford.

⁶⁵ For the editions which were published in twenty first century, see Faulkner 2012a: 23.

- , 2011. “Homeric Hymns,” in the HP of *Oxford Bibliographies* (<http://www.oxfordbibliographies.com/>).
- , 2012a. “Introduction. Modern Scholarship on the *Homeric Hymns*: Foundational Issues,” in *The Homeric Hymns: Interpretative Essays*, edited by A. Faulkner. Oxford, pp. 1-25.
- , 2012b. “The Collection of *Homeric Hymns*: From the Seventh to the Third Centuries BC,” in *The Homeric Hymns: Interpretative Essays*, edited by A. Faulkner. Oxford, pp. 175-205.
- FINKELBERG, M. (ed.) 2011. *The Homer Encyclopedia*, vol. 1. West Sussex.
- GEMOLL, A. 1885. *Homerische Blätter*. Striegau.
- , 1886. *Die homerischen Hymnen*. Leipzig.
- GOODWIN, A. 1893. *Hymni Homerici*. Oxford.
- HERMANN F. 1990. “F. A. Wolf,” in *Classical Scholarship: A Bibliographical Encyclopedia*, edited by W. W. Briggs and W. M. Calder. New York, pp. 523-8.
- HERMANN, G. 1806. *Homeri Hymni et Epigrammata*. Leipzig.
- HOLLANDER, H. 1886. *Die Handschriftliche Überlieferung der Homerischen Hymnen*. Osnabrück.
- , 1891. “Zur Überlieferung der Homerischen Hymnen,” *Hermes*, vol. 26, 170-77.
- HUMBERT, J. 1937. *Homère: Hymnes*. Paris.
- ILGEN, D. 1796. *Hymni Homerici cum reliquis carminibus minoribus*. Halle.
- LEGRAND, É. 1885. *Bibliographie hellénique : ou, Description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles*. Paris.
- MATTHIAE, A. 1805. *Homeri Hymni et Batrachomyomachia*. Leipzig.
- MONRO, D. B. 1891. *Homeric Grammar*. 2nd. ed. Oxford.
- OLSON, S. D. 2012. *The Homeric Hymn to Aphrodite and Related Texts: Text, Translation and Commentary*. Berlin / Boston.
- PFEIFFER, R. 1976. *History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850*. Oxford.
- REYNOLDS, L. D., and Wilson, N. G. 1991. *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. 3rd ed. Oxford.
- RICHARDSON, N. 1974. *The Homeric Hymn to Demeter*. Oxford.
- , 2010. *Three Homeric Hymns: To Apollo, Hermes, and Aphrodite*. Cambridge.
- SANDYS, J. E. 1908. *A History of Classical Scholarship*. Vol. 2. Cambridge.
- STEPHANUS, H. 1566. *Poetae Graeci principes heroici carminis*. Geneve.

- TAIDA, I. 2012. "Editorial Guidelines of F.A. WOLF's *Homeric Hymns*," *Symbolae Osloenses*, vol. 86, pp. 182-199.
- VERGADOS, A. 2012. *The Homeric Hymn to Hermes: Introduction, Text and Commentary*. Berlin /Boston.
- WEST, M. L. 2003. *Homeric Hymns, Homeric Apocrypha, Lives of Homer*. Cambridge/Massachusetts /London.
- WOLF, F.A. 1784. *Homeri Odyssea cum Batrachomyomachia, hymnis, ceterisque poematibus*. Halle.
- , 180. *Homeri et Homeridarum opera et reliquiae*. Vol.4. Leipzig
- WILAMOWITZ-MOELLENDORFF, U. von. 1982, *History of Classical Scholarship*, translated by A. Harris, edited by Hugh Lloyd-Jones. London.

Acknowledgement

This research was supported by I-Shou University (Grant Number: ISU-104-05-01A).

Ichiro Taida

Research interests: Classics, Classical Receptions

A CHRONOLOGICAL STUDY OF THE EDITIONS OF THE *HOMERIC HYMNS*

Summary

The purpose of the paper is to trace the historical development of the editions of *the Homeric Hymns*, the thirty-three ancient Greek hymns by different anonymous poets, most of which are thought to be composed between the 7th to 6th centuries BCE. Since Demetrius Chalcondyles published the first printed book of the hymns in 1488 in Florence, different editors have produced more than thirty editions. The hymns had been published with other Homeric epics (i.e., *the Iliad* and *the Odyssey*), but since around 1800, editions that only include *the Homeric Hymns* have been released. Recent years have seen a renewed interest in the hymns, and several editions dedicated to only one hymn and accompanied by a full commentary have been created.

KEYWORDS: *Homeric Hymns*, Homer, ancient Greek, epic, editions, books

Ichiro Taida

I-Shou universitetas, Taivanas

Moksliniai interesai: klasikiniai tekstai, tradiciniai analizės metodai.

HOMERO HIMNŲ LEIDIMŲ CHRONOLOGINIĖ APŽVALGA**Santrauka**

Šiame straipsnyje pateikiama istorinė Homero himnų leidimų apžvalga. Homero himnai - tai trys Senovės Graikijoje apie 7 -6 amžius prieš mūsų erą sukurti himnai, kurių autoriai nėra žinomi. Demetrius Chalcondyles išspausdino pirmąjį himnų leidimą 1488 Florencijoje, vėliau trys skirtingi redaktoriai išleido daugiau nei 30 knygos leidimų. Himnai buvo leidžiami kartu su kitais Homero kūriniais, pavyzdžiui, Iliada ir Odisėja; nuo 1800 buvo spausdinami leidiniai skirti tik Homero himnams. Pastaraisiais metais pastebimas didėjantis susidomėjimas šiais himnais, buvo išleistos kelios knygos skirtos vienam konkrečiam himnui, kuriose pateikiami ir detalūs komentarai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: Homero himnai, Homeras, Senovės Graikija, epas, leidimai, knygos.

Ирина Таяновская, Неда Абдолрахим Хассан Шали

Белорусский государственный университет,

пр-т Независимости, 4, г. 220034 Минск, Республика Беларусь

Тел. +8(37529)7533245,

E-mail: tayanov@tut.by, hassanshalli@yahoo.com

Область научных интересов авторов: лингводидактика, риторика; теория и методика обучения в области языкознания, переводоведение

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМЫХ СМЫСЛОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ОТНОШЕНИЙ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФАРСИ)⁶⁶

В статье рассматривается специфика выражения смысловых элементов текста и их отношений в различных языках на примере расхождений между русским языком и фарси. Показывается, в частности, что особенность персидского языка, состоящая в активном употреблении бессоюзной связи и перечислительных структур, позволяет широко использовать их при переводе. В качестве материала для сопоставления выступает классический роман М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени” и его перевод на фарси, выполненный Ахи Мехри. Наряду с этим, авторами предлагаются уточнения в переводе, связанные с восполнением исключения коммуникативно значимых текстовых элементов. Наличие данных элементов прослеживается в числе отдельных слов и их форм (среди коммуникативно-контактных языковых средств – личных местоимений; обстоятельств, передающих время и характер происходящего действия; оценочно-характерологических эпитетов). На уровне речевых звеньев-сегментов они также могут касаться конкретизации обстоятельств действия, пояснения подразумеваемых причин происходящего, сочетания эпитетов, усиливающего впечатление, и т. п.

Исследуемые элементы выявляются и в рамках развернутых отрезков синтаксических конструкций, представляющих психологические (характерологические) подробности,

---

⁶⁶ Данная статья подготовлена по итогам выступления на 8-й международной научной конференции «Человек в пространстве языка» (Каунас, Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского университета, 15-16 мая 2014 г.).

сюжетные детали, повышающие драматизм повествования, вопросы к размышлению, которые дополняют художественную аргументацию и усиливают выразительность текста, и др. Делается вывод о необходимости внесения указанных дополнений в уточненную редакцию литературно-художественного перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысл текста, имплицитные элементы смысла, художественный перевод, переводы с русского языка на фарси, бессоюзная синтаксическая связь, конкретизация.

Актуальность избранной темы определяется влиянием на успешность и адекватность общения специфики выражения смысловых компонентов и отношений в различных языках и имеет двойственный характер, происходящий, прежде всего, из самого своеобразия передаваемых языковых явлений, а также важности их изучения для умения четко излагать мысли, высказываться в соответствии с речевыми условиями и задачами, обмениваться рационально-логической и эмоционально окрашенной информацией.

В соответствии с избранной темой, целью данной статьи являлось проследить отличительные особенности передачи на разных языках смысловых компонентов и их отношений, актуализируемых в тексте, с привлечением сопоставлений между художественным оригиналом на русском языке и его переводом на персидский язык. Таким образом, направление данной работы квалифицируется нами как интегративное переводоведение (пограничное между лингвистическим и литературным). Значимость изучения указанных вопросов усиливается следующим. Имеется обширная и многоаспектная научная литература в области общей и частной теории перевода (Бархударов 2008, Комиссаров 1990, Швейцер 2008, Bell, Candlin 1991 и мн.др.). Охарактеризованы важнейшие фазы переводческой речевой деятельности: ориентировка в условиях переводческой задачи; поиск и выбор переводческого решения; его воплощение; сравнение результата с намеченной целью. Помимо того, рассмотрены также основные виды переводческих трансформаций (перестановки, замены, добавления, пропуски) и конкретные переводческие приемы: описательный перевод, генерализация и т. п. Однако своеобразие переводов русскоязычных текстов на персидский язык, с учетом данных, которые возможно получить методом соответствующего интерлингвального сравнительного (параллельного) анализа, исследовано в значительно меньшей степени.

Так, обращаясь к грамматическому сопоставлению, при переводе с русского языка на фарси следует учитывать, что часть из русскоязычных бессоюзных предложений, как подтверждают лингвистические источники (Валгина *и др.* 2002: 472), строится по схеме сложноподчиненных конструкций; в свою очередь, другая разновидность бессоюзных предложений основывается на схеме сложносочиненных структур. В качестве принципиального различия между бессоюзными и союзными сложными синтаксическими конструкциями выступает имплицитность (неявный характер) средств связи. Имплицитная передача смысловых отношений при соединении предложений наблюдается в случае, когда смысловая связь между ними следует из более широких контекстуальных представлений и взаимосвязей, продолжаемых логическим выводом, из соотнесения передаваемого содержания с общей картиной внеязыковой реальности, дополнительными знаниями.

Предложения со значением причинно-следственной обусловленности состоят из двух разнотипных частей, причем одна часть зависит от другой. Синонимичными данным бессоюзным сложным предложениям в русском языке являются сложноподчиненные предложения. (*Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины* (Лермонтов 2014) // (предложение-трансформ: *Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок, **поэтому** нужны горькие лекарства, едкие истины.*) Пунктуационные знаки в лермонтовском тексте передают перечислительные отношения с причинно-следственным смысловым оттенком. *Поэтому* – союз следственной семантики, и возможность его подстановки в данную конструкцию подтверждает указанный смысловой профиль грамматических отношений.

Средства передачи причинно-следственных отношений в бессоюзных конструкциях на русском языке – интонация и местоименные слова, глаголы-сказуемые в форме изъявительного наклонения, частицы и местоименные наречия, видовременные соотношения глаголов-сказуемых, отрицание как модально-временная форма, условные конструкции с инфинитивом в составе сказуемого и др.

Таким образом, в целом ряде бессоюзных сложных предложений на русском языке выражаются, как правило, имплицитно (за исключением возможности наличия местоименных слов, частиц и вводных слов) условно-следственные и причинно-следственные отношения. При этом бессоюзные структуры с условно-следственной семантикой и причинно-следственной семантикой могут быть синонимичны сложноподчиненным предложениям, что доказывается их

– Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! – закричал третий ⇒

- پنجاه روبل، در مقابل پنج روبل حاضرم شرط ببندم که طپانچه پر نیست.

держу / حاضرم شرط ببندم / ----- روبل / پنج / против / در مقابل / روبل / طپانچه / пятьдесят / که / что / пистолет / پر نیست / не заряжен.

Использование всех этих переводческих решений, среди которых прием исключения широко известен и признан в теории перевода (в числе новейших отражающих это работ см., в частности, Новикова 2009: 5), позволило в существующем переводе передать в целом адекватно содержание текста части романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – «Фаталист».

Но в то же самое время, были и некоторые, на наш взгляд, шероховатости в переводе. К ним можно отнести, в частности, не вполне обоснованные пропуски фрагментов текста, порой – не совсем точный выбор лексических единиц или грамматических построений. Анализ семантики лексических средств оригинала, элиминируемых в переводе, производился с дополнительной лексикографической опорой (Ожегов, Шведова 1999). Далее предложенные нами уточнения в переводе даются в квадратных скобках.

В частности, в рамках отдельных слов и их форм (включая предложно-падежные формы) исключению в переводе в некоторых случаях подвергались:

- Коммуникативно-контактные языковые средства, личные местоимения:

...Я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать свою жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... ⇒

پیشنهاد می کنم، هر کس در مورد خویشتن بیازماید و ببیند که آیا انسان اختیار زندگی خویش را دارد و یا آنکه حقیقتاً ساعت مرگ هر کس از پیش تعیین شده است.

----- و ببیند که / *испробовать* / بیازماید / *на себе* / در مورد خویشتن / ----- هر کس / *предлагаю* / پیشنهاد می کنم / - حقیقتاً / *или* / و یا آنکه / *располагать* / اختیار ... دارد / *своею* / خویش را / *жизнью* / زندگی / *ли человек* / آیا انسان / - / *назначена... ⇒* / تعیین شده است / *заранее* / از پیش / *каждому* / هر کس / *роковая* / مرگ / *минута* / ساعت / -----

[از ما] ; [من خودم]

- Обстоятельства, уточняющие время и характер происходящего действия:

Офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты ⇒

افسران بنوبت در منزل یکدیگر اجتماع می کردند و قمار می کردند.

و قمار / *собирались* اجتماع می کردند / *друг у друга* در منزل یکدیگر / *поочередно* بنوبت / *офицеры* افسران
[هر شب] $\Rightarrow$ *играли в карты* می کردند

Не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил $\Rightarrow$

هر چند اکنون هم یقین ندارم که به سرنوشت معتقد هستم یا خیر، اما در آن شب من به وجود سرنوشت معتقد شده بودم.

предопределению / که به سرنوشت / *не знаю наверное* / یقین ندارم / ---- هم / *теперь* اکنون / ---- هر چند
معتقد شده / *ему* به وجود سرنوشت / *я* من / *в этот вечер* در آن شب / *но* اما / *или нет* یا خیر / *верю ли* معتقد هستم
[بدون شک] $\Rightarrow$ *верил* بودم

- Оценочно-характерологические эпитеты:

"Поставь ва-банк!" - кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтеров $\Rightarrow$

وولیچ بدون اینکه برخیزد به یکی از حریفان بانگ زد که بانکت را بگذار.

понтёров / حریفان / *одному из* / یکی از / *не подымаясь* / بدون اینکه برخیزد / *Вулич* / وولیچ
[ماهرترین] $\Rightarrow$ *поставь* بگذار / *ва-банк* بانکت را / ---- که / *кричал*

На уровне отдельных речевых звеньев-сегментов при переводе также иногда исключались:

- Конкретизация обстоятельств действия, в том числе выраженная в представлениях армейской, военной жизни и языка:

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге $\Rightarrow$

زمانی بر حسب پیش آمد دو هفته در پادگان قزاقان بسر بردم.

в станице / در پادگان / *две недели* / دو هفته / *случилось* / بر حسب پیش آمد / *как-то раз* / زمانی
[در جناح چپ] $\Rightarrow$ *прожить* بسر بردم / *казачьей*

- Пояснения тех подразумеваемых причин происходящего, которые читателям перевода необходимо будет в итоге осознать из подтекста:

...Он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливицу, несмотря на возражения о неуместности платежа $\Rightarrow$

کیف پول خرد و کیف بغل خود را از جیب بیرون آورد و با وجود اعتراض حریف سعادتمند هر دو کیف را به او داد.

вынул / و / *и* / از جیب بیرون آورد / *свой* خود را / *бумажник* / و کیف بغل / *кошелек* کیف پول خرد
 $\Rightarrow$ *отдал* داد / ---- به او / *их* هر دو کیف را / *счастливицу* حریف سعادتمند / *несмотря на возражения* / اعتراض
[در مورد اینکه جای بذل و بخشش نیست]

- Сочетание эпитетов, усиливающее впечатление:

Каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra $\Rightarrow$

هر کس پیش آمدی را که برله یا علیه این مطلب بخاطر داشت، بیان می کرد.

بیان / ----- این مطلب بخاطر داشت / *pro* или *contra* برله یا علیه / *случаи* پیش آمدی را / *каждый* هر کس
[متنوع و بی نظیری] ⇒ *рассказывал* کرد

• Слова автора при прямой речи, которые передают характер описываемой реакции:

– *Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие!* – закричали ему.

- می خواهی چه کنی؟ گوش کن، این دیوانگی است.

است / *сумасшествие* دیوانگی / این *это* / گوش کن / *послушай* / *что* چه / *хочешь* می خواهی

-----⇒ [بر سر او فریاد زدند]

На уровне целостных, развернутых фрагментов синтаксических структур при переводе могли исключаться:

• Парадоксальные психологические (характерологические) подробности, в том числе с введением противопоставлений:

За зеленым столом он забывал всё, и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство ⇒

در پشت میز قمار همه چیز را فراموش می کرد.

⇒ *забывал* فراموش می کرد / *всё* همه چیز را / *зеленым* قمار / *за столом* در پشت میز

[و معمولاً می باخت، اما این شکست های بیپای فقط لجاجت و خشم او را برمی انگیختند.]

• Сюжетные детали, усиливающие драматизм повествования и нетерпение читателя, например, такие событийно-бытоописательные сведения:

Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк, ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу, все вскочили и бросились к оружию ⇒

می گفتند که وقتی در یکی از ماموریت ها، شبانگاه ناگهان صدای شلیک گلوله به گوش رسید و آژیری کشیدند. همه از جای برجستند و به طرف سلاح خویش دویدند.

/ *ночью* شبانگاه / *во время экспедиции* در یکی از ماموریت ها / *что раз* که وقتی / *Рассказывали* می گفتند

کشیدند / *тревогу* آژیری / ----- و / *раздались* به گوش رسید / *выстрелы* صدای شلیک گلوله / *вдруг* ناگهان

[⇒ *бросились* دویدند / *и к оружию* و به طرف سلاح خویش / *вскочили* از جای برجستند / *все* همه / *ударили*

بساط قمار به راه بود، او حسابی روی دور (شانس) بود]

• Вопрос к размышлению, дополняющий аргументацию и повышающий выразительность текста:

И если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках? ⇒

و چرا ما باید جواب اعمال خویش را بدهیم؟

بدهیم / *наших* / *خویش* را / *اعمال* / *отчет* / *جواب* / *должны* / *باید* / *ما* / *мы* / *چرا* / *پочему* / ----- / *давать?* ⇒

[و اگر واقعاً قضا و قدر وجود دارد، پس دیگر چرا به ما قدرتِ ارده، اختیار و ادراک داده شده است؟]

Поэтому нами была сделана попытка в работе аспиранта БГУ Н.А. Хассан Шали представить еще один, альтернативный и оригинальный, уточненный вариант перевода части текста романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – «Фаталист». Считаем немаловажным указать, акцентируя научно-практическую ценность рассуждений и выводов, отраженных в данной статье, что в ходе лингвистической подготовки в высшей школе (на учебных занятиях со студентами, изучающими русский или персидский язык как иностранный), с учетом результатов выполненного исследования, может предлагаться аналогичное проведенному самостоятельное межъязыковое сравнение-анализ параллельных контекстов. Данный вид обучающей деятельности, сопровождаемый комментирующими и оценочными ответами, организуется в форме учебных мастер-классов по переводу.

Литература

БАРХУДАРОВ, Л. С., 2008. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Издательство ЛКИ.

ВАЛГИНА, Н. С., РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ФОМИНА, М. И., 2002. *Синтаксис современного русского языка*. Москва: Логос.

ИВАНОВ, В. Б., ГЛАДКОВА, Е. Л., 2011. *Персидский язык*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

КОМИССАРОВ, В. Н., 1990. *Теория перевода. Лингвистические аспекты*. Москва: Высш.шк.

ЛЕРМОНТОВ, М. Ю., 2014. *Герой нашего времени* [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/geroi.txt>. [См. 10.05.2014].

НОВИКОВА, М. Г., 2009. *Синтаксические преобразования на уровне предложения при переводе с английского языка на русский язык на примере коротких рассказов С. Моэма*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва: Моск.гос.обл.ун-т.

ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю., 1999. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Азбуковник.

ШВЕЙЦЕР, А.Д., 2008. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. Москва: URSS.

BELL, R.T., CANDLIN, C., 1991. *Translation and translating: theory and practice (applied linguistics and language study)*. London, New York: Longman Group UK Ltd.

میخائیل یوریچ لرمونتوف / М.Ю. Лермонтов, 1978. *Герой нашего времени*. ۱۹۷۸. تهران: نشر کتاب. B.T.N.K. *Перевод Ахи Мехри*. *قهرمان عصر ما*.

Irina Tayanovskaya, Neda Abdolrahim Hassan Shali

Belarusian State University, Belarus

Research interests: linguistic didactics, the theory and methods of teaching linguistics, translation theory

THE PECULIARITIES OF THE TRANSMISSION OF COMMUNICATIVELY SIGNIFICANT SEMANTIC ELEMENTS AND RELATIONSHIPS IN THE TEXT (BASED ON THE TRANSLATION OF A LITERARY WORK FROM RUSSIAN INTO FARSI)

Summary

The article deals with the specifics of the expression of semantic text elements and their relations in different languages as based on the example of differences between the Russian and Farsi languages. It shows in particular that the peculiarity of the Persian language which lies in the active use of asyndetic communication and enumeration structures makes it possible to use them extensively in translation. The classic novel by Mikhail Lermontov *A Hero of Our Time* and its translation into Farsi made by Ahi Mehri were used as the material for the comparison. Along with this, the authors propose a refinement of the translation related to the completion of the text with significant communicative text elements that were omitted. The presence of these elements can be seen in a number of words and their forms (among such communicative linguistic elements as personal pronouns, adverbial modifiers of time and manner and evaluative epithets). At the level of speech units they can also relate to the specification of circumstances of actions, explanations of implied causes of events, the combination of epithets, the reinforcement of an impression, and so on.

The investigated elements are identified within more developed syntactic segments representing psychological (characterological) details, plot details that enhance the dramatic nature of the narrative, questions for reflection that complement to the artistic reasoning and increase the expressiveness of the text and others. The conclusion is about the necessity for all these additions to be included in the new reformulated edition of the literary translation.

KEYWORDS: meaning of the text, implicit elements of meaning, literary translation, translation from Russian into Farsi, asyndetic connection, specification.

Irina Tajanovskaja, Neda Abdolrachim Chasan

Baltarusijos valstybinis universitetas, Baltarusija

Moksliniai interesai: lingvistinė didaktika, retorika, kalbų mokymo teorija ir metodika, vertimas.

KOMUNIKACINIŲ PRASMĖS ELEMENTŲ VERTIMO YPATUMAI (MENINIŲ TEKSTŲ RUSŲ KALBA VERTIMAS Į FARSI KALBĄ)

Santrauka

Straipsnyje apžvelgiami prasmės elementų vertimo ypatumai verčiant meninį tekstą rusų kalba į farsi kalbą. Analizei pasirinktas klasikinis M. Lermontovo romanas „Mūsų dienų herojus“ bei Achi Mechri vertimas į farsi kalbą. Atliekant tyrimą nustatyta, kad persų kalbos ypatybės (bejungtukės struktūros, vienaarūšės sakinio dalys) dažnai naudojamos verčiant tekstus iš rusų kalbos; taip pat autoriai dažnai papildomai komentuoja išversto teksto vietas, susijusias su komunikaciniais prasmės elementais. Šie elementai būdingi tam tikrai grupei žodžių, pavyzdžiui, asmeniniams įvardžiams, laiko aplinkybėms, epitetams. Kalbos segmentų lygyje šie elementai aptinkami pateikiant papildomą informaciją apie veiksmo aplinkybes, jo priežastis, kai kuriuose epitetuose ir pan.

Aptariamieji elementai taip pat aptinkami ir išplėstinėse sintaksinėse konstrukcijose, kuriose pateikiamos psichologinės ir siužeto detalės, sustiprinančios pasakojimo dramatiškumą, psichologiškumą ir meniškumą. Apibendrinant, tyrimo išvados turėtų būti naudojamos atliekant meninio teksto vertimą.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: teksto prasmė, implicitiniai prasmės elementai, meninio teksto vertimas, vertimas iš rusų į farsi kalbą, bejungtukė sintaksinė jungtis, konkretizacija.